

[Polaris]

Василий Аксенов

ПОВЕСТЬ

Факсимильное
издание

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CCVIII

Salamandra P.V.V.

ВАСИЛИЙ
АКСЕНОВ

МОЙ ДЕДУШКА
- ПАМЯТНИК

Журнальный вариант
Факсимильное издание

Salamandra P.V.V.

Аксенов В. П.

Мой дедушка – памятник: Повесть об удивительных приключениях ленинградского пионера Геннадия Стратофонтова, который хорошо учился в школе и не растерялся в трудных обстоятельствах. Илл. М. Беломлинского. – (Журнальный вариант. Факсимильное изд.). – Б. м.: Salamandra P.V.V., 2017. – 62 с., илл. – (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. ССVIII).

Настоящее факсимильное издание представляет приключенческо-фантастическую повесть В. Аксенова «Мой дедушка – памятник», авантюрное повествование, весело обыгрывающее штампы советской массовой культуры. Повесть представлена в журнальном варианте в сопровождении оригинальных иллюстраций – то есть именно в том виде, в каком она впервые увидела свет в 1970 г. на страницах журнала «Костер».

МОЙ ДЕДУШКА
- ПАМЯТНИК

— Да нет. Она уже в десяти метрах. Я вижу, как она скользит под водой.

— Может быть, вы видите ночью, как днем? Может, вы так называемый никтолог? — воскликнул я.

— Вы угадали, — просто ответил Геннадий.

Несколько секунд спустя бабушка с шумом вынырнула возле самой лестницы.

— Генаша, ты здесь? — спросила она низким девичьим голосом.

— I'm here, granpappy! — ответил Геннадий с идеальным английским произношением и добавил на незнакомом мне языке. — Хава свимматора ю лер?

— Бундэрдл сера оччи! — с живнерадостным смехом ответила на том же языке бабушка и стала легко подниматься по лестнице.

ИЗ КОТОРОЙ ДОНОСЯТСЯ ЗВУКИ РАННЕГО ДЕСТВА ГЕННАДИЯ СТРАТОФОНТОВА И СКРЕЖЕТ УЧИТЕЛЬСКИХ ПЕРЬЕВ, ВЫВОДИВШИХ В ЕГО ДНЕВНИКЕ МНОГОЧИСЛЕННЫЕ ПЯТЕРКИ

Геннадий Стратофонтов родился в начале пятидесятых годов в Ленинграде на улице Рубинштейна от незаурядных родителей. Отец его был скромным работником почтамта и вместе с тем заслуженным мастером спорта по альпинизму, участником штурмов многих заоблачных пиков. Маму его, скромного библиотекара, по примеру свекрови, влекло еще выше — в небо, откуда она постоянно совершала затяжные парашютные прыжки в кислородной маске. В связи с этими увлекательными занятиями родителей Геннадий часто оставался один, но отнюдь не скучал. Еще в очень раннем возрасте он научился понимать и уважать папу и маму и предоставил им полную свободу действий.

Часами бродил крошечный мальчик по огромной квартире, не выпуская из рук любимой книги «Водители фрегатов». Квартира была темноватой и таинственной. Большие зеркальные окна ее упирались в стену недавно построенного желтого дома, похожего на чертог сultана Мальдивских островов. Мутноватый желтый свет падал на слегка подернутые пылью конторки, пуфы, глобусы, барометры и секстанты. В столовой висел поясной портрет далекого предка Гены, адмирала Стратофонтова, известного путешественника, человека широких передовых взглядов, прославившегося тем, что в 18... году он на своем клипере «безупречный» зашел в залив Сильвер-Бей эскадре кровавого пирата Рокера Буги. Гена часто останавливался перед портретом предка, смотрел на узкое лицо в пуштыхих бакенбардах, на голубые океанские глаза и тихо говорил:

— Здравствуй, дедушка. Позволь представить тебе моего друга адмирала Ивана Круzenштерна. Ах, вы знали? Ты служил на его шлюпке еще, гардемарином? Очень рад. А вот сидит в кресле другой мой друг, капитан Джеймс Куик, а возле глобуса стоит Дюмон-Дюрвиль, а там у окна Лазарев... Все мои друзья — безпречные храбрые и благородные сердцем люди.

— А где твои родители, Генаша? — спрашивал адмирал.

Геннадий тогда включал радиоточку, и она сразу же сообщала женским голосом:

— Новости спорта. Вчера группа альпинистов во главе с известным спортсменом Эдуардом Стратофонтовым приступила к покорению очередного безымянного семитысячника на Памире... — и мужским голосом: — Мастер парашютного спорта Элла Стратофонтова идет на побитие мирового рекорда американки Мерлин Бушканец.

¹ Я здесь, бабушка (англ.).

Она была похожа на сильно увеличенную копию известной скульптуры «Девушка с веером», но вблизи, однако, можно было разглядеть в ее лице следы былой красоты.

— Познакомься, бабуля, — сказал Геннадий. — Это писатель Василий Павлович.

— Очень приятно, — пророкотала бабушка, протягивая мне мокрую руку. — Стратофонтова Мария Спиридоновна, подполковник в отставке.

От нее пахло водорослями и здоровьем.

— Пойдемте к нам чай пить, — предложила она.

До утра засиделась мы тогда на веранде их дачи, и из рассказов Марии Спиридоновны и Геннадия сложилась такая паразитальная история, что я счел своим долгом пересказать ее читателю.

Адмирал одобрительно кивал головой.

Вечерами Геннадия навещала Унг-Ма, супруга вождя дружественного племени, точнее, соседка Полина Сергеевна. Она кормила мальчика печеными крокодильими яйцами, дыговным молоком, дикой козлятиной. После ее визита Геннадий читал «Водители фрегатов» и энциклопедию, совершенствовался в английском языке, а потом отправлялся в дальнюю экспедицию, то есть в постель. Утром он самостоятельно уходил в детский сад, в свою группу, которую снисходительно называли в письмах к родителям «моя малышовка».

Иногда под окнами Стратофонтовых останавливался военный газик. Солдат распахивал дверку, и из машины выныривала перетянутая портупеей бабушка.

Геннадий очень любил свою бабушку. Бабушка пытала к нему еще более сильным ответным чувством. Друзья могли часами сидеть на диване и беседовать. Бабушка рассказывала внучку о горячих денечках, о воздушных боях над Кенигсбергом и Берлином, а внук пересказывал бабушке содержание прочитанных книг.

Наконец, когда Геннадию перевалило за шесть, на Памире и Тянь-Шане не осталось безымянных семитысячников. Вернулся папа. Мировой рекорд заносчивой американки был побит путем приземления точно в крест с высоты 22.000 метров. Вернулась мама. Эсский авиационный полк в торжественной обстановке проводил на заслуженный отдых бабушку. Семья зажила дружно и содружительно.

Время шло. Геннадий успешно овладевал школьной программой, увлеченно работал в пионерской организации, много времени уделял искусству и спорту. Может составляться впечатление, что он был совершеннейшим пай-мальчиком, эдаким занудой-тихоньем, образцово-показательным любимчиком педагогов. Должен прямо сказать, что такое впечатление было бы неверным. Ничто человеческое было ему не чуждо. Он никогда не отказывал себе в удовольствии трахнуть портфель по голове, какого-нибудь юного прохвоста, обидевшего одноклассницу Наталью Вертопрахову, часами мог лежать в снегу наперсника детских забав Вальку Брюквина; словом, он рос совершенно нормальным мальчиком. Успехи же его были вызваны недюжинными способностями и поразительной увлеченностью, с которой он подходил к каждому делу. Сверстники любили Геннадия за живой нрав, обширные знания и успехи в спорте. У него было много друзей и среди взрослых — почтовые работники и библиотекари, альпинисты и парашютисты, военнослужащие. Кроме того, у него

было несколько заочных знакомств за пределами нашей страны. Пользуясь своим блестящим английским, Геннадий поддерживал постоянную переписку с мальчиками из Великобритании, Нигерии, Новой Зеландии, Танзании...

Года за два до того, как начались главные события этой книги, Геннадий, ему шел тогда одиннадцатый год, познакомился с Николаем Рикоштниковым. Произошло это в Доме культуры Ленсовета на сеанске одновременной игры против гроссмейстера Михаила Тали.

Гроссмейстер первенчал. Почти не думая, он делал ходы, то и дело тревожно поглядывая на лобастого симпатичного мальчика в белом свитере, сидящего за дешевой доской.

«Неужели он примет жертву?» — думал Таль, покусывая тонкие губы. — «Боже мой, неужели он примет жертву?»

— Примете жертву? — спросил Геннадия сосед слева. Геннадий посмотрел на него. Это был мужчина с худым и да черноты загорелым лицом, с умными и очень живыми глазами, с небольшим шрамом на лице возле носа. Одет он был в обыкновенный серый костюм, но на левой руке у него были массивные часы странной треугольной формы, а правую руку обхватывал браслет, сделанный из зубов какой-то глубоководной рыбы. «Любопытный молодой человек», — подумал Геннадий и ответил:

— Да, приму. — Не кажется ли вам, что здесь танцует ловушка? — спросил сосед. — Вы же знаете эти жертвы Тали.

— Я все продумал, — спокойно сказал Геннадий. — Никакой ловушки нет, — он мельком взглянул на позицию соседа. — А вот вам грозит мат.

— Как!! Где!! Не может быть! — воскликнул сосед, судорожно оглядел позицию и прошептал: — А ведь верно...

— Спрятать пешку с-7 в карман, — посоветовал ему из-за плеча Геннадий сизоносый дородный мужчина, от которого исходил какой-то странный, совершенно незнакомый мальчику запах. Так пахнет, должно быть, смесь одеколона и вчерашнего винегрета.

Геннадий взволнованно посмотрел ему прямо в глаза.

— Как же вам не стыдно?! — ломким голосом воскликнул он.

Сизоносый под его взглядом запыхтел, покрылся пятнами и вытащил из кармана две талевские пешки, коня и ладью.

— Возвращается, — шепнул Геннадию сосед слева.

Геннадий повернулся голову и поймал обращенный к нему жгучий тревожный взгляд экс-чемпиона мира. Быстро делая ходы, Таль приближался к Геннадию. В зале слышались глухие риданья побежденных и звонкий смех редких счастливцев, сделавших ничью. Матч на ста досках близился к концу. Геннадий снял пешкой белого ферзя и спокойно стоял ждать.

— Вам мат, — торопливо сказал Таль сизоносому, шагнул к Геннадию, окинул взглядом доску, вздрогнул и, глубоко заглянув в глаза мальчику, прошептал: — Поздравляю с победой.

В зале начался ужасающий шум. Таль стоял, опершись на стол, и покачивался то ли от усталости, то ли от огорчения.

Сосед слева крепко пожал руку Геннадию.

— Какой вы молодец! Поздравляю!

В гардеробе загорелый сосед подошел к Геннадию. Был он уже в очень интересном кожаном полупальто с многочисленными молниями и в рыжей забавной кепичке.

— Еще раз хочу выразить вам свое восхищение, — сказал он и представился: — Рикоштников Николай Ефимович.

— Геннадий Стратофонтов, — отрекомендовался наш герой.

Они вместе вышли на улицу. Здесь их обогнал сизо-

носы. Обернувшись, он смерил Геннадия уничтожающим взглядом и хохотнул, высыпавшись.

— Тоже мне! Яйца курицу укути! А ведь наверное пионер!

Смех его был надменным и грубым, но в нем чувствовалась обида и тоска. Кто знает, сколько недаждь связывал этот человек с сегодняшним матчом.

Николай Рикоштников тут же взял его за локоть своей железной рукой.

— Немедленно извинитесь.

— Немедленно извиняюсь, — сразу же сказал сизоносый и неуклюже потопал с гастрооному.

Геннадий и Николай Рикоштников медленно пошли по Кировскому проспекту к Неве.

— Стратофонтов... — проговорил Николай. — Вы знаете, что был такой путешественник Стратофонтов?

— Это мой предок, — сказал Геннадий. — Его портрет висит у нас дома.

— Вот это удивительно! — воскликнул Николай. — Ведь адмирал Стратофонтов был любимым героем моего детства. Никогда не забуду описание его битвы с эскадрой Рокера Буги. Может быть, благодаря Стратофонтову я и пошел в мореходство?

— А вы моряки?

— Да. Я капитан научно-исследовательского судна «Алеша Попович».

Сердце Геннадия часто забилось.

— Да вы же, наверное, изблизили всю Океанию?!

— Да, изблизили, — скромно ответил Николай.

... Падал мягкий снег. Он покрыл уже скаты и паркеты Петропавловской крепости, тротуары и перила моста.

Внизу колыхалась тяжелая невская вода. За Дворцовым мостом мигали огни большого крейсера, явившегося в город на Октябрьские праздники.

— Ну, а я просто школьник, — сказал Геннадий.

— Я догадался, — сказал Рикошетников.

— В раннем детстве... — сказал Геннадий и взглянул на капитана, не усмехаясь ли он. Нет, Рикошетников и не думал усмехаться. Чуть склонив голову, предупредительно и серьезно слушал выдающегося мальчика.

— В раннем детстве я мечтал стать моряком, — продолжал Геннадий. — Путешественником, как мой предок. Я, конечно сказать, бредил Океанией. Но, согласитесь, Николай Ефимович, какой смысл сейчас становиться путешественником? Ведь все уже давным-давно открыто, исследовано. Море стало вполне обычным... Эх, надо бы мне родиться хотя бы в XIX веке, а еще лучше в XVII-ом!

— Конечно, сейчас острова не откроешь, — задумчиво проговорил Рикошетников, — и лайнеры пересекают Атлантику за пять дней точно по расписанию. Но, знаете, Гена, океан остается океаном. Он так огромен... Даже гигантские атомные субмарины иной раз пропадают в нем без следа... Знаете, иногда стоять ночью на мостике, смотря в море и начинает даже какая-то чертовщина мерещиться, кажется, что там, под тобой, на страшной глубине есть какая-то совершенно неизвестная и недоступная воображению жизнь. Большие глубины, Гена, практически ведь еще не исследованы...

Год назад мы работали милях в двухстах к востоку от архипелага Кюри. Утром как-то выхожу на палубу — батюшки! — прямо под бортом метрах в десяти чудовищная рыба, величиной со слона. Ярко-красная и будто светящаяся изнутри. Плынет на поверхности, таращит жуткие бураки, как будто пощады просит, потом переворачивается на брюхо и точка. Подняли мы ее на палубу. Наш главный ихтиолог чуть в обморок не упал. «Глазам своим не верю! — кричит. — Это же рыба-намадзу!» Оказалось, что это полумифическая глубоководная рыба, существование которой ученые подвергали сомнению. В японских старых книгах говорится, что рыба намадзу предвещает землетрясение. Всплыает на поверхность и подыхает. Ученые считают это чистым вымыслом. Но, между прочим, Гена, через три дня на Кюри было сильное землетрясение...

— И вы попали в шторм? — спросил Геннадий.

— Ну, нет! — засмеялся Николай. — Капитан Рикошетников уважает мифологию. Мы вовремя драпанули к Большому Эмпиреям.

— Большие Эмпиреи! — воскликнул Гена. — Да ведь это же...

— Совершенно верно, — сказал моряк. — Именно в районе этого архипелага началась многодневная битва «Безупречного» с пиратской эскадрой.

— Это чудовище Рокер Буги беспощадно грабил островитян — гневно сказал Геннадий и скжал кулаки. — Он хотел свинти на Эмпиреях свое гнездо!

— Не вышло! — выкрикнул Николай.

Капитан и школьник остановились возле памятника Суворову, посмотрели друг другу в глаза и обменялись крепким рукопожатием.

... Ядро пробило фальшборт, шипящим яростным дьяволом прокатилось по палубе, калеча людей, разрушая предметы.

— Разрешите открыть огонь? — дрожа от возбуждения, спросил лейтенант.

— Еще не время, — спокойно проговорил командир.

Русский клипер несся по узкому проливу вслед за пиратской эскадрой. Расстояние между ним и тремя неуклюжими, но сильно вооруженными барками неумолимо сокращалось.

— Он правильно сделал, что отрезал «Блу Вэйла» от двух других судов, — сказал Николай Рикошетников.

— А потом накрыл его заплом правого борта, — продолжал Геннадий Стратофонтов.

... Гром канонады висел над прозрачными до самого дна прибрежными водами. Потревоженные осьминоги вылезали из темных расселин. Дельфины возбужденно прыгали между водяных столбов, удивляясь веселой игре, затеянной их старшими братьями. Жители Большых Эмпиреев живописными группами толпились на прибрежных скалах, наблюдая, как стремительный белокрылый корабль расправляет с их обидчиками, явившимися словно призраки кровавого XVI столетия в прошвещенный XIX век.

— Вот так-то, мистер Рокер Буги, — прошептал Геннадий. — Вот так-то. А ведь вы могли бы быть неплохим моряком.

— По некоторым источникам, капитану Буги удалось спастись, — сказал Николай. — Говорят, что он провел остаток своих дней на острове Карбункул.

Рокот мощного мотора вернул собеседников в наши дни. Возле памятника Суворову остановился автобус, из него с беззабытным смехом вывалилась группа иностранных туристов. Шелкав аппаратами, куря табак, жуя и жужужа, европецы подошли к памятнику полководца, который в бытые дни немало потрепал их прапорщиков. Внимание Геннадия и Николая привлек один из туристов, рослый, сильный мужчина лет сорока. Пальто из дорогого твида обвязывало мощный торс, тяжелые, так называемые «вечные» ботинки оставляли в пухистом снегу широкие следы, по меньшей мере, сорок четвертого размера.

Чрезвычайно крупные черты лица — баюнообразный нос, мохнатые гусеницы бровей, похожий на угол подбородок — находились в странном противоречии с единственной изящной деталью, аккуратно подбитыми усиками.

Держась несколько в стороне от группы, мужчина подошел к памятнику, осмотрел его, неопределенно улыбнулся. Под тонкими усиками мелькала золотой зуб. Внимательные холодные глаза остановились на капитане и мальчике, чуть расширились, как у застывшего перед прыжком хищника, потом отъехали в сторону. В поисках сигарет мужчина оплюхал себя по карманам, расстегнул пальто, и в мутном свете фонарей мелькнула галстучная заколка в виде лопаты с приаянкой в че-ренку старинной монеты, чуть ли не испанским дублоном XVI века. Недобро улыбаясь, он смотрел на все, что дорого каждому ленинградцу, каждому советскому человеку, да и просто человеку доброй воли — на шпили Петропавловки, на Ростральные колонны, на арки мостов.

— На редкость неприятный человек, — сказал Геннадий.

У него еще в раннем детстве выработалась одна весьма полезная привычка: некоторые мелькающие в толпе лица он усилием воли фиксировал в своей памяти. Так и сейчас он прищурился на неприятного незнакомца, как бы сфотографировал его на всякий случай.

Этот вечер капитан провел в кругу семьи Стратофонтовых. Родители Геннадия Элла и Эдуард, а также бабушка Мария Спиридоновна, очаровали моряка. В новых знакомых он сразу угадал людей своего круга, людей большого риска, безграничной храбрости и благородства. Так началась дружба капитана научно-исследовательского дизельэлектрохода «Алеша Попович» с потомками адмирала Стратофонтова и прежде всего — со восторженно одаренным школьником Геной.

Под влиянием этой дружбы Геннадий вступил в клуб «Юных моряков» и вскоре стал там одним из первых активистов. Он научился обращаться с сектантом и гирокомпасом, прокладывать курс на штурманских картах, разбираясь в лоциях, в международном своде сигналов, грести, нырять с аквалангом, извлекать из моря необходимые для жизни вещества.

Возвращаясь из своих дальних рейсов, Рикошетников немедленно являлся к Стратофонтовым. О, эти прекрасные вечера под медной листрой, под благожелательным голубым взглядом адмирала! О, эти рассказы о трудной морской работе, о далеких портах Ла-Валетта, Дубровник, Джакарта, Перт, о дружбе и силе духа!

Междуд темшли недели, месяцы и даже годы. Весной 196... года, когда Геннадий окончил шестой класс, капитан Рикошетников привел в Ленинград из дальневосточного порта Находка.

— Сильно оброс «Алеша Попович» морскими желудями, — объяснил он. — Поставили его в док почистить, чтобы не обижался.

Бабушка Стратофонтова в это время с невероятным упорством сооружала большой кремлевский торт в честь

своего любимица. Руки ее, непривычные к женскому труду, плохо осуществляли грандиозный замысел, и вскоре мужчины общими усилиями возвели на стол кремлевское вдохновение, похожее на контрольную башню аэродрома.

— Куда же вы теперь собираетесь, Николай? — спросила мама Элла, когда башня была уже скрыта до основания.

Рикошетников смущенно хмыкнул и, глядя в скатерть, проговорил:

— Представьте себе, друзья... как это ни странно, но... все это лето мы будем исследовать прибрежный шельф в районе архипелага Большие Эмпиреи...

— Я... — вскричал при этих словах Геннадий и осекся.

— Что?! — вскричала бабушка и скакала под столом скатерть.

За столом воцарилось молчание, нарушающее лишь сильным стуком Генашиного сердца. Потом все медленно повернулись к портрету адмирала. Адмирал мягко, отечески улыбнулся. Похоже было на то, что он все уже знал наперед.

— А почему бы и нет? — проговорил папа Эдуард, вспомнив горы.

— Я за! — коротко сказала мама Элла, вспомнив небо.

— Двух мнений тут не может быть! — покрывшись ходячим потом, заявила Мария Спиридоновна и вспомнила все.

— В принципе это возможно, если будет ходатайство вашего клуба, — почесав затылок, сказал Геннадию Николай Рикошетников.

Через неделю после этого разговора новониспеченный моряк, лаборант экспедиции Геннадий Стратофонтов в 17 часов 47 минут на набережной Кутузова совершенно случайно встретил одноклассницу Наташу Вергопракову, надменное существо, чем-то напоминающее морского кокка.

Наталья была целеустремленной девочкой, каждый час ее был расписан, и ежедневно ее можно было случайно встретить на набережной Кутузова в 17.47 по пути из секции художественной гимнастики.

— Ая, Наташка, — рассеянно сказала Геннадий и остановился. — Привет-привет! Как дела?

— Ничего себе, — ответила Наташа, не прекращая движения. — Работаю по программе мастеров.

— Соревнования скоро?

— Ох, и не говори! Волнуюсь страшно! В начале июня наша команда едет в Краков. Представляешь, в Краков?!

— А я к Большому Эмпиреям подаюсь, на все лето в экспедицию, — сказал Геннадий. — На судне «Алеша Попович»...

— Пожелай мне ни пуха ни пера, — сказала Наташа и протянула ему руку. Он посмотрел в синие глаза и увидел там только пьедестал почета и неверное мерцание будущей славы.

— Ни пуха ни пера, — пробормотал он.

— К черту! — с чувством сказала Наташа и стала стремительно удаляться.

Геннадий некоторое время смотрел ей вслед, потом отвернулся и едва не был сбит с ног бегущим Валькой Брюкиным.

— Валька, а я к Большому Эмпиреям подаюсь на «Алеша Поповиче!» — крикнул Геннадий, хватая его за плечи.

— Да? Ну, счастливо! — Брюкин вырвался. — Приедешь — расскажешь!

Не первое свежести подметки наперсника детских забав некоторое время еще мелькали перед недоуменным взором Геннадия, а потом растворились в предвечернем золотистом свечении, свойственном только одному городу на земле — Ленинграду.

На этом можно закончить первую вступительную главу. Впрочем... нет, я совершенно забыл сообщить

читателю об одном, на первый взгляд, пустяковом случае. Дело в том, что дня через три после первой встречи Геннадия и Николая Рикошетникова на адрес Стратофонтовых пришло странное письмо. На бланке гостиницы «Астория» крупно было начертано несколько слов:

ВСЕРОССИЙСКОЕ АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО
ИНТУРИСТ

г. Ленинград, ул. Грибоедова, 29
Телефон: Астория, тел. АД-00-31

Гостиница «АСТОРИЯ»

Mr. Stratofontov esq.
I'll never forget the
Silver-bay. R.B.

В КОТОРОЙ СЛЫШИТСЯ РЕВ ШТОРМА,
БЕЗОБРАЗНО ХЛЮПАЕТ
СВАРЕННЫЙ НАКАНУНЕ БОРЩ,
А В КОНЦЕ ПОД ПЕНИЕ СКРИПКИ
БУЛЬКАЕТ СУП ИЗ КАРАКАТИЦЫ

Уже двое суток десятибалльный шторм трепал «Алешу Поповича». Он налетел среди ночи, через два часа после выхода из бухты Находка, к утру набрал полную силу и больше уже не ослабевал в течение всего времени, пока «Попович» пересекал Японское море, держа курс на Сангарский пролив.

Геннадий, разумеется, за это время ни разу не приснег. Во-первых, это был его первый выход в море, во-вторых, первыи в его жизни шторм, да еще и какой — десятибалльный! Вот ведь чертовское везение! Весь в синяках, от стенки к стенке, падая в тартарары и вздымаясь под небеса вместе с палубой, Геннадий облизал все судно. Конечно, забраться на койку ему мешало жгучее любопытство, но, кроме того, он опасался, как бы не поймали его в горизонтальном положении морская болезнь, как бы сосед по каюте судовой плотник Володя Телескопов не стал свидетелем позора.

Пока все было, как говорится, о'кей. Глядя с ходового мостика не вздымавшуюся перед «Алешей Поповичем» чудовищную, дымящуюся водяной пылью стену, Геннадий только лихо посвистывал сквозь зубы. Нервы у него сдали лишь тогда, когда он увидел «тонущий» танкер — груженый, низкосидящий, захлестываемый волнами, благородно шлепающий в Иокогаму.

Теперь все было конечно. Теперь все, весь экипаж, узнают, что потомок знаменитого адмирала на самом деле слабохарактерный салажонок и ничего больше.

¹ Господину Эдуарду Стратофонтову, эсквайру. Я никогда не забуду Сильвер-Бей. Р. Б. (англ.).

Папа Эдуард отправился тогда в «Асторию», чтобы выяснить, кто скрывался под инициалами Р. Б. В книге гостей значились:

Рикардо Барракуда

Рональд Бьюик

Ростан Бизе

Раматраканг Бонгнавилатронг

Рихард Бурш

Ростислав Боченкин-Борев

Все эти лица категорически отрицали свое авторство. Папа Эдуард, пристыженный, покинул «Асторию», решив, что это разыгрыш друзей почтмейстеров или альпинистов.

Глубоко удрученный Геннадий выскользнул из рулевой рубки, кубарем слетел вниз по трапу на вторую палубу, побежкал по длинному тусклому освещенному коридору мимо кают, за дверьми которых слышались слабые стоньи ученической братии, налег плечом на стальную дверь...

В лицо ему с невероятной силой ударила ветер. Судно в это время кренилось на правый борт, и страшная вихревая пучина была совсем рядом. Ударила какая-то партизанствующая волнишка величиной с кита, наскрыла палубу, потащила Геннадия к фальшборту. Руки мальчика судорожно вцепились в панцирь.

«Алеша Попович» медленно выпрыгивался. Вода, клюкча, уходила в портики. Геннадий сделал несколько шагов к корме и уцепился за какую-то стойку. Он оказался в середине судна, как бы в центре раскачивающейся доски. Здесь качка чувствовалась меньше. Электроход зарывался носом, а корма быстро шла вверх, закрывая полнеба. Вот по всему корпусу прошла сильная дрожь — это обнажился винт.

Метрах в десяти от Геннадия распахнулась дверь камбуза, и два чумазых артельщики выволокли на палубу огромный котел со вчерашним борщом. Нельзя сказать, что во время шторма экипаж «Алеши Поповича» отличался повышенным аппетитом. Артельщики, поднатужившись, подняли котел и вывалили его дивное содержимое за борт.

Вслед за этим произошло странное событие. Борщ, наваристый, янтарно-багрово-зеленоватый борщ, не ухнул, как ему полагалось, в пучину, а в силу каких-то необъяснимых аэродинамических причин по-

вис на несколько мгновений в воздухе. Больше того, он уплотнился и висел теперь перед Геннадием громадным переливающимся шаром с жировой бородой. Янтарные капли уже долетали до лица юного лаборанта.

«Вот борщ, — медленно подумал Геннадий. — Вот вчераший борщ, и он висит. Ой, нет — он движется! Он... он движется прямо на меня! Ой!»

Борщ, повисев в воздухе несколько мгновений, ринулся на Геннадия. Вскрикнув от ужаса, мальчик бросился на корме. Артельщики, разинув рты, наблюдали эту невероятную сцену. Геннадий со скостью спринтера бежал к корме. Борщ настиг его со скользкими мотоциклами.

Гена уже чувствовал за своей спиной нехорошее дыхание борща. Собрав все силы, он сделал рывок, вырвался из-под навеса, вильнул влево и спрятался за спасательной шлюпкой, уцепившись за леера. Борщ, вылез из-под навеса, взмыл вверх. Спустя минуту, вообразив, что опасность миновала, Гена выполз из-за шлюпки. Борщ, однако, не улетал. Снова нырдя мертвую точку среди безумных воздушных струй, он висел теперь прямо над незадачливым лаборантом. Потрясенный и загипнотизированный, Гена уже не мог двинуть ни рукой, ни ногой. Несколько мгновений спустя борщ, обессиленный, рухнул ему на голову.

А теперь, дорогой читатель, попробуй представить себя на месте моего героя. Вообрази себя потомком великого путешественника, человека широких передовых взглядов, вообрази себя лучшим питомцем «Клуба юных моряков», победителем Тали, другом капитана Рикошетников, вообрази, что ты совершаешь первое в своей жизни морское путешествие к архипелагу фамильной славы и представь себя сидящим на палубе в центре огромного жирного хлюпающего борща, представь себя с короной из прокисшей свеклы на голове, с омерзительной капустной бородой, с карманами, полными горючих и картофеля. Мне бы хотелось, чтобы ты, читатель, содрогнулся от ужаса, а затем по достоинству оценил мужество и силу духа моего героя.

Геннадий не бросился к борту топтиться. Встав из борща, он подошел вплотную к потрясенным артельщикам:

— Может быть, вам смешно? — звенящим голосом спросил он.

— Чего же тут смешного, Генок, — проговорили артельщики. — Плакать хочется.

Они, действительно, всхлипывали. Такого зрелища они не видели никогда раньше и не увидели позже.

Геннадий резко повернулся и стал спускаться по трапу.

Сосед Геннадия по каюте, плотник высшего разряда Володя Телескопов, как и большинство обитателей «Алеша Поповича», лежал в это время на своей койке вверх-вниз-влево-вправо, читал «Сборник гималайских сказок», хохотал и покрикивал:

— Вот дает! Вот дает!

Неизвестно к чему относилось это выразительное восклицание — к шторму или к гималайскому фольклору.

— Эге, Генка, поздравляю! — приветствовал он вошедшего в каюту Геннадия. — Я вижу, тебе борщ до-гнали.

— Ха-ха-ха! — нервным мужественным хохотом расхохотался мальчик. — Представьте себе, Владимир, вы близки к истине.

— Это что! У нас как-то раз, в Чугуевском карьере, Марина Ибатуллина суп с клацками донгали, — оживленно заговорил Телескопов. — А самый, Генаша, уз-жастый случай был в Крайпеде, когда Гришку Офштейна лапша накрыла.

— Значит, это не первый случай в мировой практике? — ободрившись, спросил Геннадий.

— Отнюдь не первый! — закричал Телескопов. Он на минуту задумался, а потом уверенно сказал: — Третий случай.

Измученный мальчик погрузился в глубокий сон. Он спал много часов подряд и не видел, как спустились сумерки, как «Алеша Попович» вошел в пролив, как утих шторм и как утром открылся залитый солнцем, мерно вздыхающий и, словно подернутый тонкой пластиковой пленкой, Тихий океан. Не видел он и маленьких японских шхун, с которых рыбаки в ярких куртках тянули невидимые лески. Они были похожи на фокусники или волшебников, эти рыбаки, и казалось, что серебристые извивающиеся рыбины высакивают из воды прямо к ним на палубу, подчиняясь их резким таинственным пассажам. Геннадий, с сожалению, этих рыбаков не видел, как не видел и множества встречных судов и удивившей громадины американского авианосца «Форрестол», что не солено хлебавши ковыляя домой от берегов Вьетнама.

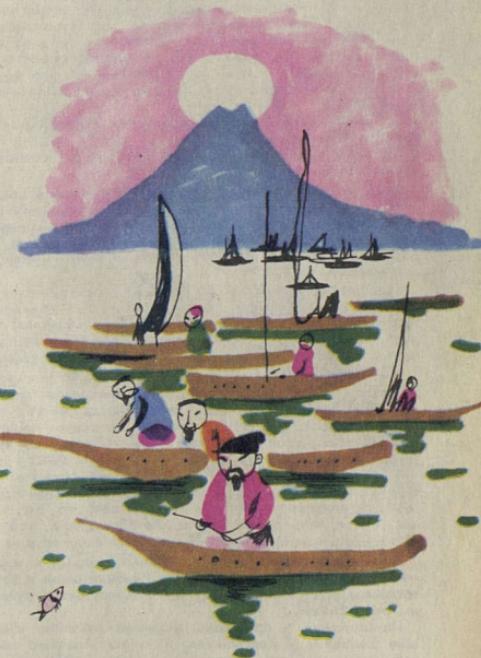
Пропнулся Геннадий только под вечер, когда по судовой трансляции раздался металлический голос:

— Внимание! Наше судно находится при подходе к акватории Иокогамского порта.

Багровый закатный туман висел над Иокогамой, а над этим туманом в высоком прозрачном небе четко вырисовывалась верхушка священной горы Фудзи.

Когда сумерки спустились, волшебное видение Фудзи растворилось и морево разноцветных неоновых огней затрепетало над огромной Иокогамой и необозримым Токио.

На верхнюю палубу вышел из своей каюты капитан Рикошетников. Он только что закончил необходимые

формальности с японской таможенной службой, с пограничниками и карантинными врачами и теперь собирались отправиться в город. Ему предстояло нелегкое путешествие по Токио: надо было найти Генеральное консульство республики Большие Эмпиреи и Карбункул.

Рикошетников огляделся и увидел, что палуба почти пуста. Иногда по ней деловито пробегали члены экипажа с утюгами или галстуками в руках. Все моряки и ученые «Алеша Поповича» уже бывали в Токио и сейчас готовились к встречам со своими японскими друзьями. Одна лишь маленькая фигурка одиноко сидела на кнехте и задумчиво смотрела на гигантский таинственный город.

Рикошетников, разумеется, уже знал о плачевном эпизоде с борцом. Разумеется, он в душе чуть не лопнул от смеха, вообразив погоню вчерашнего борца за живым человеком, но усилием воли сохранил невозмутимость, хотя бы в память русских морских традиций.

Сейчас Рикошетников и не подозревал, что душа Геннадия полна ликования.

«Ух, ты, Япония, Токио, Иокогама! — думал в эти миги Геннадий. — Вот я сижу на баке корабля, и вот передо мной загадочный вечерний город с одиннадцатимиллионным населением. Увидали бы меня сейчас наши ребята с улицы Рубинштейна: Валька Брюкинин или Наташка Вертопрахова!»

Да, Япония была перед ним, и до нее можно было дотронуться пальцем, можно было полежать на ней, прыгнуть или просто по ней пройтись. И неужели же, неужели даже совершенно фантастические Большие Эмпиреи вот так же возможно скоро предстанут перед ним?

Геннадий был, конечно, вполне здравомыслящим мальчиком, но все-таки очень долго не покидала его мысль о том, что разные другие страны существуют только в книгах и в кино, что взрослые все это выдумали для того, чтобы детям не так скучно было учить географию.

— Геннадий, не хотите ли сходить со мной в город? — спросил Рикошетников.

Геннадий, ликуя и подпрыгивая в душе, спокойно изъяснил желание.

Они спустились по трапу, прошли по причалу и вошли в здание морского порта, где по стеклянным коридорам двигались вереницы пассажиров из обеих Америк, Австралии, Азии, Океании и Европы, пересекаясь на разных этажах и сливаясь в огромном зале в гудящую пеструю толпу.

Рикошетников уверенно пробрался сквозь толпу к кинотеатру автороплатной компании «Херц» и арендовал там двухместный скоростной автомобиль «бентлия». Через полчаса друзья уже мчались к Токио по висящей над сномном маленьких домиков бетонной автостраде.

Центр Токио — это горная страна из стали, алюминия и стекла, а весь Токио — это равнина маленьких, двух- и однотяжажных домиков. Если какой-нибудь житель столицы пригласит вас в гости, он обязательно нарисует для вас схему своего квартала, укажет стрелочкой свой дом, пунктиром отметит путь по магистрали. Дело в том, что в Токио нет улиц, вернее — улицы не имеют названий. Названия имеют только кварталы и районы. Когда говорят: главная улица Гинда — это неверно. Нет улицы Гинда, есть район Гинда. Разобраться в этой системе непривычному человеку чрезвычайно трудно.

Проколесив битый час по забитым людьми и машинами уличкам района Синдзюку, Рикошетников и Страстофонты потеряли надежду найти консульство нужной им республики.

Полицейские и прохожие, услышав название «Большие Эмпиреи и Карбункул», начинали безумно хохотать и так слабели от смеха, что толку добиться было трудно.

Рикошетников уже было махнул рукой, как вдруг припавший к ветровому стеклу Геннадий воскликнул:

— Остановитесь, Николай Ефимович!

Рикошетников резко затормозил. Перед ним был ничем не примечательный двухэтажный домик в четыре окна, от тротуара до крыши покрытый светящимися и несветящимися вывесками. Вывески гласили:

ЕВРОПЕЙСКАЯ,
ЯПОНСКАЯ
И ИНДИЙСКАЯ
КУХНЯ!

УРОКИ ИГРЫ НА СКРИПНЕ!

Филателист,

СТОЙ!

Здесь
самые редкие

МАРКИ!

Секреты
вечной молодости!
Гадаем по руке!
Бокс, дзюдо, каратé!

Сувениры на любой вкус!
Продажа кактусов, раковин
и камней!
Певчие птицы и меха!

Парижская косметика, лондонские
запонки, носки из Чикаго!
Подводные зажигалки
и инфракрасные очки!

А между гирляндой чикагских носков и чучелом филина на освещенной витрине этого обычного токийского домика помещалась маленькая, с почтовую открытку, эмалированная табличка:

„Консульство
республики
Большие Эмпиреи
и Карбункул“

Рикошетников и Геннадий вошли в дом и оказались в небольшом зальчике, стены которого были увешаны самурайскими мечами, масками театра «Но», панцирями гигантских черепах, челюстями и молсами непонятных животных. Полки были заставлены старинными фолиантами с медными застежками, банками с маринованными чудищами, кактусами, раковинами и камнями. В конце зальчика обнаружилась стойка и четыре высоких стула перед ней. Большой телевизор соседствовал со старинным граммофоном.

За стойкой стоял, широко улыбаясь, тощий высокий старик неопределенной национальности, в белой куртке и белой шапочке.

— Гуд ивнинг, — сказали друзья.

Несколько секунд старик не двигался, потом, с видимым усилием обрамив свою затянувшуюся улыбку, быстро зашевелился и заговорил:

— Добрый вечер, господи! Прежде всего вам надо закусить, прежде всего закусить. Присаживайтесь, сэр! У мальчика голодный вид, сэр! Старый Старжен Фиц знает, чем угостить такого отличного караупаза!

Он жутко подмигнул Геннадию и снял крышки с нескользких кастрюль, расположенных у него за стойкой. Пар, поднявшийся из кастрюль, был так аппетитен, что Геннадий даже забыл обидного до боли в сердце, до звона в ушах обидного «карапузы».

Старик между тем, ловко орудуя разливательной ложкой и деревянными палочками «хаша», продолжал улыбаться. Вдоль всей стойки тянулась металлическая полоса электрической жаровни. Старик включил ее, смазал маслом то место, перед которым сидели гости, масло затрещало, старик бросил на жаровню какие-то коренья, что-то вроде грибов, слизистые комочки устриц, ломтики мяса; в черные фаянсовые пиалы старик налил супу, в маленькие блюдечки наложил какой-то зеленой пасты.

— Ручайся, господа, вам никогда не забыть кухни старого Старжена Фиц! Почему бы юному джентльмену не отведать паштет из морского ежа? Сэр, отхлебните этого окинавского супа из каракатицы и вы уже не оторветесь! Не желаете ли сырой рыбы «сашими»? Она так нежна, так нежна, так нежна, так нежна...

Старик, словно испорченная пластинка, запнулся на «так нежна» и повторял эти слова все тише и тише, а потом совсем затих и застыл с широкой беззабытой улыбкой на устах.

Проголодавшиеся друзья набросились на удивительную еду и даже забыли на какое-то время о цели своего прихода. Старик между тем вышел из оцепенения, пролез под стойку в зал и заняграл на скрипке. Он подходил со скрипкой к гостям, склонялся то к мальчику, то к капитану, вкрадчиво и ласково шептал:

— Носки, галстуки, кактусы, шпильки, замки, открытки...

Не прерывая игры на скрипке, он несколько раз взмахнул над головами друзей самурайским мечом, дал холостую очередь из винтовки М-14, показал несколько приемов дзюдо и ударил страшным свингом по чучелу медведя-панду, скромно стоящему в углу зала. Потом он подсунул Геннадию альбом с «самыми редкими марками», схватил свободную от еды ладонь капитана и снова зевал:

— Феноменальное сочетание физических и духовных качеств, сэр, приведет вас к триумфу. Все-таки, сэр, сохраняйте осторожность в первую неделю новолуния... Старый Старжен Фиц, сэр, лучший хиромант Юго-Восточной Азии, и если бы не интриги...

— Простите, мистер Старжен Фиц, — сказал Рикошетников, осторожно обводя свою руку для собственных надобностей. — Мы пришли сюда для того, чтобы повидать консула республики Большие Эмпиреи и Карбунул...

Старик вдруг отрыгнулся в сторону с криком «о-ле!» и, обращаясь к медведю-панду, филину, маскам и маринованным чудищам, торжествующе восхликал:

— Слышали?

После этого он нырнул под стойку, скрылся за бамбуковой шторой и через минуту явился оттуда в совершенно уже новом обличии. Преисполненный достоинства дипломат в мундире, расшитом золотыми нитями, с высоким стоячим воротником покровительственно и любезно смотрел на гостей. Лиши забыт на голове поварская шапочка напоминала о прежнем Старжене Фице.

— К вашим услугам, господа, — сдержанно поклонился генеральный консул.

— Мы советские моряки, господин консул, — после минутной растерянности пробормотал Рикошетников. — Я — капитан научно-исследовательского судна «Алеша Попович» Николай Рикошетников, а это мой друг Генадий Эдуардович Страттофонтов.

— Страттофонтов! — подняв правую бровь, генеральный консул. — Но принадлежите ли вы, сэр, к одной из ветвей генеалогического древа национального героя нашей республики русского адмирала Страттофудо, памятник которому возвышается в столице нашей страны Оук-Порте?

— Генадий как раз является ветвью адмирала Страттофудо, но отнюдь не Страттофудо, — сказал капитан.

Консул улыбнулся.

— Так жители нашей страны переиницили это славное имя на свой манер.

— Значит, мы увидим памятник моему предку? — воскликнул Генадий. — Николай Ефимович, это потрясающе! Памятник моему дедушке!

— Вы собираетесь посетить Большие Эмпиреи? — осторожно спросил консул.

— Как раз по этому поводу мы и пришли к вам, сэр, — сказал Рикошетников. — «Алеша Попович» будет все лето исследовать шельф в районе архипелага и знаменитой владины Я. Мы хотели бы получить согласие вашего правительства на заходы в ваши порты и гавани.

— На вашем судне есть футбольная команда? — быстро спросил консул.

— Что-о? Футбольная команда? Да, разумеется, у нас есть футбольная команда...

— Тогда все в порядке. Футбол — это главная страсть нашей республики и президента. Вы получите право захода во все гавани Больших Эмпиреев.

— И Карбункула, — добавил Рикошетников.

— Во все гавани и порты Больших Эмпиреев, — повторил консул.

— Ну, конечно, и Карбункула? — весело спросил Рикошетников.

Мимолетная тучка проскользнула по лицу Старжена Фиц.

— На Карбункуле не играют в футбол, — сухо сказал он.

Рикошетников не обратил внимания на странный тон, каким были сказаны эти слова, извлек из своего портфеля судовые бумаги и приступил к обсуждению формальностей.

«Почему же на Карбункуле не играют в футбол? — подумал Генадий. — И почему консул помрачнел, когда сказал об этом?»

— Ну, все в порядке, — сказал Рикошетников, закрывая свой портфель.

— Наконец-то можно снять проклятый мундир! — воскликнул Старжен Фиц. — Надеюсь я его, господа, не чаще одного раза в десять лет, но все-таки терпеть не могу. Что вам приготовить, господа? Итальянскую пиццу, аргентинское асадо, индийский кефир или, может быть, русский борщ?

— Что вы хотите этим сказать? — воскликнул Генадий. Он побагровел и вытянулся, как струна.

— Просто повеяло воспоминаниями детства, — затащорил вдруг по-русски Старжен Фиц. — Как вы вошли, господа, так сразу пахнуло нашим русским привольем,

березовым соком, борщом... Ведь я, господа, родился в Санкт-Петербурге и покинул его шестьдесят лет назад в вашем возрасте, милостивый государь, — он почтительно поклонился Генадию. — Судьба мотала меня по всему миру, господа, но об этом не будем. Единственная страна, где мне не довелось побывать, это республика Большие Эмпиреи и Карбункул... Всего доброго, господа, всего доброго, но прежде прошу оплатить счет. Ваш ужин, господа, стоил 3000 иен, игра на скрипке 450 иен, демонстрация приемов бокса и дзюдо 15 иен. Извините, господа, я бы не взял с вас денег, но мое правительство не платят мне жалование уже двадцать четыре года. Приходится изворачиваться, господа, старость — не радость... Прежде старый Старжен Фиц зарабатывал на велогонках, сейчас соль в коленных суставах, господа...

Консул, видимо, мог бы так болтать еще очень долго, но моряки направились к выходу. Старжен Фиц проводил их до дверей, всучив на дорогу чикагский галстук, кактус, раковину и банку с сороконожкой за 127 иен.

— Ах, господа, — тараторил он уже в дверях, — говорят, что страна, которую я здесь представляю, земной рай. Хочу вам дать последний полезный совет, господа. Обязательно постараитесь в Оук-Порте познакомиться с мадам Накамура-Бранчковской. Недавно эта леди посетила Токио, и старый Старжен Фиц был просто очарован...

— Чем же знаменита эта дама? — усмехнулся Рикошетников. Чудак-консул успел уже порядком надоесть ему.

— Ах, это просто совершенство! Убедительно советую не избегать приятнейшего знакомства с этой богатой, импозантной и попросту красивой женщиной.

— Я никогда не чуралась красивых дам, — улыбнулся капитан.

— Это похвально, это похвально, это похвально... — консул оцепенел с широкой бессмысленной улыбкой на устах.

По дороге к порту Генадий и капитан во всех подобиях вспоминали визит к «генеральному консулу» и весело хохотали.

В районе Гинды их «бентли» попал в автомобильную пробку. Дизаэловые обвалы из окон баров, крики зазывал и уличных торговцев, полицейские свистки и сирены, клаксоны автомобилей чуть не оглушили их. В небе, освещенные скрещенными лучами, поворачивалась рекламный автомобиль, ниже то хмурилась, то распльвась в улыбке гигантская неоновая рожа, все кричало, мелькало, подмигивало. Световая газета на крыше вешала:

„Сегодня в Токио убито 15, ранено 307.

Битлы заявили протест министерству внутренних дел Англии.

Исчезновение панамского сухогруза в ста милях от Гонконга.

Потеряна связь с яхтой шейха Абу-Даби, стоимость которой оценивается в 15 млн....

Самолет индийских BBC зашел неизвестные торпедные катера.

Новые пираты?“

В КОТОРОЙ НАУЧНЫЕ РАЗГОВОРЫ ПРЕРЫВАЮТСЯ ТЯВКАНЬЕМ „РЖАВОЙ АКУЛЫ“

Стоял полный штиль. Вот уже неделю плавучий институт в идеальных условиях исследовал семикилометровую владину Я. Чинто не мешало ученым опускать дночертапки и тралы, запускать радиозонды. Эхолоты прощупывали глубину. На палубах «Алеши Поповича» царила веселая суета. Казалось, что это кусок черноморского пляжа: все ученые и моряки были в плавках и темных очках.

Неподвижный океан горел с яркостью вольтовой дуги. Иногда в сплещенном мореве трепещущими пятнами пролетали стайки летучих рыб.

Геннадий никак не мог свыкнуться с мыслью, что под днищем их судна такая гигантская толща воды: четырнадцать Останкинских телебашен! Подолгу он стоял, опершись на панцирь, глядя, как из темноты в прозрачные слои выплывали акулы. Эти мерзкие твари постоянно кружились вокруг судна и испарялись только тогда, когда появлялись быстрые, иронически улыбающиеся дельфины-афалины.

— Почему же все-таки целая стая акул боится одногодинственного дельфина? — спрашивал Гена своего непосредственного руководителя доктора биологических наук Верестищева.

— Дельфин отважен, а акула труслива, — отвечал Самсон Александрович. — Акула, Гена, это своего рода морской фашист.

— Вы думаете, что фашизм труслив? — пытливо спрашивал мальчик. — Но ведь он всегда нападает первым...

— Это сложная проблема, Гена, очень сложная, — задумчиво говорил Верестищев. — Всегда ли смел тот, кто нападает первым...

Препарируя моллюсков и глубоководных рыб, ученый и лаборант часто вели содержательные беседы, которые иной раз соскальзывали к философской плоскости.

— Знаете ли вы, Гена, — сказал как-то Верестищев, — как индонезийские рыбаки мстят акулам, когда от их зубов погибает человек? Они вылавливают хищника, разжимают ему челюсти, засовывают ему в желудок живого морского ежа и выпускают в море. Акула обречена на долгие нестерпимые муки.

— Бр-р-р-р, — содрогнулся Геннадий. — Все-таки это слишком жестоко по отношению к бессмысленной твари...

— Акулы кажутся этим рыбакам не животными, а враждебным племенем.

— Тем более это жестоко! — воскликнул Геннадий. — Рубанули бы гадину — и дело с концом...

— Это очень сложная этическая проблема, — задумчиво сказал Верестищев. — Вы мыслите, Геннадий, не по возрасту серьезно. Давайте-ка займемся чем-нибудь попроще. Вот перед нами медуза...

Они погрузились в пинцетами в довольно-таки неаппетитное желе распластанной медузы.

— Знаете ли вы, Гена, что акустический аппарат медузы угадывает приближение шторма больше чем за сутки? — спросил Верестищев.

— А нельзя ли сделать такой прибор, как этот аппарат медузы? — полюбопытствовал Гена.

— Вы меня поражаете, Геннадий! — воскликнул Верестищев. — Как раз над этой проблемой работает один отдел в нашем институте. Вам надо быть ученым, мой мальчик!

Однажды, проснувшись, Геннадий очень удивился, не увидев на полу расчерченного жалюзи солнечного ковра. Тусклый серый свет еле-еле освещал каюту. Иллюминатор, казалось, был задраен брезентом.

— Привет, Генок, — сказал Телескопов. — Тебя с туманом, а меня с халтуркой.

Он сидел на своей койке и плотничал, плотничал тихо и сокровенно, как в детстве.

— Доктору клетку сочиняю, — объяснил он. — Всю дорогу доктор не отвечал взаимопониманием, а сейчас клеточку заказал, удача. Кенара он ночью поймал, доктор наш золотой.

— Как так кенара? — поразился Гена.

— Ну, может, не кенара, так попку, а может, еще какого черта, — сказал, посвистывая, Телескопов.

— Но ведь кенар или попугай — это береговые птицы.

— Да, видать, к Эмпиреям этим замечательным подгребаем.

Геннадий вышел на палубу. Видимость была не больше полукабельтова. «Алеша Попович» двигался самим малым, каждые две минуты сигнала туманной сиреной. Трое парней готовили к спуску за борт двухсотлитровый батометр.

Вдруг распахнулись дверь радиорубки, и на пороге появился радист Витя Половинчатый.

— Где капитан?! — гаркнул он, округляя глаза до полной шаровидности. Он перепрыгнул через комингс и побежал к капитанской каюте.

— Николай Ефимович! В эфире СОС! СОС!

... Весь командный состав «Алеша Поповича» сгрудился в тесной радиорубке. Витя Половинчатый возбужденно говорил и писал на кусочках бумаги.

— Очень слабые сигналы... СОС... Запрашиваю: кто терпит бедствие?... Молчат... Я советское судно «Алеша Попович»... координаты... молчат... вот, товарищи... тише! Передают международным кодом... шлюпку с пассажирского теплохода «Ван-Дейк» преследует неизвестная подводная лодка. Пользуясь туманом и пуская дымовые шашки, пытаемся скрыться... в шлюпке 63 человека, есть женщины и дети... СОС... наши координаты...

— Они в двух милях отсюда! — воскликнул Рикоштников.

— Что за подводная лодка? Неужели эти газетные сенсации с пиратами... — пробормотал глава экспедиции Шлиер-Довейко. — Какое принимаем решение, Николай Ефимович?

Несколько секунд Рикоштников молчал, опустив голову. Рисковать кораблем? Что это за безумная субмарина? Шестьдесят три человека, женщины, дети... Осмелиялись ли бандиты напасть на советское судно?

Все собравшиеся в радиорубке затянули дыхание. никто не смотрел на капитана. Все ждали его решения. В море каждый слово капитана — непреложный закон.

— Идем на сближение, — тихо сказал Рикоштников и бросился к дверям.

... Туманная сирена «Алеша Поповича» выла теперь без перерыва. Судно шло средним ходом. Все свободные от вахты моряки и ученические толпились на баке. Снова уже совсем близко дважды бухнула пушка. Словно огонек сигареты, повисла в тумане красная парашютная ракета. Послышались резкие свистки, желтый глазок слабого шлюпочного прожектора выплыл из тумана, и вскоре появились очертания большой спасательной шлюпки под изломчакенным, никемно висящим парусом. Казалось, что не расстояние, а туман приглашает крики людей, зовущих на помощь. Шлюпка была переполнена. Ясно было, что даже при волнении в четыре балла она неминуемо пошла бы ко дну. Сейчас люди, забыв об опасности, встали во весь рост и размахивали руками, но криков их не было слышно, разве туманной сирены «Алеша Поповича» прорезали только свистки рулевого.

«Алеша Попович», подчиняясь приказам капитана, осторожно маневрировал и сближался со шлюпкой. Сирена вскоре была выключена, и до слуха скованных напряжением людей донесся хрипкий голос со шлюпки:

— Help us! Russian ship, help us!

И сразу же после этого крика в тумане возникли очертания большой подводной лодки. На мостике лодки замеркал огонек. Международным кодом было передано приказание:

— Остановить двигатели!

Николай Рикоштников, не вынимая изо рта трубки, отдал команду. «Алеша Попович» просигналил:

— Помогите нам! Русский корабль, помо-
гите! (англ.).

— Кто приказывает?

Лодка в свою очередь запросила:

— Чье судно?

— Советский научный корабль «Алеша Попович», — ответил Рикоштников. — Кто вы?

Несколько минут лодка хранила молчание, разворачиваясь носом к «Алеше Поповичу». На мостике ее было видно движение. Спасательная шлюпка раскачивалась уже не более чем в пятидесяти метрах от судна. Слышен был даже женский плач.

— Повторяю — остановить машину! — засигналила лодка.

— Через пять минут открывай огонь!

— Прекратите пиратские действия, — ответил Рикоштников и яростно заорал:

— Спустись штурм-трап, принять людей со шлюпки!

В тот момент, когда первые измученные люди со шлюпки упали на руки моряков «Алеша Поповича», неизвестная подводная лодка дважды плонула огнем. Многоопытный Шлиер-Довейко сразу определил по голосу скорострельную пушку «Гасти шарко» («Ржавая акула») времён второй мировой войны. Снаряды упали в воду возле самого борта и перевернули шлюпку с «Ван-Дейком». Ужасные крики прорезали туман. Гена опомнился только в воде, куда почти безоговорочно бросился на помощь несчастным. Многие моряки с «Алеша Поповича» последовали его примеру.

Вынырнув из теплой воды, Гена увидел прямо перед собой торжественно идущую ко дну старую леди с визжающим мопсом в руках. Сильной рукой малыши обхватили костяевое тело и по всем правилам спасения на воде перевернули на спину. Вода возле правого борта бурила.

Два сильных прожектора с «Алеша Поповича» расселяли туман и уперлись в рубку подводной лодки. Никаких знаков различия на ее корпусе не было. На мостике лодки видно было несколько мужских фигур в синих куртках. Двое мужчин присели возле туропильной «Рыбачьей шарки».

Шли томительные минуты. Моряки «Алеша Поповича» продолжали спасение людей с «Ван-Дейком». Геннадий помог старой леди уцепиться за канат штурм-трапа и бросился на помощь бородачу, за шею которого уцепились двое визжащих карапузов.

Витя Половинчатый без устали передавал в эфир:

— Всем! Всем! Всем! Я — советское научно-исследовательское судно «Алеша Попович», спасаю людей с теплохода «Ван-Дейк». Неизвестная подводная лодка ведет артиллерийский огонь. Наши координаты...

Первым откликнулся учебный корабль индийских военно-морских сил, но он находился на расстоянии не менее пяти часов. Помощи от республики Большие Эфиопии и Карабинкул ждать было нечего. Насколько знать Рикоштников, военно-морские силы этой страны состояли из таможенно-погранично-карантинного катаера «Голифи» и корабля-музея «Рыцари ночи».

— Похоже на то, что наше дело табака, — проговорил умудренный опытом Шлиер-Довейко.

— Мне кажется, что бандиты сами оказались в не-прятном положении, — сказал Рикоштников. — Конечно, они могут уничтожить нас в два счета, но они уже обнаружили себя...

— Разве они не обнаружили себя при нападении на «Ван-Дейк»?

Рикоштников покал плечами.

— Панамский сухогруз и яхта шейха Абу-Даби исчезли, не подав о себе никаких сигналов. Как произошло нападение на «Ван-Дейк», мы пока не знаем...

— Вы думаете... — начал было Шлиер-Довейко, но в это время рулевой Барабенчиков закричал:

— Они погружаются!

Пушка пиратской субмарины быстро уходила в глубь корпуса. Люди с мостика исчезли. Лодка погрузилась.

МОЙ ДЕДУШКА- ПАМЯТНИК

ПОВЕСТЬ

Василий Аксенов
Рисунки М. Беломлинского

ГЛАВА IV

В КОТОРОЙ СЛЫШИТСЯ НЕРВНЫЙ
СМЕХ, СЛЕТАЮТ СЛЕЗЫ
БЛАГОДАРНОСТИ, А В КОНЦЕ
ЗВУЧИТ БРАВУРНАЯ МУЗЫКА

Нервный смех сотрясал капитана теплохода «Ван-Дейк» Питера Ван-Гроота. Огромный голландец, облаженный в свитер самого массивного члена экипажа «Алешин Поповича» стармеха Калипсо Яна Оскаровича, на три четверти уже осушил бутылку «Столичной» и все не мог успокоиться.

Продолжение. См. «Костер» № 7, 1970 г.

— Нет, это невероятно, господин — грохотал голландец. — Пираты! Пираты шестидесятых годов двадцатого века! Презабавно! Ваши аппараты, господа, садитесь на Луну, каждую секунду сто тысяч человек дрыхнет над землей в мягких креслах воздушных лайнеров, из своего дома в Утрехте я разговариваю с новозеландской тетей так, словно она у меня в саду подстригает тюльпаны! Я понимаю — идеологические разногласия... атомная угроза... столкновения различных государств... но... но пираты, господа! Элементарный морской грабеж! Джентльмены удачи! Нет, это невероятно! Это просто ши-кар-но!

Ван-Гроот вдруг оборвал смех. Круглое лицо его обрело углы. Остановившийся взгляд уперся в матовый светильник на дубовой стене кают-компании.

— Я потерял свое судно, почти всех пассажиров, весь экипаж. Если бы не вы... Зачем вы меня спасли?

— Успокойтесь, сэр, — мягко сказал ему Шлиер-Довейко.

— Известно ли вам было, капитан, об исчезновении панамского судна и яхты шейха Абу Даби? — спросил первый помощник Хрящиков.

— Что-то слышали по радио...

Капитаны, Шлиер-Довейко, первый помощник, стармех и старпом сидели за круглым столом в кают-компании. Солнечные блики трепетали на ворсистом ковре и полированной поверхности стола: туман рассеялся. «Алеша Попович» полным ходом шел к столице Большых Эмпиреев. Оук-Порт.

— Связь с панамским сухогрузом оборвалась в ста милях от Гонконга, — задумчиво сказал Рикоштеников. — Яхта шейха пропала к югу от Цейлона. «Ван-Дейк» ограблен и потоплен в ста пятидесяти милях от Большых Эмпиреев. Слишком большой диапазон для одной подводной лодки.

Он положил руку на плечо Ван-Грооту и мягко сказал:

— Расскажите, как было дело, капитан. Возьмите эту сигару. Курите и рассказывайте.

— Настоящая «Гавана», как я вижу? — несколько ожила Ван-Гроот, закуривая сигару. — Недурно!

Он откинулся в кресле, окунулся сигарным дымом и начал свой рассказ.

— «Ван-Дейк», джентльмены, был прочной комфортабельной посудиной, но, конечно, уже не для экспрессных линий. Фирма использует, вернее — использовала нас на круизных рейсах. Мы катали старичков-рантье, влюбленных молодоженов, разочарованных дамочек, короче — чековые книжки средней толщины, впрочем, были и толстосумы. Оук-Порт оказался вторым, после Сингапура пунктом круиза. Там мы стояли больше недели. Пассажиры наслаждались. Природа там, господа, великолепная, население — уму непостижимое, сами увидите. К концу недели мы получили отличную метеосводку и снялись из Оук-Порта на Зурбаган. Трое суток шли по гладкому, как стекло, морю. Старички гоняли шары, молодежь играла в теннис, танцевала, от этой американской тряски у меня, господа, уже в глазах стало работать. Бары работали до утра, боялись даже, что джину до Зурбагана нехватит.

И вот в один прекрасный вечер, в 19.00 ровно, в рулевую рубку вошли два эдаких франта и шикарная девица, вроде бы какая-то эстрадная певица, все трое в масках, господа, и с автоматами. Руки на голову, говорят, и всем в угол! Слопойно, дети, говорю я, насчет киносъемок мы не договаривались. И тут девица шарахнула длинной очередью по приборам — только стекла посыпались! Сразу после этого послышались выстрелы из радиорубки. Вахтенный радист вбежал весь в кровь и упал замертво. Нас выгнали на палубу, и тут мы увидели, что в двух кабельтовых от «Ван-Дейка» всплыивает эта проклятая лодка и сразу же открывает огонь, сбивает нас гром-мачту. Гангстеры, их было человек десять на судне, уже гонят всех пассажиров на бак, а от лодки идут два моторных вельбота им на подмогу.

Я, господа, во время войны служил в союзном флоте, ходил с караванами в ваш Мурманск, видел всякое... но здесь, сознаться честно, растерялся, я ничего не понимал... какой-то бред...

Кто-то из этих мерзавцев выпустил воду из главного бассейна, всех пассажиров загнали туда, как овец в трюм, а экипаж окрутил тросом на баке. Малейшая попытка к сопротивлению — сразу автоматная очередь и... труп на палубе. Крики, стоны, плач, а вокруг безмятежное море, закатное солнце и полная пустота. Правда, раз над нами прошел межконтинентальный «боинг». Какой-нибудь пассажир небось посмотрел вниз и сказал: посмотрите, какой пароход беленький...

Короче, начался самый безобразный грабеж. Часть бандитов пошла по каютам, другие выворачивали карманы, срывали с дам кольца, серьги, остальные держали нас под прицелом. Из глубины судна иногда доносились выстрелы — в машинном отделении, видимо, шла схватка.

Все это продолжалось не меньше двух часов. Наконец, нам было приказано спустить шлюпки и занять в них места. Три шлюпки были продырявлены пулями, и оставшиеся, конечно, оказались переполнеными. Лодка взяла все шлюпки на буксир, встала в позицию и одной торпедой развалила старину «Ван-Дайк» надвое.

Всю ночь лодка шла в надводном положении и тащила шлюпки за собой. Какую судьбу они нам готовили? Почему не уничтожили вместе с судном?

К утру сгустился туман, и я приказал обрубить буксир. Я хотел попытаться добраться до острова Кюри, потому что понимал: свидетелей такого дела вряд ли оставят в живых. Должно быть, я был прав. Лодка охотилась за нами с упорством гончей. Если бы не вы...

На «Поповича» тем временем помогали спасенным: вправляли вывихнутые конечности, накладывали шины, делали инъекции, поили бромом, валерьянкой, чаев с малиной, кофе с коньяком, молоком и водкой, кому что нравилось.

Старая леди, уже подсохшая и забывшая надлежащим образом седые буки, отыскала своего спасителя.

— What's your name, my young hero?¹ — со скрипучей нежностью спросила она Геннадий.

— My name is Геннадий Стратофонтов, madam, — вежливо ответил мальчик.

— Боже! — леди подняла к небу глаза цвета увядших незабудок. — Теперь у меня есть два любимых существа! Прежде у меня был один лишь Винстон... — она поцеловала своего мопса. — Теперь у нас есть вы — Геннадий Страто... О, это слишком трудно для меня. Я буду называть вас Джин Стратофонт! Я включу вас в свое завещание! Винстон получит шестьдесят процентов, а вы, Джин, — сорок процентов.

— Благодарю вас, мэм, но это не требуется, — сдержанно поклонился Геннадий.

— Никаких «но»! — категорически заявила дама. — Мой покойный супруг скопил достаточно сумму на моделирование вставных челюстей. На мои фунты, Джин, вы сможете получить приличное образование.

— Мне не нужны ваши фунты, мэм. Я и так получу приличное образование, — ответил Геннадий, слегка застесненный за живое.

— Невероятно! — восхликала дама. — Почему вы отказываетесь от денег? Ведь вы же спасли нас с Винстоном!

— Я советский пионер, мэм, и этим все сказано, — сковшато сказал Геннадий.

— О боже! — восхликала дама. — Не значит ли это, что вы отказываетесь от нашей с Винстоном дружбы?

С глаз ее слетели две-три зеленоватых старческих слезинки, и одна из слезинок упала на загорелое плечо мальчика. Геннадий был тронут искренностью дамы, и

он, конечно, учел особенности человека, выросшего и состарившегося в капиталистическом мире.

— Деньги могут только испортить дружбу, мэм, а от дружбы я не отказываюсь.

— Вы святой мальчик, Джин, — на грани рыдания промолвил старческий. — Запишите мой лондонский адрес и телефон. Мы с Винстоном будем ждать вас весь остаток наших дней.

Едва Геннадий записал адрес почтенной миссис Сьюзен Леконсфильд, как по судовой трансляции раздался голос первого помощника Хрицникова:

— Всем свободным от вахты членам экипажа и научным сотрудникам собраться в помещении столовой на информацию.

Геннадий сунул адрес в карман, не подозревая о том, что этот ключок бумаги в скором времени спасет ему жизнь.

В помещении столовой висела карта республики Большие Эмпир и Карбункул. Архипелаг напоминал перевернутую вниз головой запятулю. Десятки крохотных необитаемых островов грязной-загогулиной тянулись к югу, к голове, к сравнительно большому острову Эмпирей со столицей Оук-Портом и ко второму по величине острову Карбункул. Перед картой стоял с указкой первый помощник Хрицников.

— Ну вот, товарищи, — сказал он, откашлявшись, — сегодня мы лицом к лицу столкнулись с парадоксами мира чистогана, где каждый мазурек, купив подводную лодку, может превратить законный отды в чистый ад. Теперь главное. Мы идем с дружеским визитом в город Оук-Порт. Никогда прежде нога советского человека не ступала на эту отдаленную территорию.

— Вообще-то ступала, — сказал вдруг из третьего ря-

¹ Как вас зовут, мой юный герой? (англ.)

да плотник Телескопов.—Моя нога и ступала, Лев Африканович.

— А с вами, Телескопов, разговор будет особенный,— прервал его Хрящиков и сделал какую-то пометку в своем блокноте.—Итак, продолжая. Нога туда, тварищи,—он метнул суровый взгляд на невинную физиономию Телескопова,— не ступала. Население там, товарищи, очень неопределенной нации и имеет неопределенный язык, население мы должны уважать, что стало уже хорошей традицией. Еще за сутки до сегодняшних возмутительных событий мы запросили у властей Оук-Порта разрешение на заход. В ответ получено сообщение: «Разрешаем заход в порт при условии вашего согласия на футбольный матч со сборной Республики». Я считаю этот вызов суровым испытанием наших моральных и физических качеств. Надеюсь, что наши судовые спортсмены не ударят в грызу лицом и проведут состязание с присущим им огоньком и задором. Кто бы ни победил, победит дружба. Все, товарищи. Телескопов, останьтесь.

Утром следующего дня с «Алеша Поповича» увидели первый остров архипелага под смешным для русского уха названием Фухс. Весь день шли вдоль гряды островов, и они возникали один за другим, похожими на клумбы, а некоторые с сахарными головками остроконечных гор.

Солнце стало уже клоняться к закату, когда показались отвесные базальтовые стены острова Карбункул. «Алеша Попович» вошел в пролив между Карбункулом и Эмпиреем. На горизонте, как сказочное видение, возник Оук-Порт.

Гена стоял на ходовом мостике и завороженными глазами смотрел на приближающиеся стены древней крепости, на некогда мощные, то круглые, то острые, как нос корабля, бастионы, на красные черепичные крыши, на купола и шпионы соборов, ракетоподобные башни минаретов, на пагоды, похожие на гигантские ели.

— Невероятный город, Гена, правда? — сказал за его спиной капитан Рикошетников.

— Он похож на сказку, — прошептал Геннадий.

— Скорее на сновидение, — сказал капитан.

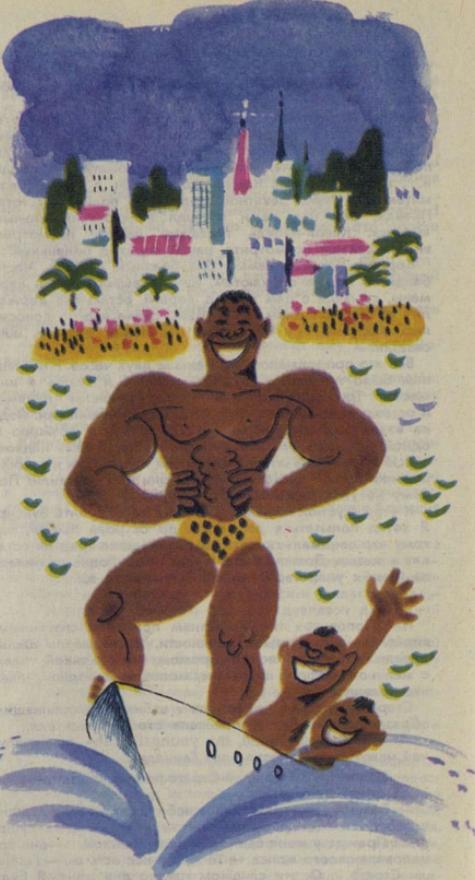
Древний центр Оук-Порта был расположен на небольшом круглом полуострове, соединенном с Эмпиреем узкой перемычкой. Когда-то его мощные бастионы прикрывали две бухты, на набережных которых, сразу за причалами, высились теперь пяти- и шестизажные дома с зеркальными окнами и лепными украшениями, построенные, по всей вероятности, в конце прошлого века.

В одну из этих бухт заворачивал теперь самым малым «Алеша Попович».

Вдоль всей набережной под пальмами, под сводами гигантских дубов и пиний стояли, глядя на приближающийся советский корабль, толпы эмпирейцев. Толпы людей, загорелых и ярко одетых, усеяли крепостные стены и бастионы. Но... и это было странно, крайне странно... толпы молчали. В полной тишине дизель-электроход огнился узкий гранитный волнолом. Слышен был только слабый шум турбин. Вода была прозрачна до самого дна, как и во времена адмирала Стратофорта. Переливались камни на дне, ветвились кораллы, колыхались растения.

— В чем дело? Почему они молчат? — Рикошетников поднес к глазам бинокль. — Все молчат. Некоторые улыбаются... Странные улыбки.

«Алеша Попович» уже обогнул волнолом, когда из-за круглого бастиона с диким ревом вырвался глиссер. С чудовищной скоростью он несся прямо на судно, подобно ослепшему от ярости носорогу. Ни о каком маневре нельзя было уже думать. Глиссер целился прямо в середину правого борта, словно хотел проторзанить «Поповича». В глиссере сидели несколько обнаженных по пояс мускулистых парней, а на самом кончике его носа стоял, расставив колоннообразные ноги, гигант в плавках, похожих на кусок леопардовой шкуры. Пятьдесят метров, тридцать, двадцать...

— Что они делают?! Самоубийцы! — закричал не своим голосом видавший виды Шлиер-Довейко.

В самый последний момент гигант на носу глиссера мгновенно оттолкнулся от борта «Поповича», рулевой резко взял влево. Глиссер ушел в винт, проскочил прямо под коррой, пролетел вдоль левого борта «Поповича», выскочил в бухту, в снежно-белом вихре описал круг и зачавчался на волнах.

Парни в глиссере хохотали, держась за животы, а гигант на носу размахивал невесть откуда взывшись красным флагом.

Сразу же после этого загрохотали оркестры на набережной и на стенах, сотни рук взмахнули красными советскими и разноцветными эмпирейскими флагами — оранжевые, зеленый и белый круги на аквариином фоне. Усиленный динамиком голос прогремел над бухтой:

— Вилькамис совет легопиор бу легопиор Эмпирея!

— Привет советским футболистам от футболистов Эмпирея, — перевел Телескопов и спокойно добавил: — Эти психи каждое судно так встречают. Скучно им тут.

ГЛАВА V

В КОТОРОЙ СЛЫШАТСЯ
ПРИГЛУШЕННЫЕ СТОЛЕТИЯМИ
И ТЫСЯЧЕЛЕТИЯМИ КРИКИ
ЯРОСТИ, ПОБЕДНЫЕ ВОПЛИ, ЛЯЗГ
ОРУЖИЯ, ПРЕДСМЕРТНЫЕ КРИКИ,
СЛЕЗЫ РЕВНОСТИ И ШЕПОТ ЛЮБВИ

За несколько тысячелетий до нашей эры малайзийский рыбак Ион увидал со своего катамарана симпатичный архипелаг. Ион и его сыновья возликовали. Наконец-то после долгого плавания можно будет обсушиться!

На берегу путешественники были окружены толпой местных жителей. Ион знаками показал, что хотел бы познакомиться с их культурой.

Туземцы, прыгая друг через друга, что напоминало современную хеадху, повели его к подножию вулкана, над которым в те времена всегда колыхался султан розового ароматного дыма. У подножия вулкана изумленный Ион увидел гигантскую ржавую башню из еще неизвестных ему металлических сплавов. В мистическом ужасе туземцы упали ниц перед башней. Молниеносная догадка осенила Иону.

Дождавшись ночи, Ион показал туземцам на ярко горевшее в черном небе созвездие Кассиопеи. Туземцы утвердительно закричали. Ночь огласилась нечленораздельными стонаниями, полными тоски по столь далекой родине. И тогда Ион понял все.

Он понял, что далекие, очень далекие предки этих существ прибыли к нам на землю из пучин космоса. Впоследствии под влиянием благостного климата и огромных количеств вкусной дикорастущей еды астронавты обленились и забыли математику. Борьбы за существование на архипелаге по сути дела не было никакой, и в течение тысячелетий кассиопеи стали просто травоядным племенем.

Жизнь на благодатном архипелаге пришлась Иону и его семье по душе. Вскоре они тоже забыли математику и растворились в местном населении. Когда в Китае был изобретен уже порох, а в Европе вовсю пылали костры инквизиции, островитяне еще не научились добывать огонь.

«Зачем, — думали они, — зачем нам тереть палку о палку, быть кремнем по краселу, мудрить над паровой машинкой, когда черепашки яйца прекрасно выпекаются в прибрежном песке, а рыба варится в горячих лужах на склонах вулкана? Зачем нам, собственно говоря, пироги, когда не с кем воевать?»

Однажды в III веке до нашей эры островитяне проснулись от страшного скрипа. В океане качался гигантский деревянный корабль. Это был таранный корабль, построенный по приказу египетского фараона Птолемея Филафотора. Вот уже десять лет двести весел, к которым было приковано полторы тысячи рабов, несли этот жутко скрипящий корабль по мировым водам, и все эти десять лет три тысячи воинов-десантников, разделившись на партия носа и кормы, вели на палубе братоубийственную войну. Война была очень жестокая и увлекательнайшая, с небольшими перерывами для приема пищи, которые происходили в общей трапезной в центре судна. Корабль, разумеется, во время войны не управлялся. Только этим и можно объяснить, что его занесло так далеко и он сел на мель в виду нашего блаженного архипелага.

Здесь на мели произошло решительное сражение, в ходе которого «партия носа» перебила «партию кор-

мый до последнего человека. Впрочем, «кормовики» не остались в долгу и ответили «носовикам» тем же.

Оставшиеся без дела рабы страхнули ржавые цепи и быстро растворились среди местного населения.

Дорогое убранство чудовищного дредноута древности: колонны из кипариса, изделия из слоновой кости и паросского мрамора долгое время украшали незатейливые жилища островитян, а сейчас являются достоянием городской управы.

В другой раз, а именно в VII веке уже нашей эры, во вторник после обеда, островитяне были разбужены звоном железа и диким зубовым скрежетом.

В прибрежный песок врезалось острым носом небольшое суденышко. Излохмаченный полосатый парус полоскался под ласковым ветром, а на песке стояли, расступившись в цепочку, двадцать четыре свирепых мушкита в звериных шкурах, с круглыми щитами и длинными мечами.

Это были скандинавские викинги, ограбившие уже бегра множества стран. После последнего погрома они вышли в море и много недель плыли в северо-юго-западно-восточном направлении. Вокруг была одна вода, вовать не с кем, на ладье — теснотища, викинги скучали, ругались друг с другом, и неизвестно, чем бы они кончились, если бы не наткнулись они на наш блаженный архипелаг.

Подняв мечи и исторгая воинственные клики, они бросились на удивленных спросонья островитян. Ясно было, что пощады не будет никому.

Островитяне, как пугливые лани, взлетели на свой любимый вулкан, а тяжелоногие викинги вдруг остановились, увидев котел с вареными крабами, лангустами и омарами, связки копченой рыбы и гирлянды бесплатных фруктов.

«Сперва закусим, — подумали они. — Сперва как следует подзаправимся, а потом уже погребим, побесчинствуем за милую душу.»

Двенадцать викингов с жутким хростом и чавканьем взялись за еду, а двенадцать других заняли колыцевую оборону. Островитяне красивыми олеными глазами наблюдали за викингами, радуясь их хорошему аппетиту.

Насытившаяся половина шайки сменила охрану, но тут же заснула. Вскоре заснули и остальные.

Проснувшись, викинги увидели над собой шелестящие ветви венчозеленных дубов и пальмовые листья, а еще выше ласково подмигивающее созвездие Кассиопеи, услышали шорох волн и дивное пение местных девушки. Вткнув в песок свои мечи, викинги быстро растворились среди местного населения.

Были и другие гости. Индийские купцы и полинезийские рыбаки находили спасение на архипелаге во время штормов. Иной раз любопытства ради припльывали африканцы на плотах из папируса и персидские конокрады. Море порой выбрасывало на берег людей совершенно неизвестных наций, и не было иноземца, который, разобравшись в обстановке, не растворился бы мигом среди местного населения.

Так шли века. Так формировалась нация нынешней республики Эмпирен и Карабункул. Мирная элегическая жизнь царила на архипелаге многие столетия, пока не началась эпоха великих открытий и великого разбоя.

Первым профессиональным пиратом, попавшим на архипелаг, была, как ни странно, женщина.

Известно, что в начале XIV века баронесса де Клиссон из Нанта, мстя королю Франции за казнь своего мужа, снарядила три корабля и взялась за разбой. Пылали города и корабли. У короля Франции было отвратительное настроение. —Шерше ля фам! Ищите женщину!— орал он своим капитанам.

И вдруг разбой прекратился. Пиратская эскадра как в воду канула. Собственно говоря, все так считали, воображая, что страшный Бискайский залив сделал то, чего не могли сделать корабли французского флота.

На самом же деле мадам де Клиссон неожиданно направила свою эскадру к югу. Ее вдруг охватили мучительные угрозыния совести, и она решила навсегда покинуть наказанную ею Францию.

Задолго до знаменитого Вакса до Гама мадам де Клиссон обогнула мыс Доброй Надежды, не обратив на него особого внимания. Долгие месяцы, пока кораблишли через Индийский океан, женщина-чудовище стояла на коленях в своем каюте и замаливала грехи.

Однажды с гребня рекордно высокой волны рыдающая дама увидела цветущие острова с белыми сахарными головками гор. Ее осенила идея, что архипелаг этот неподобен ей как искрепление грехов, и она воскликнула:

— Вот они, блаженные Эмпирен!

Здесь ее разбойники несколько дней буянили и безобразничали, а потом, успокоившись, растворились среди местного населения. На небольшом круглом полуостро-

ве раскаявшаяся грешница построила часовню, заложив тем самым основу будущего города Оук-Порта.

Еще одно столетие прошелело в тихом блаженстве. Затем, в субботу перед обедом, островитяне были разбужены громом пушек. В нескользких кабельтовах от берега на озорных веселых волнах приплясывали галеоны с гаврского португальского адмирала Жоас-Нуньеса да Гаэтано.

Закованные в сталь португальцы водрузили на потухшем уже вулкане свой флаг, вздвинули путем нещадной эксплуатации островитян мощные крепостные стены, и архипелаг превратился в португальскую провинцию, а Жоас-Нуньес да Гаэтано стал губернатором.

Казалось бы, начался жестокий колониальный режим, но... годы прошли, и мрачные аркебузники растворились среди местного населения, флаг изжевали любопытные горные козлы, а грозный губернатор превратился в обыкновенного пиявчугу.

Архипелаг стал настоящим прибежищем «аджентмейнов удач» всех наций. Здесь бросали якоря пираты, флибустьеры всех мастей. Все цивилизованные страны проклинили дьявольского разбойничье гнездо, не догадываясь, впрочем, об одном весьма важном и странном обстоятельстве.

Дело в том, что блаженный архипелаг не плодил пиратов, а как раз наоборот — сокращал их число. Множество отъявленных мерзавцев под влиянием красоты и свободы забывали о своем преступном прошлом и растворялись среди местного населения. Вот вам пример.

Однажды в XVIII веке перед ужином часовые на башнях были разбужены диким голосом Бархатного Чарли, грозы южных морей.

Бригантина негодяя под идилическим именем «Уайт Свон» (Белый Лебедь) барражировала вдоль крепостных стен. Капитан, расставив ноги в драных ботфортах, стоял на юте и орал в рупор своим нехорошим диким голосом:

— Отдавайте красавицу Марго!
Вдоль правого борта с дымящимися фитилями в руках

стояли его канониры, и все, как замечено было с башен, в плохом настроении.

— Какую еще вам красавицу Марго? — крикнул долговязый Маркус Джереми Ион, представитель одной из старейших семей архипелага.

— Сами знаете какую! — заорал Бархатный Чарли. — Отдавайте немедленно! Открываю огонь всем правым бортом.

Впоследствии выяснилось, что его любезная красавица Марго, сбежавшая с «Белого Лебедя» на Ямайке, нашла себе пристанище на островах Кюри, где и одичала вместе со своим возлюбленным Хьютом Бандерогом. Бандерога же перед бегством сумел ввести в заблуждение Бархатного Чарли, чем навлек на черепичные крыши Оук-Порта град каленых ядер.

Битва продолжалась около трех часов. Островитяне, кое-чему научившиеся из истекшие столетия, смогли дать наглецам достойный отпор. Когда Бархатный Чарли очнулся в развороченном им до неузнаваемости трикотире «Синька», он увидел юную Юко-Паулину Ион, племянницу Маркуса Джереми.

— Не ты ли это, кого вы искали, храбрый моряк? — Собственно говоря, ничего общего, — прорычал Бархатный Чарли, потирая ушибленную рукояткой пистолета голову. — Да, собственно говоря, это и не имеет значения...

Вот вам пример. Негодяя Бархатного Чарли, которые могли бы причинить столько горя жителям Цейлона, Бенгалии, Австралии и Чили (а именно такие были у негодяев планы), превратились на нашем архипелаге в мирных виноградарей, рыбаков или просто в бездельников, а страхилице южных морей «Белый Лебедь» стал «пргуливаться» в своих трюмах местное вино «горный дубняк» для придания ему должного вкуса.

Больше того, сам Бархатный Чарли, для которого в Британском Адмиралтействе давно была свита пеньковая веревка, стал почтенным гражданином Оук-Порта, а впоследствии первым президентом республики Большие Эмпиреи и Карбункул. Именно он, Чарли-Велюр, завес на архипелаг любимую игру лондонской голубы, известную теперь всему миру под названием «футбол»,

и именно эта игра принесла ему неслыханную популярность.

Любой мизантроп, попав на архипелаг, становился оптимистом и шутником и растворялся в добродушном, веселом, немного ленивом, но талантливом местном населении. И только лишь самые отъявленные негодяи и мрачные скопидомы не могли пристыдиться на красавицах островах. Они пересекали пролив и высаживались на базальтовые скалы единственного непривлекательного острова во всем архипелаге, острова Карбункул. Их влекла туда дурацкая лживая легенда, которая и дала имя этому острову.

Легенда гласила, что Хьюлет Бандерога, перед тем как скрыться и одичать на островах Кьюри, штормовой ночью высадился на этом острове и закопал где-то там невероятнейший драгоценный камень — карбункул величиной со стразуиное яйцо. Где мог достать свистун Бандерога такой ценный предмет, легенда не объясняла, да это и не нужно было тупым мэньякам-клоудискателям. Пошли призраки богатства и власти влекли этих людей на остров. Более полувека шли поиски несуществующего «страусиного яйца», и за это время на острове возникло некрасивое поселение, где, казалось, сам воздух был пропитан подозрительной злобой. Жители этого городка, носящего непривлекательное имя Стамак (Желудок), отличались большой физической силой, но были тулы и раздражительны. С веселыми и беззаботными эмпирейцами они не поддерживали почти никаких отношений, хотя и согласились войти в республику на правах автономной единицы.

Тем временем наступил просвещенный XX век.

Большие Эмпиреи, расположенные в зоне пасатов, оказались удобным, перевалочным пунктом для парусных караванов. Архипелаг торговал с Европой, Азией, Африкой, Америкой и Австралией. Везде находили спрос эмпирейские товары: первая райских птичек, вино «Город дубняк», пробковое дерево, копра, жемчуг, ароматические масла.

Тогда-то и появился у берегов архипелага кровожадный Рокер Буги, последний, если можно так выразиться, пират классического типа.

Наглость негодяя дошла до того, что, явившись со своими головорезами в сенат, он низложил республику и объявил себя императором архипелага. И тогда беззаботные острожитяне восстали. Единственный военный корабль — десятипушечный бриг «Рыцари ночи», ныне ставший кораблем-музеем, — открыл огонь по пиратской эскадре, однако весь его экипаж был беспощадно вырезан абордажным боя. Рокер Буги предал Оук-Порт огню и мечу. Столб пламени стоял над городом, когда на горизонте появились паруса русского клипера «Безупречный», направлявшегося на отдыши в Оук-Порт после картографической разведки островов Кьюри. Остальное известно уважаемому читателю.

Но вот наступили времена, когда паровые машины окончательно вытеснили парус. Новые суда, не зависящие от пасатных ветров и течений, проложили в океане другие пути, и Большие Эмпиреи оказались в стороне. Открытие Суэцкого, а потом и Панамского каналов усугубило изоляцию архипелага от большого мира. Мода на перья райских птиц в Европе прошла, капиталистические монополии перехватили рецепт знаменитого «Горного дубняка», в Европе занялись мировыми войнами и совершенно забыли о Большых Эмпиреях. Редко-редко швартовались теперь суда в удобных гаванях Оук-Порта.

Однако эмпирейцы не тужили. Да и чего им было тужить? Ведь море по-прежнему было прозрачным и рыба в нем не переворачивалась, фруктовые деревья плодоносили по-прежнему, дубы, пинии и пальмы шелестели так же ласково, как и в прежние времена, и так же ласково подмигивали по ночам созвездие Кассиопеи.

Может быть, Володя Телесковых были отчасти и правы. Может быть, эмпиреям действительно было немного скучновато, но у них была большая и всепоглощающая страсть — футбол, завезенный, если помните, сюда еще Бархатным Чарли. Они называли свою любимую игру «булоногом», а игроков «легоперами». Они были убеждены, что обладают самой мощной командой мира, но у них никогда не хватало денег, чтобы съездить в Европу или в Южную Америку проверить свои силы, да они и не знали толком, что такое деньги.

Заманивая в свои гавани корабли разных стран, эмпиреи вызывали их экипажи на футбольные «булоножные» поединки и обигрывали с ужасающим счетом. Последний, например, матч с командой несчастного «Ван-Дейка» закончился со счетом 44:0 в пользу местных «легоперов».

Нынешний президент этой республики Токтомуран Джечкин вот уже много лет является бесменным вратарем («булоноговым») сборной футбольной команды страны.

Так шла жизнь, и никто из потомков обленившихся астронавтов, предпринимчивых малазийцев, африканцев, индийцев, обевшихся викингов и рассказавшихся пиратов не подозревал о том, какие тучи собираются над их небольшой страной, никто не мог вообразить себе событый, о которых пойдет речь в следующих главах.

ГЛАВА VI

В КОТОРОЙ ВЕСЕЛЫЕ ГОЛОСА ПЕРЕМЕЖАЮТСЯ
ЗЛОБНЫМИ ВЫКРИКАМИ, ТРЕЩАТ МОТОЦИКЛЫ
И НЕВНЯТНО БУБНИТ „РЕЗИННИК“

— Странное дело, Николай, — сказал Геннадий Страстопонов капитану Рикошетникову. (Оставаясь наедине, Геннадий позволял себе называть своего старшего друга

просто по имени). — Происходит поистине какое-то чудо, Николай. Мне кажется, что я начинаю понимать эмпирейский язык.

Друзья в густой толпе шли по вытертым до блеска мраморным плитам старого Оук-Порта. В бесчисленных магазинчиках, лавочонках, барах и кафе главной улицы Пикокабануэй кипела говорливая возбужденная жизнь. Казалось, воздух наэлектризован ожиданием завтрашнего футбольного поединка.

— Знаете, Гена, это очень странно,—сказал капитан,—но мне тоже кажется, что я что-то понимаю, а ведь этот язык не похож ни на один из знакомых мне языков.

— Давайте попробуем поговорить с кем-нибудь на нем,— предложил Геннадий.

Друзья сквозь бамбуковую занавеску вошли в полутемную прохладную лавочку. Толстый хозяин в красной майке с цифрой 9 на спине тут же закрутился возле них.

— Вилькэмис, вилькэмис, якшите немо!

— Пуззо, гай по свитохлади,— попросил его Геннадий, и тут же получил бруск мороженого в шоколаде.

— Пуззо, гай по тубака пиор липпса,— попросил капитан и тут же получил коробку трубочного табака «Летучий голландец».

— Хава миста свитохлади ри тубака?— спросили друзья, имея в виду стоимость купленных предметов.

— Фуна велюр свитохлади, фуна велюр тубака,— сияя от счастья, ответил толстяк.

Капитан протянул ему две огромных местных банкноты с башнями, парусами, амурями, пушками и арабскими лягушками.

— Вилькэмис, вилькэмис. Грэтто сенкьюра!

Друзья двинулись дальше. Онишли к зданию сената, где, как объяснили им в порту, должны были сегодня состояться большие дебаты по вопросу завтрашнего матча.

— Джин! Мой юный герой!— услышал вдруг Геннадий за спиной, и на плечо ему легла легкая, как куриная лапка, рука.

Пожилая леди Сьюзен Леконсфильд выглядела самым невероятным образом. Шея ее была унизана местными глубоководными жемчугами, мочки ушей были украшены пунцовыми серьгами, над седыми булавками колыхались перья райских птиц, а kostяные бедра были обтянуты ярчайшей эмпирейской мини-юбкой.

— Джин, сокровище мое, спасенные тобой создания сегодня через час улетают домой, в свою уютную квартирку, — лепетала старая леди. — Позволь мне поцеловать тебя, мой мальчик, мой рыцарь, мой хрустальный дельфинчик, мой...

Потрясенный «хрустальным дельфинчиком» Геннадий подставил щеку и получил поцелуй.

Капитан Рикошетников с галантностью поцеловал даме руки.

— На местном дирижабле мы доберемся до Зурбагана, а там пересядем на «комету», — продолжала старушка. — Поцелуй же своего нареченного братца, мой мальчик.

Содрогаясь от отвращения, Геннадий поцеловал Винстона в слюнявую пасть.

Мопс вляпал лизнул его в ухо.

Попрощавшись с леди Леконсфильд, друзья двинулись дальше. Извилистая Пикокабануэй вдруг выпекла на довольно широкой площадь, в глубине которой высилось здание сената с коринфскими колоннами, готическими шпилами и лепкой рококо.

Перед сенатом высился величественный памятник предку ленинградского пионера «Адмиралу Серху Филимонычу Страттофудо», как его именовали благодарные острожитые. Скромный мужественный путешественник был изображен скулптором как бы на капитанском мостике, но одновременно и на коне. Его гордую голову, с лицом, исполненным благородного гнева, венчал крылатый шлем. Правой рукой Страттофудо поражал акулоподобного Рокера Буги, а левой защищал пышную улыбающуюся деву, символизирующую эмпирейскую свободу.

ПРЕЗИДЕНТ Т. ДЖЕЧКИН

— О ужас! И это мой прапрапра... — прошептал Геннадий, вспомнив добротный и даже несколько застенчивый взгляд фамильного портрета.

Друзья поднялись по мраморной лестнице и скрылись в здании сената. Они уже не видели, как через пять минут на площадь с грохотом ворвались два десятка мрачных, затянутых в черную кожу хулиганов на мотоциклах. Они не видели, как хулиганы начали зловещее кружение вокруг памятника, подиная его желтой краской и отвратительной хулой, забрасывая яйцами и тухлыми крабами. Они не видели, как толпы возмущенных эмпирейцев пресекли эту неожиданную вылазку жителей Карбункула (а это были именно они) и покрыли их головы позором.

В чём же была суть этого странного инцидента? Оказалось, что на Карбункуле вдруг вспыхнула яростная кампания против футбольного матча с советскими спортсменами. Жители Карбункула, которые до сего утра не слышали даже имени Пели и Гершковича, вдруг выступили с яростными нападками на футболистов советского судьи «Алеша Попович» и послали лучших своих хулиганов для осквернения памятника русскому адмиралу.

А Геннадий и капитан Рикоштников сидели тем временем в галерее для гостей и наблюдали заседание сената республики большие Эмпиреи и Карбункул.

Спикер сената возвышался над всем собранием, сидя по традиции на огромной бочке знаменитого «Горного дубняка». Одет он был также традиционно: баххатный камзол, драные ботфорты, красная пиратская косынка на голове. Оба его глаза крест-накрест закрывали традиционные черные повязки. В руке он держал кремневый пистолет XVIII века, выстрелил из которого пресекал шум в зале.

Сенаторы же, их было ровно две дюжины, одеты были кое-как. Правая оппозиция, шесть представителей Карбункула, все были в черных суконных тройках, а остальные — в расстегнутых жилетах, в рубашках, иные так просто в майках. Президент республики Токтомурлан Джечкин, явившийся на заседание прямо с тренировки, был в доспехах футбольного вратаря.

Среди этого странного общества изысканностью и строгостью наряда выделялась красивая статная дама с длинными черными волосами и лицом словно вырезанным из слоновой кости.

— Кто эта дама, месье? — спросил Рикоштников оказавшегося по соседству вертлявого француза.

— Эта женщина — сенатор, мадам Накамура-Бранчковска, — зашептал сосед. — Поверьте, месье, такой обаятельной и импозантной дамы не встретишь ни в Лондоне, ни даже в Париже. Говорят, что она происходит из рода Де Клисон... .

Спикер выстрелил в потолок, вынув изо рта традиционный кляп и глухим голосом возгласил:

— Слово предоставляется господину президенту.

Токтомурлан Джечкин, подтягивая черно-бело-лиловые трусы, поднялся на трибуну.

— Господин спикер, господа сенаторы, господа! Вчера народ Эмпиреев приветствовал в своем порту советский фрегат «Алеша Попович». Любимец нашего народа, лучший футболист вселенной Рикко Силла первым коснулся борта этой brigantines.

Советская каравелла, господа, занимается в океане наукой, но это нас, слава Богу, не касается. Мы будем счастливы встретиться с легионерами этой далекой и, как утверждают, большой страны, команда которой заняла четвертое место на так называемом первенстве мира в Лондоне.

— От себя лично, господа, — продолжил президент, — я заявляю: завтрашнем матче я парирую восемь пенальти и вытащу столько же мячей из «девятки». Уверен, что сенат единогласно одобрит встречу наших легионеров с советскими футболистами, прибывшими к нам на галеоне «Алеша Попович». Я кончил, господа!

Спикер снова пальнул в потолок.

— Слово имеет старейшина Совета Копальщиков острова Карбункул достопочтенный кавалер ордена Счастливой Лопаты полковник Бастардо Мизераблес да Порки-Гусано.

На трибуну поднялся высокий мощный мужчина лет сорока с бананообразным носом, лохматыми гусеницами бровей, похожим на утог подбородком и странными на этом фоне тоненькими усиками. Лицо этого господина показалось знакомым Геннадию и Рикоштникову, но вспомнить его они не смогли. Как-то очень уж не связывались между собой сенат далекой неведомой страны и милый сердцу, пропущенный сквозь снег вид Ленинграда... Кировский мост... Петропавловка... памятник Суворову...

Бастардо Мизераблес да Порки-Гусано грохнулся страшными кулаками по трибуне и завопил на карбункульском наречии эмпирейского языка:

— Вжил жыз всплыл спилствую! Черчелянто ри фларт! Газзо азиф Карбункуль жыр жарас Эмпирея гам, га фула, брагад! .

Грубая речь его была почти непонятна советским морякам. Уловить можно было лишь отдельные бранные слова: трусы, предатели, лентяи, идиоты...

Ясно было одно: кавалер ордена Счастливой Лопаты яростно протестовал против дружеского спортивного поединка с советскими моряками.

Никто не ожидал такого поворота дела. Изумленные сенаторы левого крыла и центра вскочили, размахивая руками. Шум на галереях для публики поднялся невообразимый. Круглый, как мяч, седовласый сенатор красной футболки с цифрой 3 одним прыжком взлетел на трибуну и закричал:

— Позор недостойным копальщикам Карбункула! Вам не поссорить нас со славными ребятами, не прогнушими даже перед лицом бандитской подлодки! Да здравствует дружба! Да здравствуют посланцы страны нашего героя Серго Филимонович Страттофуда!

Шум усилился еще больше. Поплюячи черных сюртуков сиплыми глотками рявались какую-то гадость. Сникер палил уже из двух пистолетов. И тогда, слегка поправив свою длинную волосы, встала мадам Накамура-Бранчанска. Все мгновенно затихли. Видимо, вес этой женщины в эмпирейском обществе во много тысяч раз превышал ее собственный вес, вполне соответствующий изящным парижским стандартам.

— Господа, — мягко, глубоким голосом сказала женщина-сенатор. — никто из присутствующих не упрекнет меня в презрении к футболу. Все помнят, что именно я открыла счет в матче с командой австралийского авианоса «Кукебурре». В то же время остров Карбункул отличен знает, с каким уважением я отношусь к его трудолюбивому мужественному населению. По этим двум причинам я воздерживаюсь от голосования и приглашаю всех присутствующих на мой сегодняшний вечер «Вальс незнакомых цветов».

Очаровательно улыбнувшись, она села. В зале царило недоуменное молчание. Позиция влиятельной дамы явно всех озадачила.

— Начнем голосование? — сквозь традиционный кляп еле слышно произнес спикер.

— Начнем! Начнем! — послышались неуверенные голоса.

Президент Токтумуран Джечкин кривнул со своего места:

— Господа, я забыл добавить: Рико Силла сегодня ударом головы вывротил штанги!

Взрыв энтузиазма погасил последние сомнения.

— Голосуем и дело с концом!

И тогда правая оппозиция прибегла к последнему коварному способу погасить волю народа. Она выпустила на трибуну так называемого «резинщика». Все в зале поняли, что это значит, когда «резинщик» начал с первой страницы читать «Хартию вольностей» толщиной в мраморную плиту, а под рукой у него еще были «Ветхий завет», «Коран» и «Антология мирового фольклора». Увы, таков был закон эмпирейского сената — оратор мог выступать столько, сколько хотел, а «резинщик» с Карбункула, видимо, собирался выступать не меньше четырех дней. Сенат же не мог проголосовать, пока он не кончит.

Прошел час. В зале уже слышалось носовое посвистывание засыпающих сенаторов. Сникер, свернувшись в клубок, спал на своей бочке. А «резинщик» все бубнил и бубнил:

— ... итак, параграф седьмой пятого подпункта установления о торговле гласит, что производство пуговиц разрешается при представлении определенного числа доказательств о возможности такого производства, обусловленных пунктом «а»...

— Пойдемте в порт, Геннадий, — сказал Рикошетник. — Дело ясное, что дело туманное.

Он обернулся и увидел, что мальчика рядом с ним нет.

ИЗ КОТОРОЙ ДОНОСИТСЯ
ДО НАС СТУК
ТЕННИСНОГО МЯЧА
И СТРАШНЫЙ ХРУСТ,
С КОТОРЫМ МОЩНЫЕ
ЧЕЛЮСТИ РАЗГРЫЗАЮТ
КЛЕШНИ ОМАРА

Первое, что услышал Геннадий, очнувшись, был звук, похожий на грохот работающего рядом отбойного молотка. Потом лопатки его ощущали холод каменного пола. Глаза устремились вверх, и мальчику показалось, что он лежит на дне глубокого каменного колодца. Голова кружилась.

Геннадий приподнялся на локтях и осмотрелся. Нет, это был не колодец, скорее, старая узкая крепостная башня. Стены грубой кладки уходили вверх. Сквозь стрельчатое окно на самом верху, скорее похожее не на окно, а на

бойницу для мушкета, узкая полоса яркого солнечного света косо шла вниз и падала на привалившегося к стене дюжего детину в штанах военного образца и в белой майке со штампованными автографами кинозвезд. На коленях детина лежал тупорылый автомат. Детина хранил, и именно этот хран создавал впечатление работавшего рядом отбояного молотка.

Через секунду Геннадий вспомнил все. Он вспомнил, как, утомленный нудным завыванием «резинщика», тихо покинул галерею для гостей и решил прогуляться по зданию эмпирейского сената.

Он шел гулкими сводчатыми коридорами, разглядывал стоящие в нишах фигуры средневековых воинов, входил в пустые залы и смотрел на огромные картины, поразительно напоминающие эмпирейскую банкноту «велью».

Открыл очередную дверь, Геннадий запутался в каких-то тяжелых шторах. Пытаясь выбраться из парчовых складок, он услышал негромкие мужские голоса и, наконец, увидел в щельку трех джентльменов, развалившихся в креслах и прихлебывающих из высоких стаканов янтарного виски.

Он хотел было уже с извинениями удаляться, как вдруг услышал...

— Этот идиотский футбольный матч не должен состояться ни в коем случае, — сказал тихо голубоглазый блондин с очень странным утиным носом. — И вообще советскому кораблю нечего делать возле архипелага. Вы здесь, на своем архипелаге, совсем оторваны от мировой политики! Именно из-за этого памятника, именно из-за популярности русских и оттого, что они обаятельные парни, нужно выдворить их вон. Мясо, господа, нужно сначала отмочить в соусе, прежде чем нанизать на вертел!

Джентльмены гулко расхохотались и подняли стаканы.

— За мистера Кингсли Брейнвейна Мамиса из страны, которая ценит юмор, но не любит шутить! — провозгласил глыбоподобный.

В это время стальные пальцы сзади обхватили горло Геннадия, и не успел он опомниться, как был втащен внутрь кабинета.

— Мне пришла нужда прогуляться, господа, — прогудел над Геннадием грубый голос. — Возвращаюсь, смотрю — пасан...

— Кто ты такой, щенок? — завизжал не своим голосом глыбоподобный, суж под нос Геннадию кулак, усеченный огромными перстами.

— Здесь не место разбираться, Латтифудо, — быстро проговорил Мамис, открыл черный портфельчик «атташе» и, зажав себе нос, брызнул из какой-то стеклянной трубочки едкой жидкостью в лицо Геннадию.

Последнее, что слышал мальчик как сквозь вату, были слова:

— Отправьте его куда следят...

«Сколько же времени я был без сознания? — подумал сейчас Геннадий. — Час, два, может, — сутки?»

Он осторожно встал и подошел к храпящему охраннику. Тот не шелхнулся. Тяжелый дух дешевого джина витал над ним. Геннадий попробовал плечом низкую дубовую дверь — она не поддавалась, видимо, была заперта. Геннадий снял с колен парниги автомат, пекинку его через плечо и посмотрел вверх. В стене кое-где намечались выступы, видимо, остатки винтовой лестницы, которая вела на боевую площадку.

Вспомнили уроки скаколазанья, которые когда-то в Крыму преподавал ему папа Эдуард. Геннадий стал карабкаться вверх. К счастью, на ногах были легкие туфли на каучуковой подметке. Прошло несколько мучительных минут, прежде чем он оказался перед бойницей. Прямо над ним вниз головой висели мешочками несколюко летучих мышей.

Протиснувшись в бойницу было делом нелегким, но оно оказалось по плечу малычишам. Он выбрался на руку и встал, прижавшись спиной к стене, на каком-то витиевато изогнутом выступе, видимо, остатке орнамента, некогда венчавшего башню. Огромное пространство открылось перед ним. Окинув его взглядом, Геннадий чуть не закричал от ужаса. Шлихи Оук-Порта едва виднелись на горизонте. Сверкающий на солнце пролив шириной в несколько миль частично был скрыт близким, невысоким, но устрашающим мрачным хребтом, похожим на спину динозавра. Мальчик понял, что он находится на острове Карбункул.

Головокружительные секунды отчаяния... Как далек от него сейчас родной «Алеша Попович», капитан Ри-кошетников, Шлипер-Довейко, Хрящиков, Верстесичев, Барабанщиков, Телескопов, Калипсо, люди, с которыми любая беда — не беда... И они ничего не знают о нем! Они даже не могут предположить, где он сейчас.

Башня была высотой не меньше двадцати пяти метров. Вниз клубилась какая-то зелень, но под зеленью, возможно, были скрыты острые камни. Прыгать прямо вниз было безумием. Попытаться скользнуть вниз по стене? Стена была отполирована многовековыми ветрами. Вот метрах в пяти-шести верхушка мощного дерева, с ветвей свисают лианы. Попробовать по-тарзаньи! Единственный выход, не сколько шансов из ста.

Сильно оттолкнувшись, Геннадий полетел вниз. Вот замелькали мимо рук спасительные лианы. Неужели конец?! Раз! Руки обожгло огнем. Геннадий закачался на лиане. Автомат больно ударил по крестцу. Проклятый автомат, надо было его сбросить к чертам подальше.

Под тяжестью мальчика лиана стала растягиваться, и Геннадий, словно с парашютом, вспомнив уроки мамы, опустился на пружинящий дерн.

Вокруг была тишина, только птицы кричали на разные голоса.

Геннадий отвалил от подноожия башни какой-то камень, положил

автомат в ямку и забросал его сухими ветками и листьями. Кто знает, что ждет впереди?

Осторожно прибралась сквозь кусты, мальчик направился в сторону пролива. Он рассчитывал пересечь хребет, спуститься к морю, найти там какую-нибудь лодку и попытаться добраться до Оук-Порта. Несколько раз ему пришлось проходить под замшелыми каменными арками, сбегать по ступенькам заброшенных лестниц, но ни разу ему не встретилось ни души.

Вдруг до слуха его донеслись гулкие звуки, похожие на удары по теннисному мячу. Кто мог играть в теннис в этом логове темных и подозрительных людей? Геннадий уже знал, что единственный спорт на Карбункуле — это копание ям. Кто быстрее выковывает яму, тот и чемпион.

Прачка за волунами, короткими перебежками, чуть ли не ползком Гена направился на эти звуки. Звуки становились все громче. Сомнений не оставалось — это был теннис. Быстроившись в кусты азалии, мальчик подполз вплотную к проволочной загородке идеального травяного корта, расчерченного по всем правилам и с тую натянутой сеткой.

На корте в полном одиночестве девочка его лет была мячом в стенку. Удары были резкие, частые, и реакция у девочки была что надо. Но вот она промахнулась, мяч пролетел мимо ракетки и подкатился чуть ли не к Геннадию носу.

Геннадий хотел было уже ящерицей скользнуть в азалии, глянул и остановил. Прямо на него бежала вприпрыжку румяная и надменная... Наташа Вертопрахова.

Право же, это была она: тот же «конский хвостик», болтающийся на затылке, и та же стройность большеглазого морского конька.

Она нагнулась за мячом и вдруг увидела лицо Геннадия. Несколько секунд мальчик и девочка, не отрываясь, смотрели друг на друга.

— Ну, чего? — спросила, наконец, Наташа, сдвинув брови к переносице. Говорила она по-эмпирейски.

— Ничего, — ответил Геннадий. Греха таить нечего, он был растерян.

— В теннис-то небось не играешь? — спросила Наташа.

— Играю, — пробормотал Геннадий.

Наташа вдруг звонко рассмеялась.

— В теннис он играет! Ах ты, крот несчастный! А ну-ка лезь сюда.

Геннадий, совершенно забыл об опасности, которая подстерегала его здесь на каждом шагу, перелез через заборчик. Наташа бросила ему ракетку. Он поймал ее на лету и встал на правой половине площадки.

— Ну дерки, крот! — крикнула Наташа, слабея от смеха, и сделала легкую подачу. Геннадий мощным драйвом погасил мяч.

Девочка подошла к сетке. Геннадий тоже приблизился. Он уже понял, что это не Наташа, а лишь ее копия, совершенно точная копия.

— Ты разве не из кротов? — спросила девочка.

— То есть? — удивился Геннадий.

— Ну что, не понимаешь? Разве ты не с Карбункула? Впрочем, конечно, ты не с Карбункула. У тебя странный выговор... — она наморщила лоб. — Иностранец, что ли?

— Я... — пробормотал Геннадий, — англичанин,

Девочка протянула ему свою руку:

— Доллис.

— Джин, — представился Геннадий, вспомнив леди Леконсфильд.

— У вас в Англии все так играют?

— Через одного, — улыбнулся Геннадий.

— Слушай, Джин, как все-таки здесь оказалось?

Геннадий внимательно посмотрел на девочку. Ему показалось, что ей можно открыть правду, что она может ему помочь, но все же решил быть осторожным.

— Я... я заблудился...

— Тебе нужно в Стамак? — спросила Доллис. — Пойдем, покажу дорогу.

— Покажи мне лучше кратчайший спуск к морю, — сказал Геннадий. — Мне нужно по-настоящему в Оук-Порт.

Они уже говорили по-английски. Вот где пригодились мальчику его усердные занятия этим языком.

— Не собираешься ли ты переплыть пролив? — со смехом спросила Доллис.

— Вот именно.

— У тебя есть знакомые среди акул?

— Мне нужно переплыть пролив, — тихо и серьезно сказал Геннадий.

— Из Стамака каждые два часа ходят паром.

— Мне нельзя в Стамак, — Доллис...

Девочка снова весело расмеялась.

— Какая таинственность! Тайнственный англичанин!

— Доллис, я не шучу...

— Ну, пойдем, пойдем! Я покажу тебе спуск к морю, — она вдруг хлопнула себя ладошкой по лбу. — А хочешь — вместе переплыем в Оук-Порт на каноэ!! Блестящая идея! Тогда возвратится моя мамочка! Бежим.

Сердце Геннадия глубоко забилось. Каноэ?! О чем еще он мог мечтать?!

— Чей это парк, Доллис? — на бегу спросил Геннадий Страфонтов. Его поразило то, что во всем этом огромном парке они не встретили ни одного человека.

— Наш, — ответила девочка.

— Чей?

— Наш. Ну, моей мамы.

— Весь парк ваш? А экскурсии сюда приезжают?

— Еще чего! — презрительно фыркнула Доллис. — Экскурсию!

Несмотря на напряженность момента, Геннадий по-думал:

— Вот она, капиталистическая система! Кучка людей владеет огромными ресурсами природы!

Они нырнули под красивую арку, пробежали полутемным тоннельчиком, и перед ними сразу за балюстрадой распахнулось пространство: скалы, море, приблизившийся изломанный гребень Оук-Порта. Проволка пересекала белое судно, верхняя палуба которого была покрыта ярким тентом.

— Мама возвращается, — махнула Доллис рукой в сторону судна. — Вчера она давала в столице прием. — Доллис напыщенно и жеманно произнесла, словно передразнив кого-то: — Вальс незнакомых цветов, господ! Не правда ли, прелестно? Вальс незнакомых цветов!

Так вот оно что! Геннадий едва смог скрыть свое изумление. Он вспомнил длинные черные волосы и, словно выточенное из слоновой кости, лицо женщины-сенатора. Бал был вчера! Значит, он валялся без сознания чуть ли не сутки?!

— Я слышала вчера про этот прием, — сказал он. — Твоя мама — мадам Накамура-Бранковская?

— Ну, да. Как ты догадалась, Джин?

— Я видел ее в сенате.

— Ты не думай, что она всегда такая важная, она хорошая, только... — Доллис быстро посмотрела на него. — Красивая, а?

— Не хуже Софи Лорен, — сказал он.

Девочка расхохоталась.

— Ну, ты, я вижу, — знаток! Ладно... — она показала с балюстрады вниз. — Видишь тропинку между скал? Спустишься по ней, там будет маленькая бухта. Разбийничья бухта. Жди меня там, а я подгоню каноэ. Идет? Не успел Геннадий кивнуть, как за спиной его раздался страшный вопль.

— Вот он, ребята!

Геннадий стремительно обернулся. Из тоннельчика прямо на него бежал детинка в майке с автографами кинозвезд, а за ним еще трое узкободых квадратных парней.

Изумленная Доллис увидела, как юный англичанин молниеносным приемом дзюдо сбил с ног огромного парня, вскочил на барьер и упал вниз лицом под ударом пистолетной рукоятки. Два грузных тела навалились на мальчика. В мгновение ока руки его были скручены мотком проволоки.

Доллис вскрикнула и влепила пощечину одному из громил.

— Как вы смеете, кроты?! Кроты несчастные! Кто вам разрешил вырываться в наш парк?! Отпустите его немедленно!

Детина, сбитый Геннадием, кряхтя поднялся. На тупом его лице застыла кривая хулиганской улыбки.

— Этот перене, молодая госпожа, задержан по приказу совета. Он скапал сегодня из Мушкетной башни. Люгер мой спер, молодая госпожа.

Он обернулся к сязанному Геннадию:

— Где моя пушка, гаденыш?

Доллис и его огrelа пощечиной.

— Рука у вас тяжелая, молодая госпожа, — ухмыльнулся детина.

— У моей мамы рука потяжелее! — крикнула Доллис и вдруг заплакала в три ручья. — Джин, Джин, что это такое?

— Я не знаю, что они от меня хотят, Доллис, — проговорил Геннадий. — Это какое-то дикое недорезумение...

— Наше дело маленько, — ухмыльнулся битюк. — Приказ есть приказ.

Подталкивая Геннадия в спину автоматами, они повели его через парк. По дороге они шумно обсуждали подробности погони и схватки. Доллис было, они показали себе героями. Детина в майке с автографами хлопнул малыча по плечу даже с некоторым добродушием:

— А здорово ты меня с катушек сбил, малец!

— Ай донт андерстэнд, — сказал Геннадий. — Я не понимаю вашего языка.

— Ладно, ладно, топай!

Его вывели из парка и повели по покрытой щебенкой дороге, петляющей среди рыхких унылых скал. Шагая этой раскаленной дорогой, Геннадий лихорадочно обдумывал ситуацию.

Ясно одно — он в руках какой-то банды. Ясно тоже, что эта банда плетет заговор против эмпирейцев и против советского корабля. «Маско надо смочить в соусе, прежде чем нанести на верталь...» «Советскому кораблю нечего делать возле архипелага...» «Нужно покончить с этим кумиром Серхо Филимонович Страттфудо...» Ясно, что главари банды боятся, что он подслушал их секреты.

Если он откроется им и скажет, что он советский пионер, потребует, чтобы его отправили на «Алешу Поповича», если они еще догадаются, что он потомок эмпирейского памятника... Это может кончиться плохо.

Надо попытаться обмануть их. Он англичанин Джин Стрейтфond, он ни слова не понимает по-эмпирейски, он ничего не слышал. Ему нужно добраться до Оук-Порта, чтобы...

— Эй, стой! — грубым голосом прервал размышления Геннадия один из конвоиров. Он взял Геннадия за плечи и залепил ему глаза широким пластырем.

После этого он двинул в полнейшей темноте. Он слышал, как скрипели какие-то двери, ему казалось, что

его ведут по узкому сырому коридорчику, потом был долгий спуск по скользким ступенькам, толчок в спину... Пластины содрали, и Геннадий увидел выбеленные стены, окно, заброшенной стальной решеткой, за которым виднелись только море и небо. В кресле сидел, развалился, глыбоподобный господин Латтифудо. Солнце играло в массивных перстнях на его руке, тонкий лучик шел от уха, от золотой серьги.

— Кто ты такой, мальчишка? — спросил Латтифудо с некоторой томительностью и усталостью.

— Ай донт андерстэнд, сэр, — ответил Геннадий. — Ай эм инглишмен, сэр, житель Лондона, турист...

— Вона-а, — вяло удивился Латтифудо, поморщился, словно от головной боли, и снял телефонную трубку. — Але, Фук, пацан англичанин, по-нашему ни бельмеса не понимает... Чего? Эх! Так! — он бросил трубку и вдруг зорал на Геннадия, наливаясь кровью: — Притворяешься, паразит? На архипелаге сейчас нет ни одного английского туриста!

Он по-английски с грубым акцентом.

— Видите ли, сэр, я с того самого несчастного теплого

хода «Ван-Дейк», нас спасли русские...

— Что-о? — Латтифудо даже приподнялся от изумления. — Ты, значит, с «Ван-Дейка»?

— Я путешествовал со своей бабушкой леди Сьюзен Леконсфильд. Бабушка улетела на родину, а я остался. На русском судне, сэр, мой багаж...

— Эге-ге, — проговорил Латтифудо и заглянул мальчику в глаза с весельем, от которой повеяло какой-то жутью. Потом снял трубку. — Фук, малый-то с «Ван-Дейка». Ага. Так. Ну, ясно!

— Грумло! — гаркнул он, и в дверях вырос детина в майке с автографами. — Кончай с этим пацаном. Грумло поставил автомат на боевой взвод и кивнул Геннадию.

— Пошли.

«Неужели конец?» — подумал Геннадий. Страха не было, он словно одеревенел.

Зазвонил телефон. Латтифудо вяло снял трубку и вдруг вскочил, вытянулся во фронт.

— Слушаюсь! Так! Так точно, здесь! Грумло, отставьте! Так, все понятно.

Он подошел к мальчику, развязал ему руки, посадил в кресло, поглядил по голове и ласково прошурчал:

— Хлопот с тобой полон рот, малыш...

После этого, что-то шепнув Грумло, он вышел из комнаты. Теперь все тело казалось Геннадию ватным. Страшная усталость и апатия охватили его.

Грумло поставил автомат на предохранитель, подмигнул Геннадию и глупо зевнул.

— Ну, ты меня здорово сбил с катушек, парень! Как прием называется?

— Пошел к черту, — сказал Геннадий этому человеку, этому получеловеку, который несколько минут назад мог влепить ему пуль в затылок.

Усталость брала свое. Геннадий начал было уже дремать, когда открылась дверь и вежливый голос позвал его:

— Мистер Стрейтфонд, пожалуйте сюда!

Несколько мгновений узкой сырой лестницы, все глубже и глубже, дверь ослепленных перехода. Открылась коридорная дверь, и Геннадий оказался в обширном помещении, освещенном мягким светом неоновых трубок. В помещении стояли мягкие кожаные кресла, стены украшали дубовые панели. Это было бы похоже на салон пассажирского судна, если бы не пульт радиостанции, за которым сидели двое мужчин.

Навстречу Геннадиюшел с протянутой рукой любезно улыбающийся мистер Кингсли Брейнвейн Мамис.

— Ах, дорогой мистер Стрейтфонд, какая получилась чепуха, какое недоразумение, — сказал он. — Ну, просто скандал...

— Я сам ничего не понимаю, сэр, — сказал Геннадий.

— Эта дурацкая охрана, мистер Стрейтфонд, — прошурчал Мамис. — Вы должны нас извинить. Нравы этой страны, понимаете ли...

— Да-да, — кивнул Геннадий.

— Но зачем вам понадобилось бежать, мой друг? Объяснили бы все и...

— Я ничего не понимал, сэр, — пробормотал Геннадий. — Я не понимаю этого языка. Я не знал, в чьих я руках, сэр.

Бошель запыхавшийся Латтифудо и доложил Мамису.

— Все в точку. На «Ван-Дейк» была зарегистрирована леди Сьюзен Леконсфильд с внуком.

— Хорошо, — кивнул Мамис, пытливо вглядываясь в лицо Геннадия, видимо, пытаясь разгадать, понимает ли он по-эмпирейски.

Усилием воли Геннадию удалось сохранить безучастное выражение лица, хотя он был поражен — леди Леконсфильд была зарегистрирована на «Ван-Дейк» с внуком!! В следующий момент Геннадий додумался — старая чудакушка называла своим внуком монсеньги Винстона, его она и внесла в списки пассажиров. Кайка удача!

— Мне показалось, сэр, что джентльмен назвал имя моей бабушки, — вежливо обратился он к Мамису.

— Наведены справки, мистер Стрейтфонд, — Кингсли Б.

Мамис лучезарно улыбнулся. —

Баша бабушка благополучно прибыла в Лондон. Вы можете сейчас поговорить с ней по телефону.

— Как? Прямо отсюда? — удивился Геннадий.

— Да, наши радисты мигом соединят вас с вашей лондонской бабушкой. Не забыли телефончик, мистер Стрейтфонд?

Геннадий понял, что его подвергают последней проверке. К счастью, он помнил номер леди Леконсфильд, но старуха, сама того не зная, могла его запросто выдать.

— Благодарю вас, сэр, но в этом нет нужды, — неспешно махнул он рукой. Ничего, мол, с бабкой не случится.

— В этом есть нужда, мистер Стрейтфонд, — сказал Мамис, глубоко заглянув в глаза мальчику, словно пытаясь по-змеиному проползти в его сущность. — Это просто необходимо, юный мистер Стрейтфонд.

Да, в чем нельзя отказать моему герою — это в присущих волевым качествах.

— Ну, если вы настаиваете... — улыбнулся он. — Наш телефон Виктория 3-27-38.

Прошло несколько минут, прежде чем один из радиостопов протянул Геннадию трубку. В трубке очень отчетливо слышалась дребезжущий голосок:

— Сьюзен Леконсфильд у телефона...

— Бабушка! — закричал Геннадий. — Это говорит твой внук Джин. Твой... «хрустальный дельфинчик». Не волнуйся, я звоню тебе с Эмпирейских островов... Как себя чувствуешь, милая бабушка?

Последовала пауза, потом в трубке послышались хлюпающие звуки, перерастающие в рыдание, сквозь которые едва можно было разобрать отдельные слова:

— Джинни, мой мальчик!.. Внучек!.. Да, твоя бабушка слушает тебя... рыдаю с Винстоном... дитя мое... хрустальный мой дельфинчик...

Геннадий зевнул изо всех сил:

— Бабушка, не волнуйся за меня! Я попал здесь в какую-то странную историю...

Расчет его оправдался. Мамис после этих слов немедленно прервал разговор.

— Связь... оборвалась, мистер Стрейтфонд, — развел он руками. — Немудрено, такое огромное расстояние...

— Большое вам спасибо, сэр, — прозвучевшоно сквозь Геннадий. — Честно говоря, я очень волновалась... и за бабушку. Честно говоря, сэр, ведь я в последнюю минуту выскочил из дирижабля...

— То есть попросту... — Мамис изобразил пальцами бегущего человека. Видно было, что он полностью поверил в легенду Геннадия.

— Попросту драпанул, сэр, — весело расхохотался мальчик. — Знаете, я был потрясен вашим архипелагом, мне захотелось подольше побывать здесь... Эти бастоны Оук-Порта, Карабункул, сам похожий на крепость... легенды о бесстрашных пиратах...

— Увлекаешься пиратами, малыш? — снисходительно усмехнулся Мамис.

— Есть немного, сэр. С детства мой кумир — великий адмирал Рокер Буги.

— Вон что, — Мамис загадочно улыбнулся. В голубых глазах его мелькнул огонек. — В Оук-Порте его не очень-то любят...

— Правда? — наивно удивился Геннадий.

Зазвонил телефон. Мамис снял трубку.

— Да. Все сошлоось. По-моему, наивный дурачок. Есть, Фук, не волнуйся. Пока.

Он повесил трубку и хлопнул Геннадия по плечу.

— А ты, оказывается, ловкий паренек, Джинни-бой! Уже успел познакомиться с Доллис! Мадам Накамура-Бранчковска разносит сейчас из-за тебя наше начальство. Требует, чтобы тебя немедленно доставили на ее виллу. Поехали.

В шесть часов вечера отдохнувший элегантный юный джин Джин Стрейтфонд явился в сопровождении слуги

к ужину на открытую веранду виллы Накамура-Бранчковской.

Веранда висела прямо над морем на стометровой высоте. В центре ее был сервирован стол на четыре персоны. Вокруг стола хлопотали три подтянутые официантки в белых куртках с золотыми пуговицами. Особый столик в углу веранды сверкал хрусталем, серебром, кубиками льда. На роскошном ложе из зелени распластался гигантский омар.

Официантки молча вытянулись перед Геннадием, а Геннадий вздрогнул, вновь увидев перед собой Наталью Верторпахову. Ну до чего же была на нее похожа Долли Накамура-Бранчковская!

Девочка, сменившая свой любимый наряд — белые шорты и гавайскую рубашку — на строгое платье, подбежала к нему.

— Привет, Джин! Проклятые кроты! Чего они хотели от тебя?

— Послушай, Доллис, — тихо сказал Геннадий. — Ты никому не говорила, что я понимаю по-эмпирейски?

— Нет, а что?

— Прошу тебя никому об этом не говорить...

Глаза Долли сузились, она зашептала:

— Какая-то тайна, Джин, да? Раскажи мне, не бойся...

— Я тебе расскажу позднее, — сказал Геннадий. — Сейчас важно хранить молчание.

К веранде приближалась мадам Накамура-Бранчковска под руку с высоким мужчиной, в котором Геннадий узнал свирепого сенатора Бастиардо Мизераблес да Порки-Гусано. Теперь он был сама благовоспитанность и любезность.

— Терпеть не могу этого типа, — сказала Доллис, хмуро глядя на приближающегося председателя совета Колпаковых острова Карабункул, кавалера ордена Счастливой Лопаты и полковника. — Худший из всех кротов. Ишь ты, повадился к нам.

Мадам одарила мальчика ослепительной улыбкой и протянула руку. Мгновение поколебавшись, Геннадий целовал изящную конечность.

— Мы очень рады видеть вас гостем, Джин, — сказала мадам. — Ваш покойный дед и его фирма зубных протезов известна всему деловому миру.

Ужин прошел в остроумной светской беседе, легко и приятно, если не считать странного хруста, с которым полковник разгрызкал кleşши омара, да злых шуточек Доллис. Мадам Накамура-Бранчковска была очень предупредительна к своему гостю из Лондона.

— Ах, Лондон, Лондон, — проговорила она, когда они с Геннадием отошли к барьеру веранды. — Помните, как сказал поэт... «Все города похожи, как две пенса, но не похожи на них, как шиллинг, Лондон...»

За столом Бастиардо Мизераблес, сильно чавкая, добрал все, что осталось, пил огромное количество вина, рвакал в ответ на колкости Доллис, а Геннадий с хозяйкой дома стояли над морем — она пила коктейль «дайдирик», он — абанановый сок.

— Вы погостите у нас, Джин!

— Боюсь, мадам, что мне нужно возвращаться домой. Бабушка сегодня так плакала в телефон...

— Печально, — вздохнула хозяйка. — Мне кажется, что наши отношения могли бы перерости в настоящую дружбу...

Она смотрела на него с мягкой доброй улыбкой.

«Какая приятная женщина, — подумал мальчик. — Приятнейшая женщина, несмотря на то, что капиталистка. Смотрит на меня как мама Элла».

— Мадам, — сказал он волнованно, — вы спасли меня сегодня от смерти.

— О, Джин, не надо преувеличивать, — улыбнулась она.

— Я не преувеличиваю, мадам. Мне кажется, что я был в руках какой-то страшной банды. Когда толстяк узнал, что я с «Ван-Дейка», он приказал меня застрелить. Я уверен, что только ваше вмешательство спасло меня. Мне кажется, что те люди связаны с пиратами, напавшими на «Ван-Дейк».

— Пираты! — усмехнулась дама. — В вашем возрасте, Джин, еще можно видеть пиратов...

— Но «Ван-Дейк» потоплен, мадам!

— Возмутительный бандитизм! — воскликнула дама. — Верена, что великие державы не оставят этого без внимания! — она прикоснулась к плечу Геннадия. — Что касается местных солдатов, то вы ошиблись. У вас очень напряжены нервы, мой мальчик. Хорошо бы вам отдохнуть у нас несколько дней. Самолет моей фирмы скоро летит в Зурбаган, откуда вы сможете отправиться прямо в Лондон. В Европе снова входят в моду перья рябых птиц, и мы получили заказ.

— Еще раз большое спасибо, мадам, но мне нужно утром быть в Оук-Порте. На русском судне мои вещи...

— Хорошо, завтра поедем вместе на моей яхте. Возьмем Доллис с собой, она покажет вам город. Наш дом в Оук-Порте, мы эмпирейцы, Джин. Здесь мы только спасаемся от ярлыка...

Онглянул вниз и остолбенел от ужаса. По проливу, оставляя за собой светлый след, двигался «Алеша Попович». Они уходили из Оук-Порта! Куда? Почему? Они уходят без него!

«Алеша Попович» проходил прямо под ними. Палубы были пусты. Медленно вращалась антenna локатора. Геннадию показалось, что он видит в стекле ходовой рубки каменное лицо капитана Рикошетникова. Как он мог бросить его!

За его спиной гулко захотел Бастиардо Мизераблес.

— Гляди! — заорал он мадам Накамура-Бранчковской.

— Сматываются коммунисты! Наша взяла!

Мадам обожгла его резким и неожиданным, как удар хлыста, взглядом.

— До сих пор не научились вести себя в обществе, полковник!

Она повернулась к Геннадию и, пораженная его взгляду, восхликала:

— Что с вами, мой мальчик?

— Там! — в ужасе закричал Геннадий, показывая на удаляющийся «Алеша Попович», — там осталась моя коллекция марок!

Да, в чем нельзя отказать моему герою — так это в присутствии духа и находчивости!

МОЙ ДЕДУШКА- ПАМЯТНИК

ПОВЕСТЬ
Василий Аксенов
Рисунки М. Беломлинского

ГЛАВА VIII

КОТОРАЯ НА СВОЕМ
УБЕДИТЕЛЬНОМ ПРИМЕРЕ
ПОКАЗЫВАЕТ,
ЧТО ГОЛОСА ЛОГИКИ И РАЗУМА
ПОРОЙ МОГУТ ПОТОНУТЬ
В НЕИСТОВОМ ШУМЕ
СБОЙСТВА С ТОЛКУ ТОПЛЫ

Что же произошло? Почему «Алеша Попович» неожиданно покинул гавань Оук-Порта? Можно ли представить себе, чтобы советские моряки бросили в беде товарища?

Продолжение. См. «Костер» № 7—8, 1970 г

Николай Рикошетников, обойдя все помещения сената в поисках Геннадия, выбежал на площадь и оказался в центре событий, связанных мрачными хулиганами с Карбункула.

Площадь кишила людьми. Местами возникали стычки, переходящие в кулачный бой. Десятки ораторов, взбравшись на фонарные столбы, что-то кричали в толпе. Ревели моторы мотоциклов. Группа мужественных горожан, взявшись за руки, защищала свою святыню — памятник Серго Филимонычу Страттофудо.

Рикошетников помчался на судно, мигом собрал совещание. Половина экипажа была направлена в город на поиски пропавшего мальчика. Всем морякам было строжайше запрещено выспрашивать о мальчике у местных жителей и тем более называть его имя. Рикошетников боялся, и не без основания, что провокаторы могут узнать о пребывании в городе потомка благородного русского адмирала и устроят на него настоящую охоту.

Поиски Геннадия продолжались несколко часов и не дали никаких результатов. Потрясенный Рикошетников решился тогда на крайний шаг — он снова отправился в сенат.

В сенате уже все спали. Семижильный «резинщик», покрывающий, тянул свое:

— В свете изложенного, опираясь на параграф 90 пункта «д» отдела 18 можно категорически заявить, что производство пуговиц на территории республики может быть разрешено только лицам, доказавшим свою способность к нему...

Рикошетников разбудил того сенатора, который дал резкую отповедь пропискам полковника Бастардо Мизераблеза да Порк-и-Гусано. Толстяк в футбольной майке под номером 3 повел его в свой кабинет для конфиденциальных переговоров.

Имя сенатора было Нафнути Куче. Рикошетников рассказал ему все. Нафнути Куче выслушал его с крайним вниманием.

— Видите ли, капитан, — сказал он, — в других условиях приезд потомка адмирала Серго Филимоны Страттофудо мог бы превратиться в национальный праздник. Сейчас, увы, мы не можем предугадать развитие событий. Эмпирейцы слишком доверчивы и простодушины. Это дети, сэр. Я обещаю вам, что я и мои люди — скажу по секрету, их не мало — предпримут все усилия для поисков мальчика. Я не исключаю возможности того, что он попал в лапы негодяев, но... — Нафнути Куче стал перед Рикошетниковым на одно колено и торжественно провозгласил: — Клянусь козвездиям Кассиопеи, катамараном старого Иона, цепями египетских рабов, раковыми мечами викингов и аркебузами португальцев, клянусь бархатным камзолом нашего первого президента и нашим священным «булоногом» — Джинадо Эдуардо Страттофудо будет спасен! Амины!

Капитан Рикошетников сразу понял, что этому человеку можно доверять. В глазах его он увидел намек на незаурядный ум.

— Согласитесь, Нафнути, мы, мирные ученые и моряки, оказались в весьма двусмысленном положении...

— Мистер Рикошетников, я не коммунист, — сказал Нафнути Куче. — Я всего лишь левый либерал, филуменист и правый защитник, но я вам скажу: мне кажется, что все беспорядки на архипелаге направляет какая-то мощная рука.

О дальнейшем развитии событий можно догадаться по заголовкам и высказываниям местных газет.

«ЕЖЕДНЕВНЫЙ ФОНТАН» (Оук-Порт)
«ТО МЕШАЕТ НАШИМ ПАРНЯМ НАКАПЛИВАТЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ?»

«СЫТНАЯ ПИЩА БЕЗ ОБМАНА»
(г. Стамак, о. Карбункул):
«ФУТБОЛ — ПУТЬ К НИЩЕТЕ И ПОЗОРУ!»

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ „ЛЕСТНИЦА“
(специальный выпуск):

Сегодня мы помещаем стихи нескольких наших известных граждан:

Токтомуран Джечкин

Прекрасен миг — в ужасном гвалте
Ваш президент берет пенальти!
Быть может, кто-то скажет — поза?!
Нет! Это ловкость виртуоза!

Нафиты Куче

Леголер-эмпиреи, по знаку судьи выходи
На зеленое поле, как прежде простой
и веселый
Кожаный мяч, управляемый ловкой ногою,
Дружбы традиции пусть возродят с моряками
державы далекой!

Накамура-Бранчковска

Был парк прокизан лунным светом,
Благоухал розарий мой...
Ко мне явился за ответом
Король души моей больной...

Кафра Латтифудо

Честный гражданин, конечно,
Будет русских презирать
И по-прежнему, конечно,
Всё карбункулы копать!

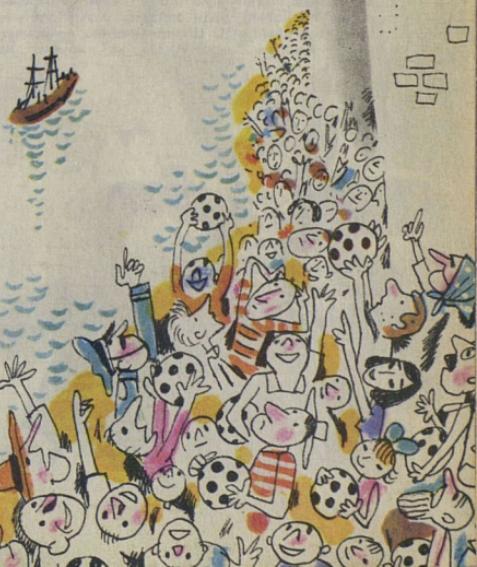

„СЧАСТЛИВАЯ ЛОПАТА“
(г. Стаман)

Куча жалких слизняков, вдохновляемая отпты-
ми мерзавцами и свиньями, под прикрытием лживо-
го и коварного булоножного братства с русскими
пиратами стремится разбить нашу родину и сделать
ее добычей иностранцев. К черту Европу, Америку,
Австралию, Антарктиду, Африку и Луну!

„ЗЕРКАЛО“ (Оук-Порт):
Хотелось бы призвать коллег
из „Счастливой лопаты“ к более
дженеральменским способам
полемики...

„УТРЕНИЙ РАЗГОВОР“
(Оук-Порт):

Гостеприимность, одна из
главных черт нации,
поставлена под сомнение

„ВЫСТРЕЛ“
(г. Стаман):

Полковник Бастардо Мизераблес
да Порк-и-Гусано заявляет:
„ЧЕЛЮСТИ НАЦИИ, ЗА РАБОТУ!“

Вечером того дня, когда был похищен Геннадий, уличные споры и стычки усилились. «Кроты», обычно не показывавшие носа в Оук-Порт, теперь заполнили улицы, бары, кафе. На причале возле «Алеши Поповича» волновалась большая толпа.

— Надо прощупать русских! — кричали «кроты».

Поговаривали, что каждый из них получил за свою хулиганские выходки по двадцать клуксов и по бутылке «Горного дубяка».

Ночью страсти не утихли, а напротив — разгорелись. Всю, носились по узким улочкам мотоциклы «кротов» со снятыми глушителями. На стенах крепости, отражающейся в черной воде, колыхались факелы. Никто из приглашенных не явился на грандиозно задуманный вечер «Вальс незнакомых цветов». Мадам Накамура-Бранчевская в одинчество скользила по парку, тревожно глядясь в темноту парка, принюювшись к розам и орхидеям.

Утром горожане стали находить в почтовых ящиках, на ступенях лестниц, на столиках кафе желтые листочки. Неизвестные провокаторы за ночь распространяли «Обращение капитана Рикошетникова к народу республики Большие Эмпиреи и Карбункулу».

«Вы, несчастные лежебоки, — гласило обращение, — набрасывали наглости вызвать нас на соревнование по футболу. На что же вы рассчитываете со своей черепашей медлительностью и ослиной тупостью? С презрением мы отвергаем ваш вызов, кроты и крабы! Капитан Рикошетников».

Оскорбленные горожане направились в порт. Напрасно Нафнути Куче, Рикко Силла, Токтомуран Джечкин и другие прогрессивные деятели пытались убедить их, что «обращение» — фальшивка. Простодушные, как дети, впервые столкнувшиеся с такой грязной игрой, они верили всему. Почти каждый горожанин таскал с собой футбольный мяч.

В порту горожане устроили перед советским кораблем неслыханное футбольное представление. Сотни мячей летали в воздухе. Все, от мала до велика, включая женщин, демонстрировали усомненным русским свое умение играть в футбол, технику обработки мяча, финты, обводку, пасы...

Рикошетников несколько раз пытался со спардека обратиться к народу, но его всякий раз встречали с вином. Как? Мы — медлительные черепахи, тупые осли? Мы не умеем играть в футбол? А вот — смотрите-ка!

Моряки и ученые мрачно взирали на футбольную вахханалию, охватившую город. Первый помощник Хрящиков проводил среди экипажа разъяснительную работу. Видавший виды Шлиер-Доверик почесывал в затылке. Капитан Рикошетников не выпускал изо рта трубки.

Надо ли говорить о том, как волновался капитан за судьбу своего юного друга? Конечно, можно заявить официальный протест, начать разыски через газеты, но не будет ли это стоить жизни его другу? Бандиты с Карбункула не дремлют, а эмпирецы... Эх, эмпирецы...

С горечью смотрел капитан на так легко обманутых горожан.

Час уходил за часом, а Геннадий все не появлялся. Между тем футбольные страсти стали затихать. Утомленные граждане кучками рассаживались на набережной и приступали к обеду. Собственно говоря, зла к капитану Рикошетникову они не испытывали. Показали, на что способны, и ладно. Они были неспособны долго злиться, эти чудаки-эмпирецы.

Вдруг с крепостных стен послышались крики. Около дюжины «кротов» разворачивали на площадке башни «Толстая Эльза» чугунное корабельное орудие, снятые еще в XVIII веке с поверженного «Белого Лебедя». Жерло дурацкой пушки поворачивалось в сторону «Алеши Поповича».

— Русские! Отдавайте швартовы!

В толпе на набережной начался ропот.

— Эх, кроты, вы это уже слишком!

— Оставьте в покое нашу пушку! «Кроты» не шутили. Один из них вкатил в орудие ядро, второго взялся за фитиль. Наступила тишина, в которой слышалась только хохот Володи Телескопова.

— Ой, умр! Ой, сейчас лопну!

Не понимал Владимир серьезности момента.

И вдруг на башне появилась гигантская обнаженная фигура Рикко Силла. Растоплен «кротов», великий легионер снял пушку с лафета и поднял ее на плечи. «Кроты», взывая от обиды, бросились на кумира нации. Рикко Силла с пушкой на плечах прыгнул с башни в воды бухты.

Что тут началось! «Кроты» стали прыгать за ним. Эмпирецы целями семьями тоже ринулись в воду. Рикко Силла, отдуваясь, плыл к берегу, спасая историческую ценность и собственную жизнь.

Вокруг в прозрачных водах кипела борьба. Гвалт стоял невообразимый. Кое-где в узких улочках затрещали автоматные очереди. И тогда на борт «Алеши Поповича» вбежал сенатор Нафнути Куче.

— Капитан, вы видите, что устроили эти негодяи? Выхода нет — вам нужно на два-три дня покинуть порт. Капитан, нам кажется, что на архипелаге действует мафия или что-то в этом роде. Патриоты начеку, капитан. Следы мальчика, как я и предполагал, ведут на Карбункул. Сегодня ночью мы высадимся на острове.

Вот при каких обстоятельствах капитан Рикошетникову пришлось выйти из гавани Оук-Порта.

ГЛАВА IX

В КОТОРОЙ В ПЕРВЫЕ
КАК СРЕДСТВО СВЯЗИ
ПОЯВЛЯЕТСЯ УЛЬТРАЗВУК
И СЛЫШАТСЯ ЗВУКИ
НОЧНОГО ОУК-ПОРТА

Часовой с юго-западной сторожевой вышки острова Карбункул, осмотрев пролив и не заметив ничего подозрительного, опустил бинокль.

Широкая лунная дорога пересекла пролив. Маленькие волны беспорядочно плясали в лунной полосе, и в этом

мельканием тени и света даже самый зоркий взгляд не заметил бы крохотной черной точки — головы одинокого плюзца.

Геннадий Стратофонтов, мурко дыша, плыл вольным стилем в сторону Оук-Порта. Движения его были точно рассчитаны на большой заплыv, а в голове царила сумятица: он все еще не мог прийти в себя от всего того, что ему довелось увидеть и услышать немногим более часа назад.

Около девяти часов вечера мадам и полковник куда-то исчезли. Доллис потихоньку Геннадия в спорзал играть в пинг-понг. Мальчик нервничал, играл плохо. Сославшись на усталость, он ушел в отведенную для него комнату.

Стеклянная дверь комнаты выходила на длинную крытую галерею. По галерее этой взад и вперед прогуливался дюжий слуга. В тишине мерно постукивали кованые каблуки. Всякий раз, проходя мимо двери, слуга как бы ненароком заглядывал в комнату. Сомнений не было — это часовей, и он приставлен к нему, к Геннадию.

Около часа мальчик лежал в темноте, притворяясь спящим, глядя на висящую на стене фехтовальная маску и скрещенные рапиры. Надо было действовать, надо узнать, что произошло в Оук-Порте.

Дождливый, когда шаги соглядатая удалились в конец галереи, Геннадий вскочил с кровати, сорвал со стены маску, положил ее на подушку и прикрыл простины. Под одеялом он засунул два фехтовальных жилета, придал им форму человеческого тела и нырнул под кровать. Слуга возвращался. Он заглянул в комнату и спокойно пошел дальше.

Геннадий выскоцил на дверь.

Пробежав по мягкому ковру через весь коридор, он вошел в темную комнату, открыто окно. Во внутреннем дворе виллы было пустынно. Только под аркой двое парней играли в кости.

Тяжелые ветки ливанского кедра были совсем рядом. Геннадий из окна перелез на кедр... и в этот момент услышал нарастающий шум моторов. Парни под аркой вскочили, один из них отворил ворота, и через минуту во внутренний двор ворвались на полной скорости две машины: низкий двухместный «феррари» и затянутый брезентом джип.

Из «феррари» вылез полковник Мизераблес, а с места водителя выскоцила Накамура-Бранчковская. Она была в кожаной куртке и кожаных брюках и напоминала в этот момент какое-то сильное животное с пружинистой легкой поступью. Не оглядываясь, она вошла в дом. Полковник, посвистывая, двинулся вслед за ней. Он слегка спотыкался. Из джипа вывалились Латтифудо, Мамис и какой-то неизвестный Геннадию тип в широкополой шляпе.

Прошла минута, не больше, и осветилось окно перед его носом. Он увидел богато обставленный кабинет, огромный письменный стол с телефонами и селекторами, круглый стол для заседаний, кожаные кресла, карты на стенах и большую модель парусного брига с медными буквами на корме: «Голубка».

«Так, кажется, назывался флагманский корабль мадам де Клиссон», — вспомнил Гена.

Над всем в кабинете доминировал огромный портрет баронессы. Она была очень похожа на Накамура-Бранчковскую, в левой руке держала подзорную трубу, в правой — четки.

Накамура-Бранчковская нервно ходила взад-вперед по кабинету, сжимая в руках длинные кожаные перчатки. Лицо ее было неузнаваемым — напряженное, мрачное, решительное.

Бастардо Мизераблес развалился в кресле и сразу наполнил стакан джином «Палата лордов». Меланхолически прошелепал и бухнулся в кресло грузный Латтифудо. Голубоглазый уточконосый мистер Кингсли Б. Мамис со своей неизменной блуждающей улыбкой проследовал в угол и скрылся из поля зрения Геннадия. Четвертый, странный тип с тяжелой челюстью и раскосыми

глазами, сел к столу, открыл папку и погрузился в какие-то бумаги. Воцарилось молчание, слышны были только шаги Накамура-Бранчковской.

Внезапно мадам резко повернулась с своими длинными перчатками, словно плеткой, отрезала по физиономии сначала кавалера ордена «Счастливой Лопаты», а потом Латтифудо.

«Таких, мадам!» — чуть не воскликнул Геннадий. Надежно скрытый хвост кедра, он прятался возле полуоткрытого окна, готовясь в любую минуту прийти на помощь своей любезной хозяйке.

— Это за что же, дорогая? — спросил полковник, потирая обожженную ударом щеку.

— За идею с пушкой! — криво улыбаясь, проговорила дама. — А тебе, Латтифудо, ничтожество, простиравшее чучело, за общую тупость, за всю твою бездарную вину с этим маленьским англичанином аристократом! Мальчик сразу догадался, что ты связана с делом «ван-Дейка». Вот что значит голубая кровь! Мне едва удалось его разубедить. Сотни плетей ты заслуживаешь, кретин.

Латтифудо беспомощно моргал белесыми ресницами.

— Впрочем, тебе уже ничего не поможет, — махнула на него рука мадам. Она повернулась, и Геннадий увидел дрожащие от ярости пунцовевые губы и горящие глаза.

— Видите, Мамис, с кем приходится работать?! — крикнула она в угол. Оттуда послышался смешок.

— С такими, как вы, нетрудно провалить все дела! — почти мужским голосом звонила мадам на полковника и Латтифудо.

Она села в кресло, опорожнила стакан джина, закурила сигарету и задумалась. Несколько минут прошло в молчании.

— Все-таки ты зря так, дорогая, — пробормотал полковник. — Русские-то все же убрались, наша взяла...

— Молчи! — прикрикнула на него Накамура-Бранчковска, — нужно собирать команду в Европе. Человек сто, я думаю, будет достаточно.

— Сто пятьдесят, — послышалось из угла.

— Отвечаете за свои слова, Мамис! — спросила дама. — Ребята из Европы нынче стоят недешево...

— Иес, мэм, отвечаю.

Мадам в первый раз удовлетворенно улыбнулась.

— Итак, внимание, — хлопнула она ладонью по столу. — Немедленно наладьте связь с Эр Би. Пусть начинает набор. В Европу полетите вы, Джерри Чанг, — тот молча кивнул. — В городе сохранять прежнее положение. «Голубка» проследит движение «Алеши Поповича». Ясно? Выметайтесь!

Полковник быстро выхлебал свой джин и поднялся. За ним проследовали Латтифудо и Джерри Чанг. Мамис из своего угла и остановился возле карты архипелага.

— Я должен вам, мадам, сообщить решение моего правительства, — палец его полез вверх по загогулине эмпирейской заплаты. — Полигоны будут устроены на атоллах Фухс и Фео. Там наши ракетчики будут чувствовать себя вполне уютно. Одну из гаваней Оук-Порта отадите под ремонтную базу для флота. На Карбункуле будет аэропорт. Возражений у вас нет?

— Ну, а что касается моих дел? — спросила Накамура-Бранчковска. — Сомнения в моем происхождении и наследственном праве, надеюсь, отпали?

Мамис, склонившись, некоторое время исподлобья смотрел на даму, потом проговорил:

— Все ваши условия приняты, ваше величество.

— В том числе наши отношения с «Анакондой»?

— От «Анаконды» осталась только шкура, мадам. После перехода «Ван-Дейка»...

— Ошибаетесь! — повысился голос Накамура-Бранчковска. — Они охотятся за моими агентами и грузом по всему миру.

— Сводите ваши счеты сами, — махнул рукой Мамис. Накамура-Бранчковска улыбнулась.

— Вы знаете, Мамис, мне кажется, мы что-то упустили в деле с этим русским научным кораблем. Можно было бы что-нибудь придумать похлеще... Впрочем, может быть, сейчас еще и не время... Прилетят Эр Би, и мы решим вместе... Эр Би — не то что этот тюфяк Фук...

— А во мне вы еще не разочаровались, мадам? — вежливо спросил Мамис.

— Пока нет, — засмеялась легко и звонко Накамура-Бранчковска.

Они вышли из кабинета. Свет погас.

Лунные капли слетали с ладоней плывущего Геннадия. «Так вот кто ты такая! Женщина-чудовище, главарь огромной банды, пиратка, авантюристка! Какую судьбу ты уготовила этим мирным людям, наивным легоперам! Только бы мне добраться до берега! Только бы мне добраться! Может быть, удастся найти того толстяка-сенатора, что возражал Мизераблесу, или самого президента Джекинса! Только бы добраться!»

Уже несколько раз Геннадию казалось, что мышцы правой ноги на грани судороги. Усилием воли он отогнал страх и продолжал плыть вперед. И только проплыл третью расстояния, он вдруг с отчетливой ясностью понял, что переоценил свои силы. Никогда ему не пересечь этот проклятый пролив. Повернуть обратно? Нет, ни за что. Вперед! Вперед — куда? Там впереди — конец! Что это мелькает под луной? Плавник акулы!

Правая нога одеревенела в согнутом положении. Дыхание сбило. Геннадий задохнулся, хлебнул воды, беспомощно забарахтался на одном месте. Прощайтесь! Мадам, бабушка, папа, Наташа Вертохрова, Валерка Брюкин, улица Рубинштейна, Ленинград, «Алеши Попович», прощайтесь! Расплылись и потекли в бесконечность оранжевые круги...

— Спасите! — не помня себя закричал по-русски мальчик.

— Держись, — услышал он совсем рядом странный спокойный голос. Сильное большое тело вытолкнуло мальчика на поверхность. Глотнув воздуха, он открыл глаза и увидел рядом глубоко сидящий глаз, кроткий лоб и лукавый рот дельфина.

— Держись за плавник, мальчик, — сказал дельфин. — Не трухай. Все будет тип-топ. Еще не вечер.

Он говорил на странной смеси русского и американского жаргонного языка, и звук его голоса был странен, и сам он был невероятен.

Схватившись за спинной плавник, Гена лег на спину дельфина и обхватил ногами веретенообразное тело.

— Сейчас я тебя с ветерком доставлю куда надо, — сказал дельфин. — В Оук-Порт, что ли?

С ходу он развел сумасшедшую скорость, которая и не снилась самым современным торпедным катерам.

— Кто вы такой? — крикнул Геннадий, оправившись от изумления.

— Я дезертир, — ответил его спаситель. — Дезертир из армии Соединенных Штатов Америки. — Он помолчал и добавил: — Чаби Чаккерс, сэр. Бывший сержант Чаби Чаккерс, учетный номер 007895671138.

— Это невероятно, — прошептал мальчик.

— Чего невероятного? — сказал дельфин. — Условия предлагались хорошие, рыбы — налево, ешь не хочу, полсотни долларов в неделю жалованье. Научился по-человеческому балакать. А потом разные подонки стали учить, наше подразделение всяkim мерзким штучкам — корабли взрывать, мины ставить... Чаби, сказал я себе, тут дело нечисто. Не хочу людям пакости делать, и вообще я против войны. Сменил с собой двух корешей и драпанул. Теперь, если поймают, пожизненная каторга. Только шишк поймают...

— Вы говорите по-английски и по-русски, Чаби?

— В частях специального назначения еще и не тому научились, — фыркнул дельфин. — А ты русский? Небось с «Алеши Поповичем»?

— Меня зовут Геннадий.

— Очень приятно познакомиться. С этими словами Чаби обогнул волнорез и на малой скорости заскользил по темной воде бок-портовской бухты. Он доставил Геннадия прямо к гранитным ступенькам лестницы, уходящей в воду, и сказал на проницание:

— В случае чего, крикни: «Чаби!» — и я подгребу мимо. Я тут месяца на три застрял, не меньше. Жениться собираюсь. Make love not war!

— А как вас зовут по-дельфинину, Чаби? — поинтересовался Геннадий.

Любознательность моего героя не знала границ.

— Все равно не услышишь, — усмехнулся дельфин и пожаловал: — Ультразвук.

Он открыл рот, и до Геннадия откуда-то издалека, как будто из космоса, донеслось что-то вроде:

— Ооооооинининээээээ...

— Ооооооинининэээээ! — переспросил мальчик.

— У, ты даешь, Гена! Услышал! Теперь мы с тобой кореши. Покай!

Он вильнул хвостом и ушел в глубину. Геннадий поднялся по ступенькам и спрятался за чучесным львом с кольцом в пасти.

Овещенная луной площадь была пуста, только в центре ее висела зеленевшая бронзовая фигура в треугольке. Поблескивали под луной немые окна старин-

ных домов. Двери амбаров и магазинов были закрыты. Геннадий быстрым, но спокойным шагом пересек площадь, скрываясь в тени длинной колоннады. Здесь он снял рубашку и вышел ее. Он взялся было уже и за штаны, когда услышал звон гитары и молодые голоса. На площадь из таинственного мрака боковой улички вышли три парня и две девушки. Красивые, ладные фигуры, ленивая походка — типичные эмпирейцы, беспечные, как птицы.

Под сосной Монтезумы
Танцевали две пумы...

— Эй, прекратить пенье! — послышался грубый голос, и на площадь вышли четверо квадратных парног с кабинами.

— С каких это пор в Оук-Порте нельзя петь? — крикнул гитарист.

— Марш по домам! — рявкнули квадраты.

— Катитесь, кроты, в свои ямы! — захочаты эмпирейцы.

Геннадий пробежал под колоннадой и нырнул в узкую уличку, из которой только что вышли «кроты». Некоторое время он еще слышал шум перебранки, потом все затихло.

Больше часу Геннадий наугад петлял по извилистым уличкам, поднимался по мраморным лестницам, прятался от скульптурами. Иногда он видел кости, взор которых суптились мрачные типы, замечая на стенах желтые листочки со зловещими узорами.

И, несмотря на тревожное, опасное положение, Геннадий с его отзычивой и впечатлительной натурой не мог не податься очарованию ночного Оук-Порта. Таинственная игра теней на мраморных плитах и барельефах, на витражах и мозаиках, тихая разноголосица листьев, все звуки ночи, то глухие, то неожиданно звонкие, надолго, может быть, на всю жизнь, пленили мальчика.

На одном из старых домов, возле подъезда со скрипящей на слабых петлях дверью, Геннадий вдруг увидел мемориальную доску с полутортым золотым тиснением: «В этом доме часто останавливались русский писатель Александр Грин (по пути из Зурбагана в Гель-Гью), английский писатель Джонатан Свифт (из Лилипутки в Лапту), французский писатель Жюль Верн (из пушки на Луну)».

Едва он успел прочесть, эту поразившую его надпись, как дверь резко распахнулась и на пороге дома появился высокий худой незнакомец в старомодной крылатке песочного цвета и в широкополой шляпе.

— Вы ищете друзей? — спросил незнакомец Геннадия, мягко — глазами — улыбаясь.

Мальчик молча кивнул.

— Пойдемте со мной, — сказал незнакомец и дви-

нулся вдоль витой чугунной решетки, за которой тренировал фонтанчик.

Шаги незнакомца были легки, трость мурно постукивала по мостовой. У него был вид спокойного, чуть грустного, но и не лишенного юмора человека, который никогда никуда не спешит, но никуда никогда не опаздывает. Легкий бриз шевелил его длинные седые волосы. За ухом незнакомца Геннадий заметил очищенное гусиное перо.

Возле круглой афишной тумбы он остановился.

— Поворачивайтесь за угол. Сюда, — он показал палькой. — Пройдите спокойно и не таясь три дома, увидите освещенное окно на третьем этаже. Можно подняться по лестнице, но вы, конечно, предпочтете водосточную трубу.

— А вы? — тихо спросил Геннадий. Ему почему-то не очень хотелось расставаться с этим любезным незнакомцем.

— К сожалению, дружище, у меня свои дела, — улыбнулся тот, приподнял шляпу и пошел по круглой уличке вниз, к морю, в прозрачную, словно пронизанную серебряной сетью, темноту. Геннадий смотрел ему вслед, пока тот не исчез.

Он повернулся за угол в уличку, косо разделенную луной на темную и светлую части. Чувствуя полное доверие к незнакомцу, он пошел, не таясь, по освещенной стороне, взобрался на балкон по водосточной трубе и увидел перед собой обширную, ярко освещенную комнату, заполненную атлетически сложенными мужчинаами.

ГЛАВА X

В КОТОРОЙ НА ЗЕМЛЕ
И В ВОЗДУХЕ
РЕВУТ МОТОРЫ
СИСТЕМЫ «РОЛЛС-РОЙС»,
ЗВУЧАТ ДИФИРАМБЫ
И КЛЯТВЫ В ВЕРНОСТИ

Гигантский «боинг-747» компании «Пан-Ам», миновав воздушные пространства Южной Америки, Океании, Юго-Восточной Азии, Индии и Ближнего Востока, летел теперь над Европой.

Командир экипажа Бенджамин Ф. Аллигейтер брался и смотрел вниз на проплывающие малые страны, на мо-

ложные реки и кисельные берега густонаселенного континента. Б. Ф. Аллигейтеру не особенно нравилось это дрожащее желе неопределенного цвета, именуемое Европой.

Он больше любил красноватое свечение Сахары, темно-зеленые с коричневыми прожилками колер Индии, чередование белых и темных пятен разной глубины и резкости в Гималаях и Кордильерах. Больше же всего мистер Аллигейтеру был по душе простой, без всяких хитростей, синий цвет стратосферы, под которой он во-дил свое судно.

Вошла стюардесса гаваянка Омара.

— Как там дела, Омара? — спросил командр, хотя и так знал, что все в порядке, что пассажиры первого класса, надрывая животики, смотрят фильм «Живые только дважды», а пассажиры второго класса скорее всего дрыхнут.

— Всю хочет видеть какой-то господин, — сказала Омара. — Он назывался Румпельштильцхеном.

— Пусть вйдет, — сказал командр, ничем не выдав своего удивления. Что занесло сюда старого Румпеля? Не будет он по пустякам совершать межконтинентальные рейсы.

Вошел ложился полноватый господинчик, инспектор могущественного Интерпола, международной уголовной полиции.

Аллигейтер и Румпельштильцхен встречались не чаще одного раза в год, а знали друг друга давно: ведь бравый летчик вот уже много лет считался одной из самых опытных ищеск Интерпола.

— Привет, Бен.

— Привет, Румпель.

— Стареешь, Бен. Не заметил меня.

— Где ты сел?

— В Бангкоке, но наши ребята провожают тебя еще с Монтевидео. Руководство опасалось за твою колымагу, Бен.

— Даже так?

— Ты слышал о нападении на теплоход «Ван-Дейк»? Здесь в самолете типы из той же компании.

— Героин?

— И золото.

— Через час тридцать пять минут будет Лондон, — сказал Аллигейтер.

— Слава богу, — вздохнул Румпельштильцхен. — Надеюсь, теперь они уже не поднимут буки. У наших судороги начинаются от напряжения. Слушай, Бен, пройдись-ка не спеша по своей колымаге. Может быть, что-нибудь заметишь.

— Сейчас, добреюсь...

Пока электротрибита очищала правую щеку капитана, моновали Австрию. Аллигейтер подтянул галстук, нацепил профессионально-приветливую улыбку и вошел в салон.

Так и есть. В первом классе пассажиры кисли от смены. На экране Шон Коннори молотил бронзовым статуэткой по голове гиганта-борца «смю». Кто из этих выловленных богатеев может оказаться гангстером? Да любой.

Командир прошел в салон второго класса. Больше сотни людей самых разных наций томились в креслах. Все уже устали от столь долгого полета. Спортсмены, туристы, монахи, бизнесмены средней руки, компания «хиппи»... Вот, пожалуй, один подозрительный тип — узкоглазый, с тяжелой челюстью... Что-то почти неуловимое в облике сближает его с теми холоднокровными гадами, с которыми жизнь не раз сталкивала Б. Ф. Аллигейтера. Но рядом с ним сидит какой-то славный малчишка, лобастый ясноглазый крепыш, и они мирно бедуют. Вряд ли этот паренек из мафии...

Командир пошел через весь салон и остановился в багажном отделении. Туда же скользнул старший стюард Карриген, похожий на дрессированного павиана.

— Кажется, все в порядке, чиф? — сказал он, широко улыбаясь.

Командир заглянул в рыхкие глаза своего старшего стюарда. Вот самая темная личность на борту. Кто он — агент Интерпола, гангстер, человек ЦРУ, контрабандист? Черт бы побрал этот шпионский, шпионский, шпионский мир!

— То ли дело простой голубой цвет стратосферы.

— Все в порядке, Карриген, — буркнул командр.

Между тем «лобастый ясноглазый крепыш» (читатель, конечно, уже догадался, кто это) обратился к своему спутнику:

— Я, пожалуй, сощу часок перед прилетом, мистер Чанг.

— Не возражаю, Джин, — ответил спутник и вдруг подмигнул обомбами глазами, передернул неподвижную маску своего лица. — А сколько миллиончиков в сундуке у твоей бабки, Джинни-бой?

Эта странная судорожная ухмылка и шутка, которую Джерри Чанг повторил, по меньшей мере, раз пятьдесят за многочасовой полет, вконец опровергли Геннадию. Однако он вежливо в пятнадцатый раз ответил:

— Я не посвящен в финансовые дела своей бабушки, мистер Чанг.

Он закрыл глаза и вновь, в который раз, перед ним закружились события последних суток, лунные пята и солнечный блеск Большых Эмпиреев.

... За балконной дверью он увидел толстого сенатора, президента, Рикко Силлу и других атлетов. Массируя мышцы и хохоча, они куда-то собирались, осматривали свое оружие — абордажные сабли, кремневые пистолеты, пики. Мальчики распахнули дверь. Легоперы уставились на него.

— Да ведь это же он! — восхликал сенатор Куче. — Потомок нашего памятника!

... Легоперы, не проронив ни слова, выслушали рассказ мальчика.

— Теперь они набирают какую-то команду в Европе. Это будет делать некий Эр Би... — сказал Гена.

— Уж не тот ли это тип, который в здешних кабаках выдавал себя за потомка Рокера Буги? Его немало били у нас... — проговорил сенатор.

— Я лично его бил, — сказал Рикко Силла.

— Вы понимаете, друзья, как важно было бы проникнуть в эту команду? — сказал Геннадий. — Мы узнали бы планы ногдеев и разрушили бы их.

— И сыграли бы, наконец, матч с «Алешей Поповичем», — важно сказал президент.

— Леди и джентльмены, внимание, — послышался нежный голос стюардессы. — Просим прекратить курение и пристегнуть ремни. Через пятнадцать минут наш самолет произведет посадку в Лондонском аэропорту.

Геннадий заглянул в уже потемневшее окно. Внизу до самого горизонта извились, пересекаясь, цепочки оранжевых бестеневых фонеарей. Самолет кружил вокруг Лондона, дожидаясь очереди на посадку.

... Немыслимо дерзкая мысль лететь в Лондон вместе с Джерри Чангом пришла Геннадию в голову не сразу. Несколько дней он жил на вилле Накамура-Бранчковской, играл в теннис с Доллис, мило беседовал с хозяйкой, а ночью тайно спускался к проливу и условным свистком вызывал верного Чаби. За эти дни он узнал многое, но главное открылось ему только в предпоследний день. Из разговора подвыпивших Мизераблеса и Латтифудо он понял, о каких «парнях из Европы» говорила мадам в ту памятную ночь. Это были не кто иные, как белые наемники, «крыцарии» Конго, Иемена, Нигерии, современные ландскнехты, мастера войны, способные за «приличное вознаграждение» стрелять в любую сторону, куда покажут. Именно из этих профессиональных убийц набирал в Лондоне команду неизвестный Эр Би. Попытаться проникнуть в эту команду, узнать их двояковысокие планы? Как это сделать? Нужно лететь в Лондон вместе с Джерри Чангом.

— Мадам, — сказал он как-то Накамура-Бранчковской, — к сожалению, я вынужден покинуть ваш дом. Могу ли я позовинить в Лондон, чтобы попросить у бабушки денег на билет?

— О, Джин! — всплеснула руками очаровательная дама. — Как вы можете говорить о деньгах?! Мы с вами люди одного круга, мой мальчик. Нам ли не помогать друг другу! Как раз завтра вылетает в Зурбаган, а оттуда в Лондон служащий моей фирмы мистер Чант. Вы сможете лететь с ним, я дам соответствующие указания. Ах, Джин, — Накамура-Бранчковска притронулась к его руке и вздохнула, — поверьте, мне нелегко расставаться с вами, но я надеюсь скоро быть в Лондоне, и, может быть, леди Леконсфильд... — голос дамы слегка дрогнул.

— Бабушка будет рада принять вас у себя, — сказал Геннадий. — Она и ее брат...

— Сэр Ламюэль Кроссли-Датчмен? — округлила глаза Накамура-Бранчковска. — Тот самый, внучка которого Сьюзен в прошлом году порвала с Ирвингом Диблатом, девятым баронетом...

— Да-да, — небрежно подхватил Геннадий, — с тем самым Ирвингом по кличке Памфи, который приходится кузеном баронессе Шампунь-Собакиной, той, что в сентябре прошлого года в родовом поместье «Иелоу-Кэтс-Хаус» обзавилась о помолвке с гонщиком графом Хидеркутта, братом и хорошим товарищем известного своим кононшами виконта Бромтура из Гольденберга, отец которого магарадж Аджадараг из этой весной купил остров Сили-Иллис у его матери княжны Патриции Уайт-Торадзе, корни которой, как вам, конечно, известно, мадам, уходят к славному роду Паддингтон-Сен-Лазар-Савеловскому...

— О, да, о, да... — еле слышно прошептала Накамура-Бранчковска. Со священным трепетом смотрела она на юного аристократа. На ее щеках пыпал нервический румянец.

Геннадий давно уже заметил, что эта страшная женщина со стальными нервами и холодной кровью совершенно теряла голову перед аристократическими именами и титулами. Ей так хотелось войти в тот круг бездельников и хлыщей, что называется «высшим светом»! Не лишенный воображения мальчик болтал, что в голову придет, о своих «светских» связях, и мадам в такие минуты смотрела на него, как кролик на удава...

«Как проникнуть в логово наемных солдат?» — думал Геннадий, идя по стеклянному коридору Лондонского аэропорта рядом с мистером Чантом, движения которого отличались какими-то особым механическим свойством. Он казался плохо отлаженным роботом.

В последнюю ночь на Большых Эмпиреях сенатор Куче, Рикко Силя и президент Джеккинс дали мальчику множество советов, как вести себя. Рикко Силя раздобыл где-то толстенный путеводитель. Геннадий изучил

его от корки до корки, и ему казалось, что он может с закрытыми глазами пройти от Паддингтонского, к примеру, вокзала до Белграйв-сквера, где жила его «бабушка» леди Леконсфильд.

Сейчас он шагал в толпе пассажиров, внешне спокойный, держа под мышкой портфель с эмпирейскими сувенирами.

— Ну, Джин, где твоя золотая бабушка? — проскрипел мистер Чант, бурав глазами толпу встречающих.

— Меня никто не встречает, мистер Чант. Я решил не беспокоить бабушку телеграммой.

— Как же ты доберешься?

— Ну... — Геннадий искоса взглянул на Чанга, — хотя бы на такси, или... вы меня подвезете, мистер Чант... Веди вас встречают?

— Мальчик с вами? — спросил у Чанга полицейский чиновник, сидящий на высоком табурете у турнекета, за которым начиналась территория Великобритании.

— Да, мальчик со мной.

Чанг и Геннадий прошли через турнекет. Чанг махнул кому-то рукой, осклабился с какой-то подобострастной наглостью. Геннадий повернулся и увидел не кого иного, как полковника Бастардо Мизераблеса да Порк-и-Гусано. Да, это был несомненно он — бананообразный нос, гусеницы бровей, подбородок утюгом... но что-то в нем изменилось — исчезла тупая мрачность из глаз, а со щек пропали синие алкогольные пачки. Мизераблес был подтянут, гладок, элегантен, на губах его блуждала улыбка, полная добродушно-коварного юмора, столь свойственного властным натурям.

— Полковник, каким образом вы смогли опередить нас? — воскликнул Геннадий.

— Мистер Страйтфond? — усмехнулся встречающий. — Очень рад. Мадам сообщила мне о вас. Должен вас огорчить, мистер Страйтфond, перед вами всего лишь брат блестящего полковника, зеркальная копия кавалера ордена Счастливой Лопаты. Я лишь скромный коммерсант. Ричард Буги, к вашим услугам.

— Ричард Буги? — вскричал с неподдельным изумлением Геннадий. — Уж не

потомок ли вы, сэр, знаменитого адмирала Рокера

Буги?

В глазах Эр Би (теперь Геннадий понял, что это такой) появилась заинтересованность.

— Приятно удивлен, мой мальчик, что вы хотя бы слышали это имя. Соотечественники редко ценят своих истинных героев. Слава часто достается дутым фигурам.

— Сыпало это имя! — воскликнул с горячностью Геннадий. — Да ведь это мой кумир, сэр! Я преклоняюсь перед памятью адмирала Буги. Но почему ваш брат, сэр, носит другое имя?

Ричард Буги снисходительно усмехнулся.

— Фук всегда испытывал тягу к пышным титулам и именам...

— Разве может быть имя прекраснее имени Буги! — вскричал Геннадий. Он продолжал разыгрывать восторженность. — Да ведь я отдалолжен за это имя!

Тяжелая рука с перстнем опустилась на плечо мальчика, клавиатура челюстей обнажилась в довольной улыбке, низкий голос прогудел:

— О'кей, мальчик!

Чанг занялся оформлением своего багажа, кованых сундуков с перьями райских птиц и благовониями, а Геннадий и Ричард Буги медленно направились к выходу из здания аэропорта. Геннадий не умолкал ни на минуту. Он видел, что Ричарду Буги чрезвычайно приятно высматривать дифирамбы в адрес своего предка. Если бы знал потомок кровавого пирата, что рядом с ним идет прапрапраправнук капитана Стратофонта, пустившего на дно сумасшедшего императора Рокера I!

Они вышли на площадь, заполненную сотнями разномастных автомобилей и автобусов. Оттуда рекламы дрожали на лакированных крышах и стеклах машин. Гудки, крики, обрывки музыки, близкий вой авиамоторов... Зарево

Лондона освещало половину небосклона. Геннадию стало немногого не по себе. Что может сделать здесь он, один, в незнакомом огромном городе?

Ричард Буги остановился возле огромного черного «роллс-ройса».

— Вот моя тележка, — сказал он с плохо скрытой гордостью.

— Отличная машина, сэр, — похвалил Геннадий. — Очень похожа на автомобиль моего двоюродного дедушки Лемюэля Кросби-Датчмена.

— Верно, — подтвердил Буги. — С той лишь разницей, что я вожу ее сам. Мне нравится чувствовать свою власть над этой большой штукой.

— Понимаю, сэр, — кивнул Геннадий. — Что может быть приятнее для настоящего мужчины, чем чувство власти?

Буги захохотал:

— Эге, паренек, я вижу, ты не так прост.

Подошел Чанг и проскрипил:

— С багажом все в порядке, Дик.

После этого он вдруг перешел на карбункульское наречие эмпирейского языка. Геннадий, делая вид, что осматривает машину, насторожился.

— Слушай, Дик, ты знаешь, сколько миллиончиков в сундуке у бабки этого щенка?

— Думаю, не мало, — буркнул Буги. — А тебе-то какое дело?

— Есть идея, Дик. Давай-ка спрячем мальчишку в твоей берлоге, а бабку пошлем письмо от двух доброжелателей. Можно огrestи по сотне тысяч.

Сердце Геннадия заколотилось. Браво, Чанг! Пробраться в берлогу Эр Би — это уже удача! Впрочем, бабушка может проговориться, что он русский... Страшный риск, но без риска...

Ричард Буги печально вздохнул.

— Эх, Джерри Чанг... Как ты былмелкой шпаной из Коулун-сити, так и остался. Ни размаха в тебе, ни воображения...

Он повернулся к Геннадию и приподнял шляпу.

— К сожалению, мистер Страйтфond, мы вынуждены сейчас с вами проститься. Вам нужно в центр города по Большому Юго-Западному, Белгрейв-сквер, 12, не так ли? А мы, — он бесцеремонно ткнул Чанга пальцем в живот, — направимся в противоположную сторону по Хиллингдон-роуд. Прощу меня простить, Джин. Здесь мас-са такси и вы легко...

— Неужели мы больше не увидимся, мистер Буги? Сэр! — воскликнул Геннадий. — Мне хотелось бы еще поговорить с вами о вашем славном предке. Может быть, вы дадите мне телефон или адрес?

— Обязательно увидимся, — Буги протянул руку. — Я позвоню вам сам.

Геннадию ничего не оставалось, как направиться к стоянке такси.

Возле стоянки он оглянулся. Буги и Чанг распоряжались погрузкой в «роллс-ройс» кованых сундуков с перьями.

— Выезжай из ряда, — услышал он за спиной знакомый голос. — Главное, не прозевать, когда они тронутся с места.

Он обернулся и увидел, что из ближайшего такси за Буги и Чангом напряженно следят суженные глаза старшего стюарда самолета «Пан-Ам». Рядом с ним сидел еще какой-то мужчина, но лица его в темноте не было видно.

Огромный желто-красный автобус с надписью на боку «Польский бекон» — лучший в мире медленно въехал в коридорчик между стоянкой такси и машиной Буги. Геннадий мгновенно принял решение. Он юркнул за автобус, подбежал к «роллс-ройсу» и быстро проговорил:

— Мистер Буги, там против вас затевается что-то нехорошее.

Словно испуганный хищник, Буги отпрыгнул в сторону и мгновенно сунул руку за пазуху.

— Что? Что ты говоришь?

— Там... трое в такси... хотят вас преследовать, — сказал Геннадий.

— Анаконда! — взвизгнул несмазанными шестеренками Чанг.

— Молчать! Быстро в машину! — скомандовал Буги. Он всрочился за руль. Чанг обежал «роллс-ройс» с другой стороны. Несекунды не раздумывая, Геннадий открыл заднюю дверь и упал на пол автомобиля.

Геннадий не знал, видел ли Буги с Чангом, как он прыгнул в «роллс-ройс». Лежа на полу, он не слышал ни одного из слов: переднее сиденье было отделено от заднего перегородкой из толстого стекла. Он чувствовал, что «роллс-ройс» идет на сумасшедшей скорости, не меньше 150 километров в час. Следовательно, они едут в сторону от Лондона, по большому городу так

не поедешь. Оторвались ли они от погони? Во всяком случае, дело принимало неплохой оборот. «Решил быть с вами до конца, мистер Буги, — скажет он. — Спина к спине у мачты, сэр...»

Скорость вдруг резко упала. Машина сделала поворот и поехала по боковой дороге. Блики большой автострады перестали мелькать по стеклам. Машина остановилась, открылась передняя дверь, голос Буги прогудел:

— Слышишь, Чанг? Они проскочили мимо. Сейчас мы смоемся, а потом расплатимся с ними.

Он захлопнул дверь, развернулся машину и поехал назад к автостраде. Перед выездом был небольшой подъем. Буги включил вторую передачу, и вдруг машина дернулась, взревел мотор.

Почувствовало неудобство, Геннадий поднял голову и увидел, что передний отсек «роллс-ройса» наполнился голубоватым светящимся дымом, в котором, словно призрачные, бились Буги и Чанг. Судороги продолжались несколько мгновений, потом Буги и Чанг уронили головы. Геннадий увидел двух подбегающих мужчин в странных масках. В руках одного из них было короткое ружье с широким, будто бы стеклянным стволом. Второй распахнул дверку машины, нажал на тормоз, выключил зажигание. Светящийся газ мгновенно испарился. Нападавшие сняли маски, деловито приступили к обыску бесчувственных Буги и Чанга. Геннадий заметил, что широкоствольное оружие лежит рядом с машиной на асфальте. Он выскоцил из машины, схватил ружье и, увидев изумленные физиономии старшего стюарда и его дружка, нажал спусковой крючок. Мелькнул узенький язычок огня, «роллс-ройс» вновь наполнился голубым дымом. Геннадий бросился прочь и упал в кювет, — носом в мокрую траву.

Когда потомок великого императора Рокера Первого очнулся, он увидел над собой ясные доброжелательные глаза Джина Страйтфона.

— Что произошло? — заплетающимся языком пробормотал Буги.

— Все в порядке, сэр. Они связаны, — бодро ответил мальчик.

— Откуда ты взялся?

— Всегда с вами, сэр. До конца. Спина к спине у мачты.

Ричард Буги со стоном приподнялся, увидел связанных врагов, ищащего Чанга и расхохотался.

— Ей-ей, ты мне по душе, малый!

ГЛАВА XI

В КОТОРОЙ СЛЫШИТСЯ «ПЕСНЯ АВАНТЮРИСТКИ» И ЗВУЧАТ ГОЛОСА УМАЛИШЕННЫХ

После соревнований в Кракове (Польша) в жизни Наташи Вертопраховой произошло значительное событие: ее портрет в полный рост и с обручем был напечатан на обложке журнала «Смена». Неизбежное следствие таких публикаций — поток писем. Наташа даже и не представляла, как велик в нашей стране интерес к художественной гимнастике, этому эстетическому виду спорта. Ей писали школьники всех возрастов, юные и зрелые спортсмены, просто любители прекрасного, курсанты суворовских и нахимовских училищ... Большую часть свободного времени Наташа посвящала теперь разбору писем и ответам на них.

Была уже довольно глубокая ночь, когда она приступила к двадцать седьмому за этот день ответу. Она писала пожилому пенсионеру из города Тишинска, книгољубу и рыболову.

«Уважаемый Олег Михайлович! Вы интересуетесь моей жизнью, учебой и успехами в спорте. Вы не пропускаете ни одного соревнования по художественной гимнастике. Большое вам за это спасибо!»

Зазвонил телефон. Удивленная столь поздним звонком, Наташа сняла трубку и услышала усталый голос телефонистки:

— Вертопрахова? Поговорите с Лондоном.

Вслед за этим что-то щелкнуло, немного погудело, потом нечто затараторило на ста языках сразу, а потом в тишине женский голос сказал:

— Мисс Вертопрахова? Джаст уан момент, плиз!

«Неужели уже до Лондона докатилось, — подумала с некоторым волнением Наташа. — Неужели и в Лондоне заинтересовались художественной гимнастикой?»

И вдруг она услышала тихий и невероятно знакомый голос:

— Наташа, здравствуй. Это я, Гена.

— Кто? — закричала изумленная Наташа.

— Гена Стратофонта. Я звонил нашим, но никто не отвечал. Вероятно, все на даче. Тогда решил... к тебе...

— Откуда ты? Что за глупый розыгрыш? Тоже мне — Лондон, Лондон...

— Я действительно звоню из Лондона.

— Да ну тебя, Генка! Вечно ты что-нибудь выдумашь!

— Послушай, Наташа, — у Геннадия был такой серьезный голос, что Наташа сразу же забыла свое раздражение. — Слушай внимательно и передай все моей бабушке, Марии Спиридоновне. Я сейчас в Лондоне, куда прилетел с Больших Эмпиреев по очень важному делу. Скоро возвращаюсь на архипелаг. Пусть не волнуется. Подробности письмом. Это все. Запомнила?

— Да, — тихо проговорила Наташа. Она вдруг сквозь весь свой спортивно-популярный туман вспомнила, что Гена розовым невским вечером что-то лепетал об архипелаге Большие Эмпиреи, о каком-то судне, вообще какой-то вздор. Может быть, все это не такой уж и вздор? Сердце ее вдруг пронзила какая-то неясная тревога.

— Геня! — закричала вдруг она.

— Долли! — вдруг закричал он.

— Что такое? — поразилась она. — Как ты меня называл?

— Прости, Наташа! Как было в Кракове?

— Первый приз!

Внизу, в холле, леди Леконсфильд веселым старческим голосом пела романс лорда Биверлибрамса «Черные мысли, как муки, Винстон фонировал низким утробным воем.

Старая дама была счастлива. Ее юный спаситель, русский «хрустальный дельфинчик», был выше всякой критики. Он называл ее «граини» и часами вел с ней задушевные серьезные беседы. Она уже подумывала, не отчислить ли ему еще процентов пять из доли Винстона, хотя Геннадий вторично самым категорическим образом отказался от ее капиталов как человек, воспитанный в принципиально другом системе.

Во избежание случайностей Геннадию пришлось приоткрыть старой dame завесу тайны. Леди Леконсфильд еще со временем зубопротезной деятельности своего мужа научилась держать язык за зубами. Надо ли говорить о том, что она была потрясена мужеством и самоотверженностью своего «хрустального дельфинчика».

— О, Джини, ты рискуешь жизнью ради спасения столь малой народности! О, нет-нет, ты — святой! Не спорь, мой мальчик! Я вижу над тобой ореол святости!

Геннадий сдержанно обяснял ей вздорность всяких религиозных предрассудков, а также сказал, что на его месте любой советский пионер повел бы себя так же, ибо советскому пионеру не безразлична судьба как больших, так и малых наций.

Геннадия волновало то, что Ричард Буги вот уже двое суток не давал о себе знать. После столь чудесного спасения и пылкой клавы в верности мистер Буги доставил мальчика в Лондон, а сам укатил в неизвестном направлении, обещав в самое ближайшее время об явиться. Геннадию оставалось теперь только ждать. Он был уверен, что завоевал симпатии Буги и что рано или поздно ему удастся проникнуть в его логово. Но вот прошло уже два дня...

Часы на столе перед потрясенной Наташей Верто-праховой показывали 21.30, часы на столе перед озабоченным Геннадием Стратофонтовым показывали 18.30. Такова разница во времени между Ленинградом и Лондоном. Вдруг Геннадий услышал прямо под своим окном автомобильный сигнал, напоминавший первые такты из оперы Россини «Сорока-воровка».

Вот оно! Геннадий одним прыжком достиг окна, выглянул. Да, под окном в открытом двухместном вишневого цвета «Феррари» сидел, ухмыляясь в усы, мистер

Ричард Буги. Большшим пальцем правой руки он показывал Геннадию на свободное сиденье, а затем указательным поступал по часам — давай, мол, в темпе!

— Иес, сэр! — весело крикнул Геннадий и кубарем скатился вниз, в холл.

— Бабушка, за мной заехал один из эмпирейских друзей, — сказал он леди Леконсфильд. — Вы понимаете?

Старая леди ахнула, встала из-за fortepiano и попыталась вооружить Гену огромным ржавым револьвером времен англо-бурской войны. С чувством глубокой признательности малчик отказался от этого предмета, так же как и от арбалета эпохи Столетней войны, и от кельтского меча времен вторжения норманнов.

Он выскочил из дома и с ходу прыгнул на кожаное сидение «Феррари», пожал каменную ладонь своего нового «друга».

— Ну, аристократишко, — улыбнулся Буги. — Сегодня ты увидишь много интересного. Ничему не удивляйся, парень.

Возле южной границы квартала Сохо, в одной из узких уочек, над маленькой дверью висит ржавая вывеска «Мешок гвоздей». Многие десятилетия это была ничем не примечательная пивница.

И вдруг в последний год возле «Мешка гвоздей» стала все чаще останавливаться шикарные «гугары» и «бентли». Элегантные дамы и господа спускались по полуостертым ступенькам в подвал, в кисло пахнущий сводчатый зал, чтобы послушать новую разгорающуюся звезду певицу бубу Флаузер.

Мулат-ударник бешено колотил по барабанам руками и ногами. Саксофонист качался, закрыл глаза. Вдруг наступила пауза и на эстраде появилась девица в широких шелковых брюках и длинной блузке. Она заголосила:

Я — авантюристка Буба!
Рост, лицо, фигура, зубы
Выше всех похвал!
Токио, Нью-Йорк и Дели,
Восемь стран за две недели!
Риск — мой идеал!
Бокс, дзюдо, борьба караат,
Электроды, химикалы,
Акваланг, книжки!
Фунты, доллары и юань,
Ловкости, барсы, инон гиены,
Все мне дылов да!
Я могла бы стать артисткой,
Кулинаром, журналисткой,
Но шпионкой-аферисткой,
Хищницей-авантюристкой
Мир меня называл!

Маленький оркестр взвыл на пределе возможностей человеческого уха. Певица подняла руки, сделала нескользко сумасшедших «па», потом откинула волосы со лба, подмигнула восторженным леди и джентльменам, синиструла в два пальца и улыбнулась откровенно хулиганской улыбкой.

Сквозь толпу танцующих к столику Буги протолкались две широкоплечие парней среднего роста в одинаковых серых костюмах. Один — блондин с коричневым лицом, другой — узкоглазый, темноволосый. Скрестив руки на груди, они несколько секунд на неопределенные ухмылки смотрели на Буги, а Буги с такой же ухмылкой смотрел на них. Затем Геннадий стал свидетелем любопытного разговора.

— Говорят, сэр, что вы набираете знающих людей в археологическую экспедицию, — сказал первый парень с явно немецким акцентом.

— Присаживайтесь, джентльмены, — пригласил Буги, и когда парни навалились локтями на дубовый стол, улыбнулся. — Я вижу, у вас одинаковый вкус, друзья. Серые костюмы по тридцать фунтов с Олд Бонд-стрит, голубые галстуки из «Либерти»...

— Только что прибыли, сэр, — сказал темноволосый, — решили приодеться по-человечески.

— Откуда прибыли?
— Из жарких мест, сэр.
— Это я вижу. Точнее.
— Южный Йемен, сэр.
— Инструментами владеет?
— За исключением музыкальных, любыми, сэр.
Буги повернулся к блондину.
— А, вы — искатель приключений? Идеалист из Мюнхена?

— Обижаете, сэр, — жестко сказал блондин. — Мы вместе отступали из Стенливиля. Должно быть, слышали о деревне Касамбе? Вы со своим отрядом тогда...

— Много болтаете для профессионала, — буркнул Буги и сделал жест бармену.

Когда на столе появилось три стаканчика джина, Буги дружески улыбнулся.

— Значит, только вернулись, ребята, и уже снова на работу тянет?

— Точно, сэр.
— А вы знаете, куда мы отправимся?
— Нет, сэр. Но уж наверняка в веселое mestечко, а?
— Вот что, — Буги вырвал листок из блокнота. — Завтра явитесь по этому адресу.

— Условия, сэр?
— Там все скажут. Пока. Мы отчаливаем. Джин, прощающейся с господами археологами.

Солнце уже сильно клонилося к закату, когда темно-вишневый «феррари» устремился на запад по Пикадили. Ярко пылали стекла красных двухэтажных автобусов и крыши бесчисленных автомобилей. Вот уже третий день Геннадий в Лондоне, а знаменитые турами и не пахнет. Солнце с рассвета до заката царит в безоблачном небе.

Они выехали на Кенсингтон-Роуд, проехали мимо Гайд-парка и памятника принцу Альберту.

— Ты мне, парень, нравишься, — сказал Буги. — Сегодня ты увидишь, что род адмирала Буги не осудил. Увидишь такое, что и не снилось ни одному мальчишке своих лет.

Через полчаса «феррари» выбрался на магистраль, а еще через десять минут свернул на какую-то узкую ветку, в начале которой стоял щит с надписью «private» — частная дорога. Дорога эта привела к высоким глухим воротам с вывеской: «Частная психиатрическая лечебница доктора Сильвестра Ларфона». Ворота бесшумно раскрылись, и «феррари» въехал в обширный двор с типичным

английским ярко-зеленым газоном, подстриженными кустами, приветливым белым зданием в глубине, за которым виднелись деревья парка. Все здесь было создано для спокойствия; для починки поломанной нервной системы, все было тихо и смиренно, если не считать кровавого заката, отражавшегося в окнах дома.

Едва «феррари» подъехал к дому, оттуда выскоцил рыжеволосый субъект в синей униформе и распахнул двери машины.

— Где больные, Мак? — спросил Буги.

— Все в порядке, сэр. Больные в парке, на занятиях.

— Пойдем через дом, Джин, — пригласил Буги. — Помоги, как занимается наши бедняки.

Они вошли в дом, прошли по пустому гулкому холлу в длинный темноватый коридор, по которому прогуливался рослый детина с коротким карабином в руках.

— Ну как, Орландо? — спросил Буги.

— За дурчака меня принимаете, босс? — обиженно прогудел детина. — В жизни им не проникнуть сюда. Что вы, меня не знаете? Как-никак...

Большая черная лапа, позывавшаяся из-за угла коридора, схватила его за лицо. Из-за скульптуры Аполлона мельнула какая-то тень, и часовой исчез, исчез бесследно, как будто его здесь и не было. Сверху, с потолка, послышалась насмешливый голос:

— Привет, босс. Я уже полчаса вишу над Орландо, как летучая мышь. Все вас дожидались.

Геннадий готов был поклясться, что на потолке никого не было, но все-таки оттуда бесшумно спрыгнул какой-то человек, а из-за угла появились двое других в странных широких одеждах.

— Эти три парня тренируются по системе «Ниндзя», древних японских разведчиков-невидимок, — объяснил Буги.

Они прошли еще метров двадцать по коридору, и вдруг за одной из дверей Геннадий услышал русскую речь.

— Стой! Руки вверх! — орал дикий голос с невероятным акцентом. — Где спрятал оружие?

— Угроз русского языка, — объяснил Буги.

— А это зачем, сэр? Уж не собираетесь ли вы воевать с Россией?

— С русскими у меня особые счеты, — буркнул Буги. — Проклятый русский капитан загнал эскадру моего деда в зал迷 Сильвербей. Пару лет назад я был в Ленинграде и узнал, что там еще живут потомки Стратофонта.

Он остановился, вынул сигарету, чиркнул зажигалкой, закурил, и тотчас в памяти Геннадия вспыхнул склонный речь на Марсовом поле, памятник Суворову, Кировский мост... Так вот кем был тот неприятный иностранец!

— Я уничтожу памятник этому паршивцу Стратофонду Филиппову и на его месте поставлю памятник истинному герою — адмиралу вольного флота и императору Рокеру Буги!

— Вы истинный Буги! — воскликнул Геннадий. Маленький психох, как уже известно, нащупал слабую струну своего противника. Ричард при этих словах застыл в монументальной позе, словно сам себя вообразил уже памятником.

— Но все-таки зачем вам русский язык сейчас? — осторожно спросил мальчик.

Буги снял с руки бронзовое оцепенение:

— Понадобится...

«Не замышляет ли он что-нибудь против «Алеши Поповича»? — подумал Геннадий.

Они вышли из дома и по идеалистическим тенистым аллеям углубились в парк. То тут, то там среди деревьев стремительно перемещались короткими перебежками «пациенты» доктора Сильвестра Ларфона. Группа душевнобольных, собравшись под навесом, изучала новенький бронетранспортёр марки «мерседес». То тут, то там мирно гукали автоматические винтовки, снабженные глушителями.

Буги ввел Геннадия в низкий сарайчик, зажег свет, и Геннадий увидел целый арсенал — десяток автоматов в

гнездах вдоль стены, два гранатомета, пулемет, ящики с патронами, какая-то радиоаппаратура, гирлянда наручников...

— Все самое современное, по знакомству, — горделиво сказал Буги.

На пороге сарайчика вырос рыжеволосый субъект в униформе.

— Босс, вас вызывают на связь! — возбужденно заржал он.

— Сама! — испуганно спросил Буги.

— Кажется, да...

От спокойной величавости императорского потомка не осталось и следа. Он быстро юркнул в дверь и исчез.

В течение четверти часа Геннадий в полном одиночестве усиленно знакомился с оружием. Прервал это занятие приятный мягкий голос:

— Будьте любезны, поставьте на место мой автомат.

Геннадий резко обернулся. В дверях стоял высокий человек довольно странного вида. Волнистые до плеч волосы, тонкие усыки и острая бородка делали его похожим на мушкетера, но полосатая манка и вельветовые джинсы с широким поясом сообщали вполне современный вид.

— Прошу прощения, сэр, я просто хотел посмотреть, — сказал Геннадий и представился: — Джон Страйтфond.

— Мое имя Джон Грей, — поклонился длинноволосый.

— Меня привел... — начал было Геннадий, но в это время в сарай ввалилось девять других наемников во главе с гориллой лет сорока пяти. Все они орали по-русски «стоп», стреляя в воздух, ложись на палубу! и дико хотели. Геннадий понял, что эта группа явилась с занятием по русскому языку.

— Хватит гоготать! Разобрать оружие! — заорала горилла. — Сначала наочные стрельбы попремся! Эй, что тут за щенок болтается? Иди-ка сюда, малый!

— Поважливей, мистер Горилла! — крикнул ему в ответ Геннадий.

Наемники хрюкнули.

— Ай да мальчишка! Верно он Пабста окрестил Гориллой. Горилла она и есть Горилла!

Горилла Пабст ринулся на Геннадия, пытаясь схватить его за широту, но мальчик увернулся и сильно ударил Пабста ногой в зад. Пабст взревел и выхватил из гнезда свой автомат.

— Хотите меня застрелить, Горилла? — вежливо спросил Геннадий.

— Попался бы ты мне в Конго, щенок! — прорычал Пабст.

— А вы вообразите, что вы в Конго, сэр. Уверяю, что не попадете в меня, даже с десяти метров.

Но на этот раз наемники засмеялись уже над мальчиком.

— Да-да, джентльмены, — серьезно сказал Геннадий. — Никто из вас не попадет в меня с десяти метров при стрельбе одиночными выстрелами.

— Это почему же, бой? — крикнул кто-то.

— Я умею увертываться от пуль, — сказал Геннадий, снял с одного из наемников огромную шляпу, так называемый «кшестигаллонный стетсон», водрузил ее себе на голову и отошел в глубину сарая.

— Попробуйте хотя бы сбить с меня эту шляпу, джентльмены.

— Мальчик издаивается над нами! — загудели наемники.

Одни из них положил руку на плечо Джону Грею.

— Ну-ка, Силач-Повеса, покажи ему свою руку.

— Я не Вильгельм Тель, — сказал Джон Грей и присел со своим автоматом на угол.

— Если бы он был черномазым, я бы рискнул, — буркнул другой наемник.

— Трусы! — резко крикнул Геннадий.

Сразу же в ответ хлопнула выстрел. Геннадий трахнул головой — шляпа осталась на месте. Еще один выстрел! Геннадий крутанулся волчком — шляпа осталась на голове. Еще выстрел — та же картина!

— Стрелять разучились, ублюдки?! — взревел Пабст. В наступившей тишине Джон Грей вежливо спросил Геннадия:

— Как вам это удается?

— Воля к жизни, — бойко ответил мальчик.

— А-а, понимаю, понимаю, — покивал Джон Грей. — Воля к жизни.

— Воля к жизни и к свободе, — добавил Геннадий. — И к свободе, — задумчиво проговорил Джон Грей. — Неплохо сказано — воля к жизни и свободе...

— Хватит болтать! Лови-ка пупул! — гаркнул Пабст, подняв автомат одной рукой и выстрелил.

Геннадий отскочил в сторону и подул в ладошки.

— Поймай, сэр! Вот она, горяченькая!

Наступило молчание. Пабст, выпучив глаза, вытирая пот со лба, Геннадий снял цепехонскую шляпу и отвесил присущим шутовской церемонии поклон.

— Вот это малый! Такого бы в нашу команду! — сказал кто-то.

Джон Грей встал, обняв мальчика за плечи, и отвел его в сторону.

— В мой автомат вы не успели вставить холостую обойму, — тихо сказал он.

— Да, сэр, ваш был последний, я не успел, — признался Геннадий.

— И все-таки вы рискнули затеять эту игру?

— Да, рискнул.

— А если бы выстрелил я?

— Вы бы не выстрелили, сэр.

— Вы уверены?

— Конечно. Ведь вы же тот самый Джон Грей — Силач-Повеса. Очень странно было увидеть вас здесь, но я вас сразу узнал. «Джон-Грей — Силач-Повеса сильнее Геркулеса, храбрый, как Дон-Кихот...»

— А, — эта песенка, — улыбнулся Джон Грей, — в ней много преувеличено. Помните, там какая-то ерунда про ковбоя Гарри?

— Еще бы не помнить! — воскликнул Геннадий.

— Всё же я не убил этого прохвоста. Нелли сама его выгнала вон. Но все-таки мне очень приятно, что вы помните... да-да, бывало всякое, при свете лунном кружились пары, да-да... Слушайте, а зачем вам понадобилось устраивать этот цирк с холостыми патронами?

Хлопнула дверь, и на пороге появился веселый, энергичный Ричард Буги.

— Эй, леопарды! — закричал он. — Не обидели тут моего гостя? Ну, Джин, познакомился с современными денежтменами удачи?

— Твой гость настоящий бесенок, Дик, — сказал Пабст.

— ... Эти люди, малыши, беспощадны. Соль земли, они несут из глубины веков то, чем славна белая раса, покорившая все континенты: боевую спайку, авантюризм и великую белую мечту!

Голос Ричарда Буги звенел, глаза пылали, и если бы Геннадий не знал цену этого фальшивой человеконенавистнической расистской романтики, он мог бы, пожалуй, даже увлечься вдохновенными словесами бандита. Нет, он знал всему этому цену и был наскучен. Он сидел в мягким кресле в кабинете Буги и изображал немой восторг.

Стены кабинета украшали африканские маски и оружие, под потолком висела большая модель все того же пресловутого «голубого кита», но главным предметом в комнате был огромный портрет Рокера I: свирепое вполоборота лицо и обнаженный палаш на плече.

Ричард разглагольствовал, прогуливаясь по кабинету с бокалом шампанского в руке.

— Не в пример своему спившемуся брату пью только французское шампанское, — пожискал он. — Всегда вожу с собой запас этого благородного напитка. Однажды в Конго запас кончился. Тогда я со своим отрядом наехал на один город под предлогом очистки его от коммунистов и захватил в местном отеле дюжину ящиков «Вдовы Клико».

— И, должно быть, переколотили не мало народа, сэр? — спросил Геннадий.

— Там мы не считали, — хохотнул Буги.

Ненависть к этому ухмыляющемуся убийце скигала мальчика, но выдержке его мог бы позавидовать любой взрослый мужчина.

— Да, дружице Джин, — продолжал Буги. — Пациенты доктора Сильвестра Лафонно видали всякое. Многие парни — из Иностранного легиона...

— А Джон Грей? — спросил Геннадий.

— Сидача-Повесу я знаю меньше. Его рекомендовали мне как лучшего стрелка, лётчика и парашютиста. Но остальных я знаю почти всех.

— Разрешите вопрос, сэр? Куда вы направитесь из Англии, каковы ваши планы?

Буги откупорил еще бутылку, ухмыльнулся и, явно расчитывая на эффект, медленно произнес:

— На Большие Эмпиреи, сынок, на твои любимые Большие Эмпиреи.

— Как? — вскричал Геннадий. — Не ослышался ли я?

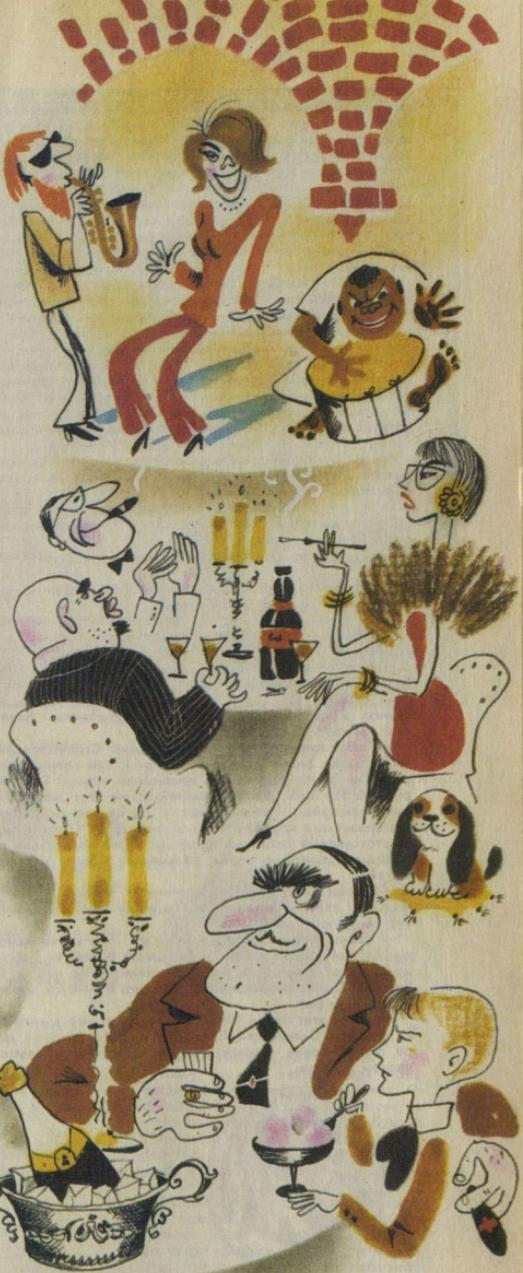
— Нет, не ослышался. Мадам уже ждет не дождется.

— Какая мадам?

— Наша хозяйка, — саркастически улыбнулся Буги, — мадам Накамура-Бранчковска.

— Мадам Накамура-Бранчковска ваша хозяйка? — Геннадий вскочил. — Это шутка, сэр? Мадам увлекается цветами, пишет стихи!

— Старая бандитка! — захочут Буги. Приложившись к горлышку, он выпил полбутылки благородного напитка. Уши его налились внутренним огнем. — Джинни-бой, мадам — глава огромной подпольной империи. Начинала она, как и все мы, в Гонконге, в Коулун-сити, где за каждую бамбуковую шторку можно получить порцию гашиша или свинца. Она оказалась ловчее всех, эта ведьма. В Макао она втерлась в доверие к доктору Ло-

бо, королю золота и опиума. По дешевке мадам где-то купила три ржавых торпедных катера и стала нападать на торговые суда. Я сам служил на одном из этих катеров простым пулеметчиком. Уже тогда она нажила огромные деньги, но потом влипла в историю — оградила американский военный транспорт. Многих из наших тогда похватали, но мадам быстро нашла общий язык с ЦРУ... Пока судьба носила меня по всему свету, мадам устраивала свои делишки как нельзя лучше. Теперь у нее миллионы и страшная власть.

— Скажите, сэр, а ее дочь Доллис знает о том, кто ее мать?

— Даочь! — захохотал Буги. — У кобры еще никогда не рождались человеческие детеныши. Доллис похищена на каких-то французских аристократишек. Мадам помешана на аристократизме. Она и тебя отпустила домой только для того, чтобы пролезть в аристократические круги. Не будь твоя бабка — Леконс菲尔д, полакомились бы тобой акулы. Теперь по плану мадам мы должны разогнать эмпирейских сенаторов-легоперов и объявить ее королевой Большых Эмпиреев и Карбункула как замкнутую наследницу основательницы Оук-Порта баронессы де Клиссон. Ну, Джин, что ты на это скажешь?

Ричард Буги уперся кулаками в подлокотники Гениного кресла и приблизил к нему свою горячие, пронизывающие глаза.

— Я... я... — бормотал Геннадий, лихорадочно нащупывая правильный ответ, — не могу сказать, чтобы мне это особенно нравилось, сэр...

Буги отпрыгнул, захохотал и взорвал к потолку скатые кулаки.

— Баронесса де Клиссон! Королева! Ее папаша до сих пор торгует лапшой в Иокогаме.

— В то время как вы, сэр, истинный Буги! — вдохновенно подхватил Геннадий. — Стопроцентный, неповторимый Буги!

Ричард опорожнил одним махом еще одну бутылку благородного напитка и засвистел изнутри, как китайский фонарь. Он вдруг встал на кончики пальцев, на пятачок, и сделал посреди кабинета медленный балетный поворот.

— Посмотрите на эту фигуру, Джин Стрейтфонд! — почти запел он. — Разве отсутствует в ней величавость, разве не присутствует в ней державная осанка? Посмотрите на эту шею, Джин Стрейтфонд, на этот мощный и тугой мускул! Разве не похож он на звенищий винт адмиралского корабля? Посмотрите, Джин Стрейтфонд, на этот гордый чеканный профиль! Разве не достоин он украшать денежные знаки, разменную монету и асигнации?

Буги слегка подпрыгнул, хлопнул в ладоши и закружился в странном танце под одному ему слышимую чудовищную музыку.

— Крохи, крохи, чурчи рикотуэр! Малази холионон кукубу! Буги не будет на побегушках! В дебрях Лабрадора живет принцесса Буги, он женится на ней, и на Большых Эмпиреях воцарится династия Буги-Буги. Фраомоностр чу ра!

Глядя на этот танец, Геннадий подумал, что в «клинике доктора Сильвестра Лафоню» есть, по крайней мере, один человек, нуждающийся в серьезном психиатрическом лечении.

Окончание следует

ЧАБАНСКИЙ ОГОНЕК

Подошел к закату
Жаркий день.
На пески легла
Ночная тень.
Где-то пляшет,
Словно мотылек,
Золотой чабанский
Огонек.

Пламенем костра
Озарены,
У огня присели
Чабаны.
Вьется белый пар
Над котелком.
Горьковатый чай
Пропах дымком.

А вокруг —
Ночные голоса;
На шакала тявкает
Лиса,
И ночная птица,
Не спеша,
Пролетает,
Крыльями шурша.

Темное молчание
Храня,
Ночь сгустилась
Около огня.
И ночная черная
Ладонь
Погасить старается
Огонь.

Теменъ все черней
И тяжелей,
А костер —
Все ярче и светлей.
Ночь не в силах
Справиться с огнем —
Со своим сверкающим
Врагом...

Угасают звезды
В вышине,
Спит отара
В синей тишине.
Крылышки сложил,
Как мотылек,
Золотой чабанский
Огонек.

Перевел с туркменского
Владимир Орлов

МОЙ АЕЛУШКА- ПАМЯТНИК

ПОВЕСТЬ

В. Аксенов

Рисунки М. Беломлинского

ГЛАВА XII

В КОТОРОЙ СНОВА
РОКОЧУТ АВИАЦИОННЫЕ МОТОРЫ
И ГРЕМИТ АВТОМАТИЧЕСКОЕ ОРУЖИЕ

Небольшой двухмоторный самолет фирмы «Локхид» медленно полз в огромной тропической ночи, словно невидимый вирус, попавший в бутылку чернил.

— Простите меня, Джон, но шляпа с перьями подошла бы вам больше, чем шлемофон, — сказал Геннадий Силач-Повеса.

Самолет шел на автопилоте, и поэтому Джон Грэй и Геннадий могли свободно болтать. Джон Грэй покуривал, мельком взглядывая на приборы: Геннадий сидел рядом в кресле второго пилота. Сяди, в фюзеляже, хранили на мешках со снаряжением молодчики команды Пабста.

Силач-Повеса поправил длинные свои локоны, выбившиеся из шлемофона, подкрутит усы, погладил бородку.

— А вам, мой друг, — улыбнулся он, — неплохо сменить красло второго пилота на уютный детский горшок.

Окончание. См. «Костер» №№ 7—9, 1970 г.

Оба беззлобно посмеялись. За две недели подготовки в клинике для душевнобольных они успели подружиться. Легендарный Джон Грэй Силач-Повеса нравился Геннадию своими вежливыми манерами, мягкостью, странной для наемника задумчивостью. Оружием и техникой он владел действительно безупречно и обладал невероятной, чутких не сверхъестественной силой. Не-понятной была только вторая половина его прозвища — никаких свойств повесы Геннадий за них не заметил. Все свободное время Джон Грэй проводил на своей койке за чтением Британской Энциклопедии или стихов Т. С. Эллиота.

Мальчик понравился бывалому Грэю своей смелостью, ловкостью и какой-то тайной целеустремленностью, которая не ускользнула от наблюдательного Силача-Повесы.

Из Лондона их команда вылетела рейсовым самолетом в Барселону под видом туристов, интересующихся боем быков. Из Барселоны на странной моторной яхте они отбыли как любители рыбной ловли, члены профсоюза текстильщиков, на крохотный, почти безлюдный островок, имевший тем не менее взлетно-посадочную полосу. Там они погрузились в аэробус, пилотировать который взялся Джон Грэй Силач-Повеса. Они сделали несколько посадок в разных странах на тайных аэродромах. И вот теперь с дополнительными баками горючего совершали многочасовой перелет над океаном.

— Джон, я давно хотел задать вам один важный вопрос, — сказал Геннадий.

— Я знаю, — невозмутимо ответил Силач-Повеса. — Вы давно хотели спросить, что у меня общего с людьми вроде Горильи Пабста.

— Правильно, — удивился Геннадий.

— Видите ли, Джин, — Силач-Повеса щипал свои усы, — по своей натуре я авантюрист. В Латинской Америке я участвовал по мелочи в мере в семи так называемых революциях, связанных с разными темными личностями; они приходили к власти, а я сматывался. Брось, Джон, говорил я себе, что толку во всех этих переворотах, кому от них польза — народу, тебе, Рите, крошка Нелли? Но, увы, такова моя натура. Танет меня к авантюрам и все! Да, черт возьми, — Джон Грэй щипал свои усы и вздохнул, — а вот настоящая революция на Кубе прошла без меня. Я тогда на Огненной Земле загорел. Впрочем, Фиделью не нужны такие, как я, авантюристы... Последний раз я ввязался в одно совершенно сумасшедшее дело. Я тогда застрял на Флориде, в Ки-Уэст. Денег ни проща, от Риты бешеные письма, от Нелли потоки слез. Узнаю: готовится вторжение на Гаити против диктатора Дювалье. Эге, думай, дело хорошее. Этот папа Док на завтра ждет человеческую печень, в обед слизь из крови хлебает, а на ночь ему кровь в нос закапывают. Собираюсь в тот же вечер восемь человек и я — девятый. Взяли лодку, поплыли, высадились, то есть вторглись. Захватили какой-то автобус, приехали в столицу и сразу к гвардейским казармам. Сняли карабу, вошли в казарму, а там обед. Заходим в столовую. Руки вверх, говорим, господи гвардейцы, сдавайтесь — город занят повстанцами. Сдаемся, отвечают гвардейцы, дайте только компот докушать. Затерли мы их в столовой и позвонили во дворец папе Доку. Э, говорим, ты, черная шляпа, гвардия перешла на сторону народа! Или сдавайся, или ссыпайся! Выбираю второе, отвечают кровавая собака, укладывая члены. Представьте себе, милый Джин, переворот едва не осуществился. В неудаче виноват я... Кончились у меня сигареты, я вылез из столовой одного гвардейца, дал ему доллар и послал в табачную лавку. Тот, пока бежал по коридору, смекнул, что наша армия не так уж многочисленна, и дунул прямиком во дворец... Короче говоря, нас окружили. Отстреливались мы три часа, пока не вышли патроны. Я выпалил последний в окно, оглянулся — все ребята уже были убиты. Я бросил автомат и вышел в коридор. За окном

уже стемнело, я устроил в казарме короткое замыкание и смислился. Дурацкая какая-то, нелепая и горькая история, Джин.

Он замолчал и словно оцепенел.

— Что же было дальше? — осторожно спросил Геннадий.

— В Порт-о-Пренс я нанялся матросом на старый пароход, идущий в Европу, а в Европе, э... — Джон Грей махнул рукой, — чем мне только не пришлось заниматься, был мусорщиком, пел в паршивом ресторанчике за тарелку супа, таскал мешки с цементом на товарных станциях, все мне стало безразлично, кто был уверен Джоном Греем, который из всех заплатит, который всегда таков? У Риты и крошки Нелли хватило тонкости оставить меня в покое... Потом мне вдруг повезло. Я поступил в школу парашютистов знаменитого Жака Дюбюра. Мы прыгали на Монблан и Килиманджаро. Ребята были все высшего класса, особенно один летчик, швейцарец, царство небесное его отчаянной душе, — Силлач-Повеса перекрестился. — Последний год я работал трюкачом на киностудии Лауристини, неплохо зарабатывал, ну, а потом услышал, что собирается новая освободительная экспедиция. Не выдержала моя авантюристическая натура, ну и вот вы видите меня, сэр, за штурвалом этого самолета.

— Вы называете нашу экспедицию освободительной? — спросил Геннадий. — Вы думаете, мистер Буги или Горилла Пабст освободители Большого Эмпирея?

Джон Грей остро взглянул на Геннадия.

— Видите ли, мой мальчик, ребята, с которыми я высалжался на Ганти, тоже не были похожи на англичанок.

— Простите меня, Джон, но вы наивный идеалист, — сказал Геннадий. — Буги и Пабст и все прочие — обычновенные наемные убийцы, а Буги еще и честолюбивый маньяк. Хотите знать подоплеку всей этой истории?

И Геннадий рассказал Силлач-Повесе о Большых Эмпирах, о мадам Накумура-Браниковской и о планах Ричарда Буги. Ему необходим был союзник в команде наемников, а Джон Грей казался ему подходящим человеком.

Когда он кончил, Джон Грей некоторое время молчал, а потом резко повернулся к мальчику.

— А теперь разрешите мне задать вам, Джин, вопрос, который давно уже вертится у меня на языке. Вы действительно англичанки? Вы действительно тот, за которого себя выдает?

— Я русский, Джон, советский пионер Геннадий Стравофонов. В Оук-Порте стоит памятник моему прапрапрапрапре...

За их спинами появился Горилла Пабст. Почексывая волосатую грудь и зевая, он сказал:

— Слушай, Джонни, будь повнимательнее при посадке. Здесь взлетно-посадочная полоса насыпная, узкая ленточка в море. Вчера сержант Гамбл промазал и нырнул на самое дно.

— Небось по приборам, садился Гамбл? — спросил Джон.

— Ясно, по приборам, как же еще?

— Ну, а мы на глазок, Пабст, мы на глазок, — усмехнулся Грей и подмигнул Геннадию. — Мы с Джином видим, как коты...

Самолет резко пошел вниз.

ГЛАВА XIII

БОЛЬШИНСТВО УЧАСТНИКОВ КОТОРОЙ
УСТРАИВАЮТ СТРАШНЫЙ ШУМ,
НО НЕКОТОРЫЕ РАЗГОВАРИВАЮТ ВПОЛГОЛОСА

В канун ежегодного традиционного праздника Кас-сиопии на Большых Эмпирах произошла сенсация: в Оук-Порт прибыл без всякого приглашения, проездом

из Зурбагана в Эдинбург, огромный международный симфонический оркестр под руководством дирижера князя Грегори фон Нофиорогр. Сторонники выхода на

международную арену в сенате ликовали — вот они, результаты последней победы над финским банановозом со счетом 105:3! Если уж прибыли музыканты, значит, жди теперь какую-нибудь знаменитую футбольную команду, «Манчестер Юнайтед» или «Санто», а то и ленинградский «Зенит».

Толпы жителей столицы собирались вокруг отеля «Катамаран», который заселили музыканты. Музыканты всем понравились. Ростые, плачущие, с сизыми носами, с сергами в ушах, они легко несли в татуированных руках футилры со скрипками, виолончелями, фаготами, контрабасами. Поразила всех внешность дирижера: черная ассирийская борода, ряжные кудри, темные очки, закрывающие пол-лица, треугольная шляпа с плюмажем, фигура десятиборца, огромная узловатая дирижерская палочка величиной с палицу Геракла.

— Рикко, — проговорил Нафнити и схватил леголера за плечо. — Смотри! Смотри, кто среди них!

От автобуса к отелю шел крепкий загорелый мальчик с целой охапкой медных тарелок в руках. Рядом с ним, нагруженный барабанами разных калибров, двигался высокий стройный мужчина с длинными волнистыми волосами, в усах и бородке.

Геннадий уже заметил их. Подойдя ближе, он намеренно уронил тарелки и быстро сказал нагнувшемуся сенатору:

— После захода солнца ждите меня возле памятника дедушке. Ждите столько, сколько понадобится. Рядом со мной — друг.

Едва последние музыканты скрылись в отеле, из окон гранула искрометная музыка Россини.

— Репетируют, — умиленно говорили в толпе.

Послышился мощный храп, перекрывающий музыку Россини.

— Слышали репетируют? — недоумевали в толпе.

— И слыш, и репетируют, — говорили знатоки.

Во второй половине дня Геннадий нанес визит мадам Накамура-Бранчковской.

— О Джин! — протянув руки, сияющей самой очаровательной улыбкой, восхлинула дама. — Как я рада видеть вас вновь! Мистер Ричард Буги сказал мне, что вы решили посвятить себя борьбе за свободу моего народа. Но не будем о политике, она меня мало интересует...

В это время в комнату вошла Доллис. Она хмуро посмотрела на Геннадия и буркнула:

— Ты снова здесь?

— Доллис, как ты нелюбезна! — пожурила ее мадам. — Джин проделал такой большой путь, чтобы снова увидеть нас. Как здоровье вашей бабушки, Джин?

— Спасибо, мадам. Бабушка и ее брат шлют вам самый сердечный привет. О вас многое говорят в наших кругах. О вашем розрэйе ходят просто фантастические слухи. На последнем уикенде граф Чарли Бартлетт-Эстерхази младший, ну тот самый, что отличился в окейской гонке на яхте «Клубника», читал ваши стихи из журнала «Лестница», а несравненная Грэйс, княгиня Монако, увидев ваш портрет в журнале, сказала, что, по ее мнению, ваш род восходит к древнейшим французским фамилиям.

Накамура-Бранчковска от волнения даже покрылась красными пятнами и вроде бы закатилась, на секунду потеряв сознание.

— Но как попал в Англию журнал «Лестница»? — пролепетала она.

— Это я привез его, мадам, — внутренне хохоча, с полупоклоном ответил Геннадий.

— О Джин! О мой друг! — совсем уже расплылась в благостной истоме будущая королева, но в это время в парке послышались мужские голоса, и она пружинисто вскочила, глаза ее сузились, движения приобрели привычную хищную гибкость.

— Извините, мой друг, у меня сейчас заседание правления фирмы. Мы увидимся завтра на празднике Кассиопеи. Вы, конечно, знаете, что это будет очень

интересный праздник, — добавила она многозначительного и вышла.

Посмотрев в окно, Геннадий увидел Буги, Мизераблеса, Чанга и Латтифудо, идущих по аллее к дому. Собравшиеся вместе, эти господа казались персонажами страшного сна.

— Ненавижу всю эту банду, — сказала за его спиной Доллис. Он обернулся и увидел, что девочка смотрит на него хмурым и злым взглядом.

— Что за чушь ты болтал матери о французских фамилиях? — проговорила она и вдруг схватила Геннадия за руку. — Знаешь, кто моя мать? — Доллис передернулась, как от судороги. — Она преступница! Она хочет поработить наш народ, отдать его в кабалу иностранцам! Я все знаю, и если ты из их банды — иди, доснис!

— Здесь нельзя говорить, — сказал Геннадий. — Давай выйдем в парк.

Они уселись на краю большого круглого бассейна. Ветви авенионской ивы надеяно скрывали их. Здесь Доллис, волнуясь и чуть не плача, рассказала Геннадию все, что он давно уже знал. Оказалось, что она случайно услышала разговор своей матери с Мамисом, а потом и многое другое. Противоречивые чувства раздирали девочку. Еще бы — ведь она привыкла преклоняться перед матерью, перед ее красотой и умом. Что предпринять: высказать ей все в глаза, убежать из дома, может быть, покончить с собой? Она никогда не видела своего отца, погибшего во время цунами капитана дальнего плавания, но была уверена, что если бы он был жив, он не дал бы матери скатиться к преступлению.

С горечью слушал Геннадий исповедь своей маленькой подруги, столь похожей на гордую ленинградскую чемпионку Наташу Вергопракхову. Два мира — две судьбы, невольно думалось ему.

Это был ветреный тревожный вечер. Пятна кроваво-красного заката, сквозившего сквозь ветви агавы и юки, северных пальм и итальянских сосен, ливанского кедра и акубусы японской, филодендрона и благородного лавра, колыхались на глади бассейна.

— Этот бассейн сообщается с морем? — спросил Геннадий.

— Да, через подземный тоннель, — машинально ответила Доллис, глядя прямо перед собой остановившимися взглядом.

Геннадий скользнул по ступенькам к самой воде и несколько раз негромко позвал:

— Чаби! Чаби! Чаккерс!

После этого он засунул голову в воду и несколько раз позвал друга ультразвуком.

— Ты не спятил, Джин? — спросила изумленная Доллис.

— Слушай, Доллис, сегодня решительный вечер. Многое зависит от нас, от тебя и от меня. Слушай меня внимательно.

Он рассказал ей обо всем, о том, как он попал в плен, на остров Карабункул, о своей поездке в Лондон, о планах Накамура-Бранчковской и об откровениях Ричарда Буги.

— Значит, я не ее дочь, — тихо проговорила Доллис. — Значит, все эти годы я была для нее только игрушкой. Значит, никакого отца-капитана у меня не было...

Геннадий давно уже заметил, что по бассейну кругами ходят Чаккерс. Врожденная деликатность, вероятно, мешала бывшему сержанту прервать разговор девочки и мальчика.

— Доллис, ты должна узнать, о чем сейчас совещаются заговорщики. Опасность угрожает не только Оук-Порту, но и нашему научному кораблю «Алеша Попович». Готова ты на это? — спросил Геннадий.

— Да, — решительно ответила девочка.

— После двенадцати ночи жду тебя на Львиной лестнице. Связным будет один мой друг — Чаби!

Доллис вздрогнула: из воды высунулась лукавая круглобогая физиономия дельфина.

— Привет, Геша, — хрюкнул Чаби по-русски. — Ну, как бабушка, Лондон? Ужас небось, какой шум, а?

— Чаби, познакомься, это Доллис.

— Очень приятно, мисс.

— Будешь связным, Чаби. Тут большие дела начинаются.

— Да, я уже слышал, можешь на меня рассчитывать. Кстати, Генок, привет тебе от ваших ребят. Я с ними на прошлой неделе болтал.

— Ну, как они? — с волнением спросил Геннадий.

— Да все в порядке, работают по плану. Хорошие мужики. И, что характерно, Генок, не уникают эти ребята твоего достоинства. Вот что характерно, понимают нашего брата.

При этих словах Геннадий особенно остро почувствовал, как не хватало ему все это время его друзей, с которыми сам черт не страшен. Однако времени предвратиться размышлением не было. Он встал и сказал:

— Доллис, Чаби, друзья! Готовы ли вы бороться до конца за идеалии свободы и справедливости?

— Готовы! — в один голос ответили дельфин и девочка.

— Давайте скрепим нашу дружбу и клятву рукопожатием! — торжественно сказал Геннадий.

— За неизменность рук предлагаю потеряться носами, — смущенно проговорил дельфин.

Мальчик и девочка наклонились и потерлись носами о его влажный клов.

— Ну вас к черту, ребята, — прорыдал Чаби. — В такие минуты плакать хочется...

Луна спряталась за голову Серго Филимоновича Стратофудо, когда Геннадий по водосточной трубе спустился на площадь. Огромная тень памятника закрывала половину площади, и в этой тени мерцали сигареты и глаза эмпирейских легонеров, засевших в маленьком кафе.

— Геннадий! — бросились к нему сенатор Куче, Рикко Сила и Токтомурган Джечкин. — Как мы рады снова видеть вас, потомка нашего памятника, в добром здравии!

— Спокойно, друзья, сейчас не время для сантиментов, — жестко сказал мальчик. — Необходимо достать двадцать четыре скрипки, шесть виолончелей, шесть контрабасов, десять труб, семь флейт, три кларнета, две арфы, пять гобоев, четыре валторны...

— С валторнами у нас плохо, — прикинул сенатор Куче.

— Я достану валторны, — решительно заявил Рикко Сила.

Через час Геннадий соскользнул по громоизводству крыло ко входу в отель «Катамаран». В отеле все шло по плану. В зале ресторана Джон Грей Силач-Повеса накачивал «товарищей по оружию». Он стоял посредине огромного стола, размахивал большим, как флаг, эмпирейским «велором» и пел:

Пока на белом свете
Деньжатами разят,
Солдат в лихом берете
Всегда обут и силен.
Твой нож не дремлет в ножнах,
Кулак твой волосат!
А принципы надежно
В швейцарском банке спят!

Захмелевшие ландскнехты бизоньими глотками восторженно ревели:

А принципы надежно
В швейцарском банке спят!

— Эй, чертёночок! — закричал Геннадию Паст. — Иди сюда! Ну-ка, глотни этого бальзама! Завтра ты исполнишь свое соло-николо, а, чертёночок? — он склонил к Геннадию свою драмучую рожу и вдруг прослезился. —

Не зови меня, пожалуйста, Гориллой, Джинни. Очень прошу, не зови. Разве я похож на гориллу? Разве у меня такие руки, как у гориллы? Разве у меня такие надброневые дуги?

— Именно такие, сэр, — сказал Геннадий.

— Ну, хорошо, допускаю... — хмыкал Паст. — Но разве умеет горилла разговаривать, а, Джинни? Ведь не умеет же, а?

— Умеет, — сказал Джин. — Горилла разговаривает не хуже вас, сэр.

— Как! Горилла умеет разговаривать?! — взревел Паст. Он встал и пошел вдоль стены, взывая к товарищам. — Ребята, горилла, оказывается, умеет разговаривать! Слышили новости?! Горилла! Умеет!

В конце стояла он свалился.

Через час все музыканты оркестра, включая солистов-виртуозов, были «готовы». Офицанты с большим трудом оттащили гастролеров в номера. Начался немыслимый концерт. Храп, носовой свист, стонь, дьявольский хохот и бредовые выкрики слились в потрясающую «кавангардную» симфонию.

Тогда Геннадий и Джон Грей взялись за свое дело. Им нужно было закончить его, пока не явился с совещания маэстро Грегори фон Ноффогрер.

Во внутреннем дворе гостиницы возле пожарной лестницы уже ждали легонеры во главе с Рикко Силой. Хозяин гостиницы, левый полузащитник дублирующего состава, был предупрежден. Геннадий и Джон Грей заходили поочередно во все номера и везде делали свое дело.

Работа была уже почти закончена, когда друзей застигли в коридоре звуки быстрых шагов и веселые го-

лоса. Скрыться было негде. Джон Грей прислонил к стене футляр с контрабасом.

Голоса приближались, и вот из-за угла коридора появилась группа людей, впереди которой крупным командирским шагом шла не кто иная, как... родная, личная, непостижимая бабушка Геннадия, подполковник в отставке Мария Спиридовоновна Стратофонтова!

Первым желанием Геннадия было, не раздумывая, броситься в объятия родному человеку. Вторым желанием было немедленно спрятаться за футляр контрабаса, что он и сделал. Бабушка Его бабушка на Больших Эмпиреях! Уму непостижимо, как она сюда попала! Но что это? Рядом с бабушкой, отставая на шаг,

шествует со своей застывшей улыбкой генеральный консул Старжен Фиц, а за ними несколько ленинградских, явно ленинградских, девочек, и среди них Доллис, вернее, не Доллис, а самая настоящая Наташа Верто-прахова, а дальше группа почетных эмпирейских и советских граждан, и отец Наташи доктор геологических наук Верто-прахов, и огромный поэт Борис Коршигин. Уж не снится ли это ему? Уж не галлюцинация ли это? Уж не результат ли это нервного напряжения?

В полном смятении чувств провел Геннадий всю ночь на Львиной лестнице. Тревожно вслушивался он в каждый шорох, вглядывался в темные воды бухты. Ни Доллис, ни Чаби Чаккерс не явились.

В КОТОРОЙ НАД КАШЛЕМ, ХЛЮПАНИЕМ
И ХРУСТОМ КОЛЕННЫХ СУСТАВОВ
ПРЕОБЛАДАЕТ МОЩНЫЙ ГОЛОС МАРИИ СПИРИДОНОВНЫ,
А ТАКЖЕ ЗВУЧАТ СТИХИ ОГРОМНОГО ПОЭТА

Благосклонный читатель должен простить неуклюжесть автору то, что в этой главе он вынужден прервать описание напряженных драматических событий, оставить своего героя в сомнениях и тревогах на Львиной лестнице Оук-Порта и совершить на очне-то грациозный скачок в недалекое прошлое, в прохладные июльские дни города Ленинграда.

Было прекрасное дождливое утро, когда Наташа Верто-прахова приехала на дачу Стратофонтовых в Лисий Нос. Мария Спиридовонна в это время, напевая песенку «Мы парни бравые, бравые, бравые, но чтоб не слезли подруги нас кудрявые...», неумелыми пальцами мастерила котлеты, похожие на аэростаты заграждения.

— Мы должны действовать, — коротко сказала она, выслушав сбивчивый рассказ Наташи о вчерашнем пондонском звонке.

— Ну как? — пролепетала растерянная девочка. — Мария Спиридовонна, я очень тревожусь за Генку, ведь он такой фантазер. Однажды в турпоходе наша группа столкнулась с огромным стадом. Стадо шло мимо нас очень долго и все дрожали, боясь быка. И вдруг, представьте, мы видим — верхом на быке едет ваш внук, и бык помахивает хвостом, словно обыкновенное домашнее животное...

— Моя школа! — не без гордости сказала подполковник. — Мы должны поехать на Большие Эмпиреи! — добавила она.

— Мария Спиридовонна, но это же нереально!

— Нереально? — сверкнула очами подполковник, смешавшая в бесформенную массу аэростаты заграждения, вышла и вернулась в кителе с орденской колодкой и в портупее, и при взгляде на нее Наташа поняла, что все реально, что в мире нет ничего нереального.

Бабушка начала свою деятельность с Публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина. Здесь в кратчайшие сроки она проштудировала все материалы по Республике Большие Эмпиреи и Карбункул. Помогли и семейные архивы. В частности, в походном сундучке адмирала бабушка обнаружила русско-эмпирейский словарь, составленный врачом клипера «Безупречный» Фогель-Кукушкиным. В результате не прошло и недели, а Мария Спиридовонна уже прекрасно разбиралась в истории, этнографии и экономике далекой, но близкой страны и могла сносно объясняться по-эмпирейски.

После этого бабушка вошла в Союз обществ дружбы с зарубежными странами и предложила послать на

Большие Эмпиреи культурно-спортивную делегацию. Консультант по странам Океании с сомнением покачал головой.

— Сложное дело, товарищ гвардии подполковник в отставке. Кое-какие контакты с этой далекой страной у нас есть — обмен книгами, марками, открытками, просто добрым словом, но ведь для того чтобы послать делегацию, нужно снести с дипломатической службой, а единственным эмпирейским дипломатом мистер Старжен Фиц вот уже несколько лет не отвечает на наши телеграммы...

— Все это я беру на себя, — сказала бабушка и вошла в соответствующие организации.

Соответствующие организации встретили ее с одобрением.

— Пусть сокращаются большие расстояния, — сказали они. — А вам, Мария Спиридоновна, спасибо за хорошую инициативу. Видим, что есть у вас еще порох в пороховницах.

Бабушка села на телефон. Две суток она не сомкнула глаз, разыскивая Старжен Фиц через мундирный и полицейское управление японской столицы. Наконец в трубке послышался кашель.

— Господин Старжен Фиц! С вами говорят от имени Общества СССР — Большие Эмпиреи! — закричала бабушка.

— Очень, очень, очень... — послышалось в трубке. Потом все стихло.

— Господин Старжен Фиц! — крикнула бабушка.

— Очень приятно, мисс, — сразу же отозвался приветливый старческий голос.

— Я не мисс! — крикнула бабушка.

— Пardon, мадмуазель, — скрипнул Старжен Фиц.

— Я не мадмуазель!

— Как же мне вас называть?

Бабушка на миг растерялась. Действительно, как же ему ее называть? Ведь не «товарищем гвардии подполковником в отставке...»

— Зовите меня Марей! — крикнула она.

— Марей! — вскричал Старжен Фиц. — Мария, Мария...

— Господин генеральный консул, почему вы не отвечали на наши телеграммы? — спросила бабушка.

— Не было средств, — хлюпнул носом консул. — Конъюнктура все время падает, Мария. Трости душат мелкого буржуя.

— Господин Старжен Фиц, мы приглашаем вас на переговоры по вопросу культурных контактов между нашими странами.

— С едой?

— В каком смысле?

— Кроме дороги, гостиницы и карманных денег, еда оплачивается?

— Уж будьте уверены! — теряя терпение, гаркнула бабушка.

Повесив трубку, она вдруг изумилась — весь разговор с эмпирейским дипломатом шел на чисто русском языке!

Итак, на средства двух коллективных членов Общества (фабрика мягкой игрушки и паровозостроительный завод) старжен Фиц снялся с насиженного места и прибыл самолетом в Ленинград.

Общество встречало почетного гостя почти в полном составе, за исключением огромного поэта Бориса Хорощина.

Дипломат был прекрасен в расшитом золотом мундире и в традиционном головном уборе, отдаленно напоминавшем поварской колпак. С хрустом преклонив колени, он поцеловал бетон аэропорта, обвел руками пространство и восхлипнул:

— Узай! Все встало в памяти, господи! Ведь я, господа, старый петербуржец!

В это время радио любезным голосом сказали:

— Господин Севрюгий Феликс Вениаминович, прибывший из Токио, вас встречает ваша сестра Таисия. В руках у Таисии гладиолус.

Вскрикнув от радости, Старжен Фиц заключил в объятия ближайшую старушку с гладиолусом.

Старушка выныривала до тех пор, пока не подошла настойщая Таисенка, которая тоже за шестьдесят лет «ничуть не изменилась».

По дороге с аэропорта в «Асторию» дипломат проявлял вежливое, но настойчивое любопытство:

— Этот у-ни-вер-маг частный? — спрашивал он Марью Спиридоновну.

— У нас, Феликс Вениаминович, все государственное, — пояснила бабушка.

— Да-да, понимаю, — сочувственно кивал Старжен Фиц. — Я все понимаю, Мария. Скажите, а эти «фрукты-овощи» частные?

— Феликс Вениаминович, — немного даже рассердилась бабушка, — вы же русский человек. Неужели не понимаете? Ничего у нас нет частного, и никакие монополии на нас не давят.

В честь высокого гостя Общество устроило обед в ресторане Дома архитектора. Обед прошел на замечательном уровне, если не считать того, что гость то и дело убегал на кухню и совал нос во все кастрюли.

В конце обеда поэт Хорощин, который, конечно же, на сей раз присутствовал, прочел начало новой поэмы:

Эмпиреи!

Я немею!

Чую ветер голубой!

Чую, но не очумею!

Ближе берег мне родной!

После обеда Старжен Фиц и Мария Спиридоновна удалились на деловое совещание.

— Ну вот, господин генеральный консул, вы познакомились теперь с членами нашего Общества дружбы, — начала Мария Спиридоновна. — Не вертитесь, пожалуйста, господин генеральный консул.

— Что делается на кухне? — спросил Старжен Фиц, тревожно принохиваясь.

— Моют посуду, — начала сердиться бабушка.

— Чем?! — вскричал дипломат. — Неужели они обходятся без порошка «Сальвилла»? Я немедленно берусь доставить пробную партию этого чудо-порошка! Об условиях договоримся.

— Господин генеральный консул! — повысила голос бабушка.

— Дайте вашу руку, Мария! — прошептал дипломат. — Нет, левую. Бугор Венеры, Мария, у вас разко выделен, линия таланта уникальная и пересекается с линией части. Бойтесь первых двух дней полнолуния, Мария! Эти дни...

— Попслушайте, перестаньте портить вздор! — вскричала бабушка. — Я бывший штурман авиации, прошла всестороннюю подготовку. Понятно? Мы хотим послать в вашу страну культурно-спортивную делегацию. Как вы и ваше правительство посмотрите на это?

— Милости просим! — возопил Старжен Фиц. — Я буду вам сопутствовать, конечно — с едой, и сам с удовольствием познакомлюсь со своей страной.

— Вы хотите сказать, что вы...

— Да, Мария, я никогда не был в своей стране. Увы, Мария, таковы привычки нашей посторонней жизни.

Мария Спиридовна почувствовала сильное головокружение, как будто вошла в пике.

А консул в это время шептал:

— Мужчинам могу предложить чикагские носки и запонки, а вам, дамы... — он заговорщически подмиг-

нул, — ожерелья из почти настоящего жемчуга. За все 11 рублей 90 копеек.

— Эх, Феликс Вениаминович, Феликс Вениаминович... — покачала головой бабушка, — как крепко засел в вас этот дух наживы.

Итак, в то время, когда наш герой совершал тайный рейс в компанию наемников, делегация Общества на совершенно законных основаниях продвигалась к Большим Эмпиреям лайнером компании «Лан-Ам», Аллигейтор, Румпельштицхен и другие агенты Интерпола весь рейс до Зурбагана не сходили глаз с суетливого Старженя Фица, а также с поэта Хорошина, который брал на карандаш зарубежные впечатления.

Любезный читатель, еще раз прими мои извинения за вынужденное отступление в недалекое прошлое. Дай руку, мой благосклонный друг, и мы вместе, навравшись мужества, подойдем к порогу решительных и яростных событий.

Дело в том, что пока я рассказывал об организации Общества СССР — Большие Эмпиреи, в тропической ночи близ атолла Фао в полукаబельтовах от мирно дремавшего на якоре «Алеша Поповича» всплыла пиратская подлодка.

Чаби Чаккерс, посланный Доллис, опоздал...

ГЛАВА XV

И ПОСЛЕДНЯЯ

В КОТОРОЙ

СМЕШАЛИСЬ ВСЕ ЗВУКИ

В канун Дня Кассиопеи популярнейшая на островах газета «Ежедневный фонтан» опубликовала статью:

«С праздником, дорогие друзья!»

Мы рады сообщить вам, что в этом году День Кассиопеи будет особенно торжественным. Успехи наших мужественных легионеров, особенно последние победы над финским банановозом, либерийским бензовозом и норвежским жировозом создали нашей маленькой стране международную известность.

Мы рады приветствовать здесь культурно-спортивную делегацию Общества советско-эмпирской дружбы во главе с господой Марийей. Кстати, сообщаем, что вчера госпожа Мария (рост 185, вес 90) показала в плавании баттерфлям лучший результат сезона. Браво, Мария! Так держатся! Мы надеемся, что команда ленинградских юных граций под странным названием «Трудовые резервы» полностью устранит последствия печального недоразумения с флагом «Алеша Поповича». Мы посыпаем свой привет экипажу этого научного галеона! Не обижайтесь на нас, дорогие друзья! Милости просим!

Гвоздем завтрашней программы безусловно явится выступление огромного международного оркестра под управлением выдающегося мастера Грегори фон Нофиорегера. Он исполнит второй концерт для фортепиано с оркестром Чайковского, а также сюиту известного композитора-авангардиста Джорджа Садовника «Скандал на центральном вокзале».

Праздник закончится массовым булонгом вокруг памятника спасителю нашей свободы Серху Филимонович Страттофудо. Мы надеемся, что даже у наших братьев с острова Карбункул будет в этот день сносное настроение.

И вот перед нами центральная набережная Оук-Порта, запруженная праздничной яркой толпой. На эстрад-

де покоряют сердца юные мастерицы художественной гимнастики из общества «Трудовые резервы». На трибуне для почетных гостей, в центре, восседает мадам Накамура-Бранчковска в царственном прекрасном наряде с ожерельями, браслетами и диадемами. На помосте для оркестра, краях, стенах, держась за затяжки, глотая таблетки, клокоча пивом, усаживаются виртуозы.

Легкой пружинистой походкой поднялся мастеро фон Нофиорегер. Погляживая азиатскую бороду, подкривившая огненно-рыжие кудри, поступивая узловатой палицей, блестя сумасшедшим огнем сквозь темные очки, он прошелся среди своих музыкантов, ободряя их:

— Выше головы, шакалы! Кто хочет опохмелиться, опохмеляйся! Главное, чтобы руки не дрожали!

Генниадий со своей флейтой-пикколо (миниатюрным автоматом «Стенли») прятался в глубине, за фуртлярами арф. Он дрожал от возбуждения: пройдет ли все так, как он задумал, не подведут ли простодушные леготы?

Буги-Нофиорегер подсек к нему и зашептал на ухо:

— Смотри, малыш, королева на месте. Только корона пока не хватает, но я уверен, что корону она уже привнесла. Ну, малыш, устроим мы сегодня фестиваль!. А ведь, правда, неплохая идея с оркестром. Голова у меня пока что работает, а Джин? Только эти олухи разинут рты, чтобы послушать Чайковского, как мы достанем свои игрушки. Только сперва еще один сюрприз будет. Увидишь — закачавшись!

Маэстро фон Нофиорегер хоплопал мальчику по плечу и отправился поднимать боевой дух струнной группы.

Генниадий тревожно обвел взглядом набережную, пеструю толпу, в первых рядах которой сидели на чесменских легоперах во главе с Рикко Силлой, трибуну

для почетных гостей, среди которых сидела его добрая бабушка, доцент Вертопрахов и поэт Хорошин. Что это за «сюрприз», о котором сказал Буги? Почему не пришла на Львинную лестницу Доллис? Куда исчез Чаби Чаккерс?

Послышились бешеные аплодисменты и крики «вай-вай», которыми эмпирейцы выражают восторг. Команда «Трудовых резервов» покидала круглую эстраду. По радио обясняли:

— А сейчас выступит юная ленинградская чемпионка Наташа Вертуругроу! Вы увидите изящество, скромность и артизм!

Снова послышились хлопки и крики «вай-вай», но вдруг эти веселые звуки были перекрыты низким утробным звоном судовой сирены.

Из-за угрюмого бастиона появился благородный нос корабля науки «Алеша Попович». В толпе произошло сильное движение, послышились было приветствия, но потом воцарилось смущенное молчание: эмпирейцам было стыдно за тот ужасающий день, когда «Алеша Поповичу» пришло покинуть их гавань.

В полном молчании «Алеша Попович» обогнул волнистом, пересек бухту и встал к стенке. Но что это? Вместо симпатичных улыбчивых моряков на палубе орудовали какие-то мрачные типы в тропических комбинезонах!

— Вот он, этот дьявольский сюрприз! — похолодев, додумался Геннадий.

Благословленный читатель, не обессудь, но сейчас нам с тобой придется вернуться к событиям прошедшей ночи.

Рассставшись с Геннадием, Доллис бросилась в кабинет своей «матери». Она едва успела спрятаться в огромной китайской вазе, как в кабинет, побрякивая кубиками лада в бокалах, вошли заговорщики. Не прошло и получаса, как девочка услышала обо всем: и об автоматах в скрипичных футлярах, и о плане захвата с провокационной целью «Поповича», и о том, что завтра ее «матерь» станет королевой.

— Ты просто гений, Дик, — волночущим голосом сказала мадам. — Все так гениально придумано, что неудачи быть не может. Ну, а на крайний случай я припасла еще кое-что, — и она сказала такую страшную штуку, что Доллис едва не потеряла сознание.

Едва бандиты покинули кабинет, Доллис ринулась к бассейну, вызвала Чаби и приказала ему мачтиться к советскому судну, чтобы предупредить об опасности. Чаби тут же без лишних разговоров ушел в глубину, а Доллис побежала было уже в город, как вдруг была застигнута задыхающимися глыбоподобным Кафро Латифудо.

— Эй, девчонка, то есть ваши высочество! — прохрипел он. — Приказано вас пропроводить в ваши покои и, будь оно проkjлено, не отходить от вас ни на шаг.

— Это ком же приказано? — закричала Доллис, пытаясь вырваться.

— Мамашей твоей, то есть ее величеством. Вот она, монархия, шутить не любит. — Латифудо инкунул, отчего с соседнего дерева сразу поднялось несколько птиц.

— Пустите, чудовище! — крикнула Доллис.

— Не пущу, сокровище, — хмыкнул Латифудо.

Мы уже знаем, что Чаби Чаккерс опоздал. Что по-делаешь — радиосигналы обгоняют даже дельфинов. Получив по радио приказ, «Голубка» взяла на бордаж мирное научное судно.

Приблизившись к судну, Чаби Чаккерс увидел, что на борту его кипит схватка — безоружные моряки и учеными пытались дать отпор вооруженным до зубов бандитам. Могучий Шлиэр-Довейко направо и налево крушил квадратичные челюсти «рыцарей Запада». Друг его Володя Телескопов оборошился плотницким инструментом. Гидробиолог Верестищев фехтовал скальпелем. Капитан Рикошетников, первый помощник Хришиков и несколько матросов геройически защищали радио-

рубку, откуда Витя Половинчатый вещал всему миру о беспрецедентном пиратском нападении на мирный советский корабль. Однако затрахали автоматы, пролилась кровь, и капитан Рикошетников приказал прекратить бессмысленное сопротивление.

Наемники согнали весь экипаж в помещение столовой. Возле каждого иллюминатора встали автоматчики. С подводной лодки на борт «Алеша Поповича» начались спешная погрузка какого-то старого оружия, ржавых винтовок, поломанных минометов и пулеметов. В этом и состоял зловещий план Ричарда Буги: показать наивным эмпирейцам, что «Алеша Попович» набит оружием, что советские моряки вовсе не исследовали прибрежный шельф и владину Я, а, напротив, готовы к захвату их маленькой страны.

Чаби Чаккерс, в яростях от своего бессилия и невозможности помочь друзьям, кружил вокруг «Алеша Поповича». Вдруг он услышал крик:

— Эй, да это никак ты, сержант?

С борта «Поповича» свесился долговязый татуированный детина. Чаби сразу узнал его и хрюкло выругался.

— Это ты, Фрэнки Карбо! Мало тебе Вьетнама, сущин сын!

— Здесь мне побольше платят, чем во Вьетнаме! — хвастливо крикнул Фрэнки.

— Чтоб ты подавился этими деньгами! — гаркнул дельфин.

— Плачет по тебе военно-полевой суд, дезертир! — зарыдал Фрэнки.

— Пусть плачет! — рявкнул Чаби, выпрыгнул из воды, схватил своими могучими челюстями негодяя за чуб и увлек его в пучину. Одним бандитом в мире стало меньше.

Между тем в помещение столовой вошел элегантный господин в светлом костюме, м-р Кингсли Б. Мамис.

— Господин капитан, господин! — вежливо обратился он к экипажу «Поповича». — Вы можете чувствовать себя почти в полной безопасности. От вас требуется очень немногое. Нужно, чтобы по приходе в Оук-Порт один из вас, предпочтительно вы, господин капитан, выступил перед населением и рассказал всю правду.

— Какую правду? — спросил, скрестив руки на груди, Рикоштников.

— Нужно снять маску, сэр, — улыбнулся Мамис. — Рассказать народу о воинском характере вашей экспедиции, о планах захвата этих живописных островов. Ведь ваше судно напичкано оружием, буквально нафаршировано им, сэр.

Рев возмущения вырвался из десятков глоток. Рикоштников встал.

— Никто из нас никогда не пойдет на это. Ваша провокация обречена на провал.

— В таком случае вас всех придется уничтожить, — печально улыбнулся Мамис.

— Наше правительство этого так не оставит, — спокойно сказал Рикоштников. — Шутите с огнем, мистер.

— Ваше правительство далеко, а наши автомобили близко, — Мамис посмотрел на часы. — Десять минут на размышление, господа. После этого откроем огонь.

Прошло пять минут. Мамису стало не по себе под взглядами этих словно высеченных из камня лиц.

— Начнем с вас, капитан, — проговорил он.

— Благодарю за честь, — усмехнулся Рикоштников.

— Отдаю должное вашему мужеству, господа, но я тоже выполняю свой долг.

— Грязный долг, — пробасил Шлинер-Довейко.

Прошло десять минут, когда вдруг поднялся плотник Володя Телескопов.

— Ну, ребята, раз уж никто из вас не хочет рассказать правду, тогда уж мне придется, — сказал он, почесывая в затылке.

Итак, «Алеша Попович» под взглядом тысяч глаз встал к стенке. Еще не были заведены швартовы и спущены трапы, когда на палубе появились Кингсли Б. Мамис и Володя Телескопов. Мамис взял в руку микрофон и сказал:

— С праздником, дорогие друзья-эмпирейцы! В tolle возник ропот.

— Кто этот иностранец? Что это за господин непрятной наружности? Что ему нужно на корабле дружественной страны?

Мамис улыбнулся.

— Господа, я представитель страны, которая ценит юмор, но не любит шутить. Наша довольно-таки мощная держава обожает малые страны. В доказательство этого я приношу на алтарь нашей дружбы этого жирного тельца, — он обвел руками судно, — этот советский военный корабль. Да-да, господа, русские водили вас за нос. Они только делали вид, что исследуют океан, а на самом деле готовили захват Оук-Порта. Но смелые люди помешали проником коммунистов!.. Вы сами сможете убедиться в том, что «Алеша Попович» буквально нафарширован оружием. Но прежде перед вами выступит псевдо-плотник, а в действительности майор советской разведки Владимир Телескопов. Он расскажет вам всю правду. Пожалуйста, Владимир Екатеринович.

Мамис передал микрофон Телескопову. Володя ма- лость затерялся, затормись, засмущался, но потом откашлялся и заговорил на прекрасном эмпирейском языке.

— Значит, с праздником! Я тут у вас, товарищи, не первый раз гуляю. Еще в 64-м году проездом из Халигалии за рубанком завязал. Может, ктопомнит?

— Еще бы не помнить! — закричали два эмпирейца, склесарь Фирцик и библиотекарь Градус. — Еще бы не помнить Володечку! Смутно припомнинем.

— Это очень даже приятно, что не забыли, — сказал Володя. — Ну, а что касается правды, так этот вот утконосый господинчик, — он показал через плечо большим пальцем на Мамиса, — со своим хулиганством совершили против нашего корабля науки чистейшую международную провокацию. Никто их не приглашал на наше судно, а тем более с огнестрельным оружием. В таких условиях исследовать океанские глубины довольно-таки трудно, а ведь каждый знает, что океан — это будущее человечества! И насчет майорского звания — брехня, потому что я ефрейтор запаса. Прошу представителей милиции подняться на борт и составить акт. Спасибо за внимание.

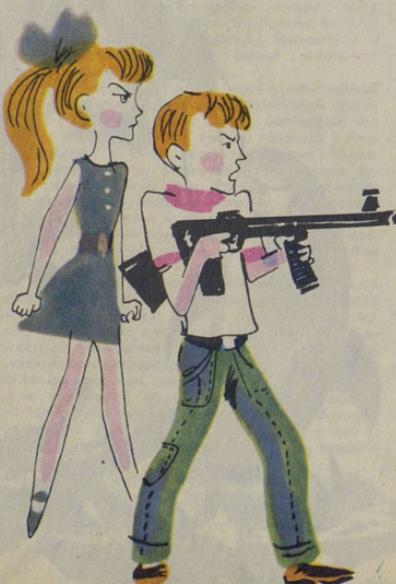
Взвешенный Мамис, не помня себя, выхватил из кармана пистолет и направил на Володю. Володя вытер нос рукавом, и набычившись, пошел на Мамиса.

— Стрелять хочешь, позорник! Стрелять? А на по- пробуй, стрелени!

Толпа взревела и бросилась по трапу на борт «Алеши Поповича». Ничего не понимающие наемники тут же были разоружены советскими моряками и разгневанными эмпирейцами. Некоторые наемники прыгали за борт на радость Чаби Чаккерса. Мамис рыдал в железных объятиях Шлинер-Довейко.

На набережной творилось что-то невообразимое. Геннадий ликовал. Мадам Накамура-Бранчевская кусала губы. Покусав некоторое время свои прекрасные пунцовные губы, мадам отбросила перламутровый веер и подошла к микрофону.

— Друзья, — сказала она своим глубоким голосом, и толпа сразу затихла, потому что привыкла прислушиваться к словам обаятельной дамы, — забудем все грубое, жуткое, некрасивое и предоставим слово

скрипкам, фортепьяно, арфам, валторнам... Мэстро фон Нофирогерт, вуал!

В тишине, наступившей после этих слов, четко простирались шаги удивительного дирижера. Он встал перед пультом, резко взмахнул своей палицей и рявкнул:

— Открыть футляры!

Наёмники бросились к футлярам и стали извлекать оттуда на свет божий скрипки, контрабасы, виолончели, валторны... Изумлению их не было пределов; и оно еще усилилось, когда они увидели, что из толпы на них смотрят их любимые игрушки — автоматы, гранатометы и даже маленькая безоткатная пушка.

Мэстро фон Нофирогерт не верил своим глазам. Все закружилось перед ним, когда он увидел, что к нему приближаются, наставляя автоматы, его верный паж Джин Страйтфонд и Джон Грей Силач-Повеса.

— Эй, шакалы, в чем дело? — заорал дирижер.

— Руки вверх! — крикнул ему Силач-Повеса, а Генадий сорвал рыжий парик и ассирийскую бороду.

— Братцы, да это же Дик Буги! — закричали в толпе. — Иши, пройдоха! Мало его били в трактире «Синь-кай»!

Перекрывая весь шум, над набережной прокатился голос народного любимца Рикко Силлы:

— Наёмные убийцы, сдавайтесь! Вы все под прицелом!

В оркестре руки поползли вверх, послышались рыдания, кое-кто, в том числе Горилла Пабст, потерял сознание. На эстраду мячиком вспрыгнул сенатор Нафнити Куче в своей неизменной майке с цифрой 3.

— Друзья! — закричал он. — Наш народ едва не стал жертвой заговора этой недостойной леди Накамура-Бранчковской, известного всем нам мошенника Ричарда, а также черных сил мирового империализма! Заговор сорван, дорогие друзья, и сорван он благодаря вот этому храбому мальчику! — Нафнити Куче положил руку на плечо Геннадия. — Этот мальчик, друзья, советский пионер Геннадий Стратофонтов, прямой потомок нашего памятника, русского адмирала Серхоя Филимонова Стратофудо!

Восторженный рев потряс набережную. В воздух взлетели шляпы. Радостно загудел «Алеша Попович».

Геннадий стоял, вытянувшись в струнку, и, что грех таини, слезы застыли у него в глазах. Сквозь эти слезы он видел только свою дорогую бабушку, которая широкими плечами прокладывала к нему путь в толпе. Движения ее, как всегда, напоминали баттерфляй.

— Мы награждаем Геннадия Стратофонтова «Знаком Почетного Эмпирейца», торжественно провозгласил сенатор и повесил на шею Геннадию якорек с прописанной к нему старинной монетой.

— Проклятый щенок! Предатель! — вдруг возопил не своим голосом Ричард Буги. Отпрыгнув в сторону, он метнул прямо в Геннадия свою палицу, на конце которой сверкнуло в лучах солнца стальное жало. С гордым криком наперевес палица бросился Джон Грей Силач-Повеса и рухнул к ногам Геннадия, пораженный в грудь.

Геннадий упал на колени рядом с другом. Мгновенно побледневший как полотно Джон Грей улыбнулся:

— Прощай, Гена, — проговорил он. — Ты паренек первого класса. Послушай, может, я не совсем правильно жил, но умираю я правильно.

Голова легендарного Силача-Повесы бессильно упала набок. Потрясенный этой мгновенной трагедией мальчик некоторое время не мог двинуться с места.

Из толпы вдруг вынырнула и подбежала к Геннадию Долис. Она была в купальном костюме, мокрая, задыхающаяся.

— Геннадий, бистре!.. Я проплыла через тоннель... Мадам и Буги удирают каторем на Карбункул... Они хотят взорвать наш вулкан, вызвать извержение, чтобы началась паника. Они приготовили это давно, на крайний случай. Кабель проложен по дну пролива, в кратере — тротил...

Сломя голову Геннадий бросился к бухте. Сильно оттолкнувшись от стенки, он прыгнул в воду и поплыл стремительным кромлем. Вскоре он почувствовал, что за ним плывет кто-то еще. Он оглянулся и увидел Долис.

— Долис, — крикнул он. — Где сейчас Чаби Чаккерс?

— Я не Долис! Я Наташа! — последовал ответ.

Дельфин вынырнул из глубины в воротах порта.

— Забирайтесь на меня! — крикнул он. — Держитесь крепче!

Чаби достиг берега Карбункула в тот момент, когда Накамура-Бранчковска, подобрав королевское платье, и Ричард Буги с развеивающимися фалдами фрака карабкались по крутой тропинке вверх.

Сквозь колючие заросли, по дорожкам парка, по мятому муху и песку мальчик и девочка выскочили на колючее плоскогорье, над которым возвышалась старинная башня, место первого заточения Геннадия. Мадам и Буги бежали к башне. Вскоре они исчезли из виду.

— Стой, Наташа! — скомандовал Геннадий, когда они оказались у подножия мрачного сооружения. Наташа расширенными от изумления глазами смотрела, как Гена Стратофонтов, этот ничем особенно-то не премечательный ее одноклассник, деловито отваливает ка-

кото-то валик, вынимает из ямки тяжелый автомат и ставит его на боевой взвод.

— Ты со мной не пойдешь, — сказал Гена. — Это опасно.

— Я от тебя не отстану! — сердито сказала Наташа. — Чем я хуже этой твоей Долли?

— Времени нет спорить! Погоди!

Они осторожно обогнули башню и увидели, что входная дверь не заперта. Геннадий шагнул первым и чуть не вскрикнул: нога его повисла в воздухе — пола в башне не было.

Геннадий понял, что каменный пол башни опускается и поднимается наподобие лифта. Он осмотрелся и увидел, что одна из щелей между камнями кладки шире других. Просунув в эту щель палец, он нашел две кнопки и нажал верхнюю. Появился тихий гул — из тьмы колодца поднялся пол. Мальчик и девочка забежали в башню. Нажавшие нижней кнопки, и пол пошел вниз. Он остановился перед входом в длинный, слабо освещенный туннель. Геннадий и Наташа ринулись вперед.

Поворот, поворот, еще, еще и вдруг перед ними открылась картина немыслимой красоты. За распахнутой стальной дверью был большой зал с огромной стеклянной стеной, и за этой стеной вились кораллы, колыхались стебли подводных растений, проплывали стайки рыб. Вот повис на своих крыльях, выпучив маленькие глазки, желтобрюхий скат. Из расселины показалась щупальца осминога.

Наташа и Геннадий, ошеломленные, стояли на пороге этого подводного зала. В зеленоватых сумерках, в фантастической игре света и тени они не сразу заметили тех, за кем гнались. Те в свою очередь тоже не видели их. Невоцарившаяся королева Больших Эмпиреев и Карбункула и незадачливый основатель династии Буги-Буги сидели в кресле перед каким-то сложным пультом и устали курили.

— Ты меня не бросишь, Дик, не предашь? — хриплым голосом спросила Накамура-Бранчковска. — Учти, у меня еще остались зубы.

— Включай, устрой им фейерверк к праздничку, — усмехнулся Буги.

— Включаю первый заряд! — резко сказала мадам и повернула какой-то рубильник.

В следующую минуту Геннадий длинной очередью из автомата превратил пульт в дымящуюся искореженную кучу металла.

Мальчик и девочка вбежали в зал.

— Руки вверх, преступники! — крикнул Геннадий.

Подняв руки над головой, с искаженными от страха и ненависти лицами, мадам и Буги отступали к дверям. — Опять это ты, дьяволенок, русский гаденыш, — кричал Буги.

— А это ты моя вонечка, ты моя скровища.

— Это ты, моя доченька, ты, мое сокровище, — проговорила мадам, гипнотизируя Наташу огромными страшными глазами. — Ты тоже с ним заодно... Ну, так получай жёл — она вдруг дико вскрикнула, закинула правую руку за спину и резко выбросила ее вперед.

В воздухе просвистел аргентинский пружинный нож. Геннадий едва успел вскинуть руку перед Наташиным лицом. Нож пробил ему ладонь.

Буги бросился вперед, как бешеный зверь, но, наткнувшись на пулью, упал лицом вперед. Мадам скользнула в коридор. Тяжелая бронированная дверь за-

— Гена, Геночка, — плакала Наташа, пытаясь вытащить нож из ладони мальчика. Вскоре ей это удалось.

— Разорви мою рубашку и затампонируй рану, —
сказал Геннадий. — Сейчас главное придумать, как вы-
браться отсюда.

— Сейчас нам всем будет конец, — вдруг прохрипел Буги.

— А вы еще живы, император, — усмехнулся Генадий. — Почему же нам всем конец?

— Сейчас увидишь, — странным тоном сказал Буги и приподнялся на локтях.

Он смотрел прямо на стеклянную стену, отделяющую зал от дна океана.

Минуту спустя стена стала медленно подниматься. Вода хлынула в зал и сразу поднялась до колен. Бу-

— У этой бабы все здесь предусмотрено. Так что, Джин, пиши пропало... Глубина сорок пять мет-

ров... Ты меня победил, но и сам пойдешь акулам в зубы. Встретимся в аду, разберемся. Или ты рассчитывашь попасть в рай?

Вода, бурно клокоча, вливалась в зал. Вот она уже поднялась до груди.

— Никакого ада и рая нет! — крикнул Геннадий. — Все это бредни.

— Нету и не надо! Нету и тем тишина!

- Нету и не надо! Нету и тем лучше!
- Ясно было, что он окончательно спятил.
- Кажется, погибаем, Наташа, — шепнул Геннадий.
- Кажется, да — ответила девочка. Геннадий был

— кажется, да, — ответила девочка. Геннадий был поражен ее способствием. Наташа только закусила губы, чтобы не закричать от ужаса.

— Плыши за мной! — отчаянно крикнул Геннадий и поднялся под стеклянную стену.

Они успели проплыть через заросли кораллов. Теперь под ними была бездонная черная бездна, а на верху, очень высоко, безнадежно высоко разливалось

— Ооооууууииизззз! — позвал Геннадий, и все закружилось перед ним, страшная тяжесть со всех

Доктор геологических наук Вертопрахов сиял от редкого счастья, выпавшего на его долю. Он стоял, обняв за плечи левой рукой doch свою Наташу, а правой ее зеркальную копию Доллис. Многочисленные корреспонденты эмпирейских газет окружили красавицу троицу, красавицу потому, что ученый тоже не был лишен своеобразной мужской красоты.

— Да, господа, Доллис — моя дочь, и ее настоящие имя Даши, то есть Дарья. Даши и Наташа — близнецы, родившиеся в Ленинграде с интервалом в четыре минуты. Неопровергнувшим доказательством являются своеобразные родинки, расположенные у Даши под правым, а у Наташи под левым ухом. В этом легко убедиться, откнув соответствующие пряди.

Девочки охотно откинули соответствующие пряди и показали изумленным корреспондентам совершенно одинаковые родинки.

— А дело было так, — продолжал Вертопрахов. — В середине пятидесятых годов мы с моей женой, крупным теоретиком и практиком, возглавили геологическую экспедицию в дружественной Нейтральной Бирме. Наши малютки были с нами и, представьте себе, господи, тропики ничуть не вредили их развитию. Целыми днями крошки играли среди бурной бирманской растительности, забавляясь с мангустами, желтопузиками, шакалятками... Однажды из джунглей выскочил бешеный слон с несколькими бандитами на спине. Бандиты пытались разрушить наш лагерь, но получили достойный отпор и скрылись. Увы, вместе с ними исчезла в джунглях одна из наших дочек... Пропала Даша... — сказал он неуверенно, и, помолчав, добавил: — А может быть, Наташа...

— Как, папка?! — воскликнула изумленная Наташа. — Значит, может быть, это я пропала?

Повесть В. Аксенова «Мой дедушка – памятник» была впервые напечатана в журнале «Костер» (Ленинград) в №№ 7 (Пролог – Гл. III), 8 (Гл. IV – VII), 9 (Гл. VIII – XI) и 10 (Гл. XII – Эпилог) за 1970 г.

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.